F. O. rel. 3333 (3

Ostrowski

СОЧИНЕНІЯ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

III.

495 Н

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ Д. Е. КОЖАНЧИКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова. на Невскомъ просп., противъ Публичной Библіотеки, въ домѣ Демидова,

Въ Книжномъ магазинѣ С. В. Звонарева и К°., на Невск. просп., противъ Аничкова Дворца, въ д. Меньшикова, № 64.

1867.

BIBLIOTHECA
MONACENSIS.

Въ типографіи К. Вульфа, Литейный просп. № 60.

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ.

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

(КАРТИНА МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ).

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИНОВЪ, сынъ ея.
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, сваха.
МАТРЕНА, кухарка.
ПАВЛИНЪ ИВАНЫЧЪ УСТРАШИМОВЪ, сослуживецъ Бальзаминова. Брюнетъ, большаго роста, лицомъ мраченъ и рябоватъ.

(Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Бальзаминова *(одна, сидитъ съ чулкомъ въ рукахъ).*

У Миши, должно быть, опять какіе нибудь планы въ головѣ. Прибѣжитъ изъ присутствія, пообѣдаетъ наскоро, — да и былъ таковъ, и пропалъ на цѣлый день. Гдѣ-то онъ, бѣдный, бродитъ?—Должно быть далеко, далеко куда нибудь ходитъ! Придетъ всегда такой измученный, усталый, и лица-то на немъ нѣтъ, и не ѣстъ ничего, только все вздыхаетъ. Надо полагать,—онъ въ Рогожскую бѣгаетъ; а пожалуй, что и въ Лефортово! Все разбогатѣть-то ему, бѣдному, хочется. Ну, да это

*

ничего, пускай бѣгаетъ; это еще здорово, говорятъ. Теперь время лѣтнее, дѣлъ у него никакихъ нѣтъ особенныхъ; все-таки лучше: пусть на воздухѣ бѣгаетъ, чѣмъ въ комнатѣ-то сидѣть; да еще и польза можетъ произойти. Только я все что-то боюсь за него; все какъ-то мнѣ не вѣрится, чтобы онъ ужь очень богатую-то невѣсту себѣ нашолъ. А ужь сколько у него къ этому дѣлу старанія! Даже удивительно это видѣть. По его-то старанію ему бы ужь давно надо миліонщицу приспособить. Должно быть, счастья нѣтъ! Безъ счастья, сколько ужь ни старайся, ничего не выходишь. Говорятъ, и грибы искать—счастье нужно; а ужь невѣстъ-то и подавно. Вотъ былъ же случай у Ничкиныхъ; а изъ-за чего разошлись? Такъ, изъ пустяковъ. Нужно же было этому облому пріѣхать! И какъ на грѣхъ его принесло въ такое время! Кабы не онъ, жили бы мы теперь, какъ сыръ въ маслѣ катались. Есть же такіе злые люди на свѣтѣ! Ну, что̀ ему нужно было? Себѣ онъ пользы никакой не сдѣлалъ, только Мишу моего обидѣлъ. *(Матрена входитъ съ письмомъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Бальзаминова и Матрена.

Матрена.

Письмо вотъ принесли. *(Подаетъ)*.

Бальзаминова.

Кто принесъ?

Матрена.

Должно, что почтальонъ, одѣтъ такъ, по военному. Говорятъ: городская почта.

Бальзаминова.

Отъ кого бы это? Я ужь и не знаю.

Матрена.

И я не знаю. Да вотъ что: вы мнѣ дайте письмо-то.

Бальзаминова.

За чѣмъ тебѣ?

Матрена.

Я догоню солдата-то, да назадъ ему отдамъ.

Бальзаминова.

Что ты! какъ можно назадъ, когда оно къ Мишѣ писано.

Матрена.

Должно быть, солдатъ-то по ошибкѣ занесъ; часто бываетъ, что въ другой домъ заносятъ.

Бальзаминова.

Да я тебѣ говорю, что къ намъ. Вотъ и на адресѣ написано.

Матрена.

Нѣтъ, право лучше назадъ отдадимъ отъ грѣха. Кто къ намъ письма писать станетъ? Кому нужно! Вѣдь письма-то пишутъ, коли дѣла какія есть, али знакомство; а у насъ что!

Бальзаминова.

Какая ты глупая! Ну слушай: «Его Благородію....

Матрена.

Ишь ты «Благородію»!

Бальзаминова.

«Михаилу Дмитріевичу Бальзаминову.»

Матрена.

Ну, да хоть и написано, а все лучше назадъ отдать; а то еще, пожалуй, солдата-то въ отвѣтъ введешь передъ начальствомъ. Давайте! Что право!

Бальзаминова *(Кладетъ письмо въ столъ).*

Съ тобой, вѣдь, не сговоришь. Ты смотри, не вошолъ бы кто въ кухню-то!

Матрена.

Украсть-то тамъ нечего, хошь и войдетъ кто. *(Уходитъ и возвращается).* Тамъ идетъ кто-то по двору-то.

Бальзаминова.

Ктожь такой?

Матрена.

Кто его знаетъ! Черный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то комужь! Словно какъ онъ бывалъ тутъ.

Бальзаминова.

Устрашимовъ, должно быть.

(Матрена уходитъ. Входитъ Устрашимовъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бальзаминова и Устрашимовъ.

Устрашимовъ *(Кланяется).*

Михайло дома?

Бальзаминова.

Нѣтъ. Ушолъ куда-то.

Устрашимовъ *(Подходитъ къ окну и молча, мрачно смотритъ на улицу).*

Да это вѣрно?

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, что мнѣ тебя обманывать-то!

Устрашимовъ *(Продолжаетъ глядѣть въ окно).*

Бываетъ, иногда *(многозначительно)* прячутся. Ну, да вѣдь это не поможетъ. Нѣтъ, шалишь!

Бальзаминова.

Вы такія странныя слова говорите, что и понять васъ нѣтъ никакой возможности.

Устрашимовъ.

Нѣтъ, Миша, это, братъ, дудки! Атанде-съ!

Бальзаминова.

Вы мнѣ объясните, въ чемъ ваше дѣло, и что́ вамъ угодно: такъ я сыну и передамъ.

Устрашимовъ *(Со вздохомъ, продолжая глядѣть въ окно)*.

Тутъ, братъ, два года хожено. Это не другое что нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моимъ несчастьемъ вздумалъ воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди еще, можетъ быть, самъ туда попадешь! Боже мой, Боже мой! Какъ это случилось? Какъ это могло случиться!

Бальзаминова.

Если вы Мишу ждете, такъ напрасно безпокоите себя: онъ, обыкновенно, къ ночи приходитъ.

Устрашимовъ *(Оборачивается)*.

Нѣтъ-ли у васъ воды? Развѣ вы не видите: я ужасно разстроенъ.

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, какое-же мнѣ дѣло, что ты разстроенъ!

Устрашимовъ *(Садится)*.

Прикажите мнѣ дать воды! Ну, я васъ прошу наконецъ.

Бальзаминова.

Что ты угорѣлъ, что ли? Матрена, подай стаканъ воды!

Устрашимовъ.

Да-съ, бываютъ случаи! жизнь не мила, вотъ оно какъ-съ. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова.

Гдѣ понимать!

Устрашимовъ.

А отъ чего? Отъ чего, я васъ спрашиваю?

Бальзаминова.

Да что ты присталъ?

Устрашимовъ.

Все отъ своей гордости, да отъ женскаго капризу. Вотъ отъ чего-съ.

(Матрена входитъ со стаканомъ воды на тарелкѣ).

Матрена.

Кому воды-то?

Устрашимовъ.

Мнѣ. *(Беретъ и, въ разсѣянности, задумчиво смотритъ на Матрену).*

Матрена.

Что ты глаза-то выпучилъ?

Устрашимовъ *(Разсѣянно).*

Выпучишь. *(Пьетъ и отдаетъ стаканъ Матренѣ. Матрена уходитъ. Устрашимовъ подходитъ къ Бальзаминовой)* Да-съ! Такъ вы скажите ему, что я былъ здѣсь, что я очень разстроенъ; онъ пойметъ. Или нѣтъ!... *(Подумавъ)* Вы скажите ему *(грозно и съ разстановкой)* что если онъ осмѣлится туда хоть носъ показать, такъ я.... Постойте! Скажите ему, что я ста тысячъ не возьму, умру тамъ у воротъ.... Ужь онъ знаетъ гдѣ. Намъ двоимъ жить на свѣтѣ нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо онъ, либо я!...

Бальзаминова *(Отворачиваясь).*

Надоѣлъ, голубчикъ!

Устрашимовъ.

Да что тутъ надоѣлъ! Вы войдите въ мое-то положеніе.

Бальзаминова.

Очень мнѣ нужно!

Устрашимовъ.

Или вотъ что! Я и забылъ. Отдайте ему это письмо. (*Достаетъ письмо и подаетъ*). Я его написалъ на случай, если не застану. Онъ пойметъ: знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Ну, да еще онъ увидитъ! Онъ будетъ меня знать! Я смирный человѣкъ; но если дѣло коснется женщины, либо интересу, тогда ужъ я неумолимъ. Прощайте! (*Уходитъ*).

Бальзаминова.

Что онъ тутъ мнѣ наплелъ? Должно быть за одной ухаживаютъ. Да, такъ точно! По его словамъ-то такъ и надо полагать. Ишь ты, еще пугать выдумалъ! Такъ его и побоялись! Такъ ему Миша и уступитъ! Какъ же! Тебѣ ходить мимо оконъ не мѣшаютъ; и ты другимъ не мѣшай! Кому Богъ пошлетъ, того и счастье. Чтой-то на немъ больно много этихъ разныхъ штукъ нацѣплено,—и колецъ, и всего! Должно быть самъ-то интересанъ, такъ вотъ ему и завидно, чтобы другимъ не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Какъ бы только Миша не разсердился. (*Прячетъ въ столъ*) Я. такъ Мишѣ и скажу: «нечего тебѣ на нихъ смотрѣть; много ихъ тутъ найдется; а ты свое дѣло дѣлай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдутъ невѣсты тебя отыскивать; самъ долженъ ходить, да искать хорошенько.»

А то ишь ты нагородилъ тутъ съ три короба, да и думаетъ, что его побоятся. Нѣтъ, братъ, тутъ дѣло серьезное, денежное! Стражаться, такъ стражаться,—чья возьметъ. Никакъ Миша идетъ?

(*Бальзаминовъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV-е.

Бальзаминова и Бальзаминовъ (*Входитъ и садится въ раздумьи*).

Бальзаминова.

Что это ты скоро воротился, али забылъ что?

Бальзаминовъ (*Садится*).

Такъ, раздумалъ, маменька. У меня такая примѣта есть. И ужь эта примѣта самая вѣрная. Если ты идешь и задумалъ что нибудь, и вдругъ тебѣ встрѣча не хорошая: лучше воротись, а то ничего не будетъ. Если такъ идешь, безъ мысли, такъ еще можно продолжать дорогу; а коли есть мысль,—воротись.

Бальзаминова.

Какой ты, Миша! Молодой еще ты, можно сказать, мальчикъ, а примѣты разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминовъ.

Конечно, маменька, если разсуждать правильно, такъ всѣ эти примѣты—бабья болтовня, вздоръ; только все-таки въ нашемъ дѣлѣ нельзя примѣтамъ не вѣрить. Потому что, маменька, въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья, рѣшительно все.

Бальзаминова.

Да въ какомъ же это въ вашемъ дѣлѣ?

Бальзаминовъ.

Да какъ же, маменька! У другаго дѣло вѣрное, такъ что̀ ему до примѣтъ! Онъ такъ на вѣрное и идетъ, куда ему нужно. А у насъ все отъ случая, все отъ счастья. Мы никуда на вѣрное не ходимъ. Иду по улицѣ—вдругъ понравился,—ну, и богатъ, и счастливъ; не понравился,—ну, всю жизнь бѣдствуй. А вѣдь, это, маменька, съ одной стороны даже заманчиво. Я, бѣдный молодой человѣкъ, рѣшительно голь, ну голь, какъ есть во всей формѣ, хожу себѣ, гуляю гдѣ нибудь и вдругъ... Вы только представьте это себѣ, маменька, вдругъ вижу я подъ окномъ даму или дѣвицу. Разъ прохожу, два, — бросаю нѣжный взглядъ; она мнѣ отвѣчаетъ тѣмъ же. Я знакомлюсь черезъ кого нибудь, и, вдругъ, представьте, домъ этотъ, въ которомъ я ее видѣлъ, — мой; и сижу я по утру за чашкой кофею въ бархатномъ халатѣ... *(Быстро встаетъ)* Вотъ это — жизнь! Боже мой милостивый! И можетъ быть, маменька, мнѣ это счастье суждено; можетъ оно ждетъ меня гдѣ нибудь; я только не знаю, гдѣ оно, тамъ, или тамъ, или тамъ. Я только не знаю, куда идти, гдѣ его искать-то... и вдругъ судьба...

Бальзаминова.

Мечты вѣдь это все, мой другъ, такъ все одно—облако.

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, зачѣмъ вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствіе—мечтать. Иногда такъ занесешься, занесешься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладываютъ въ карету!»

Бальзаминова.

Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего быть не можетъ.

Бальзаминовъ.

Ну, нѣтъ, маменька, вы не говорите этого! Какъ же

можно такъ говорить! Да, вотъ вы увидите, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ что нибудь да ужь будетъ хорошее.

Бальзаминова.

Откуда это? Изъ какихъ земель?

Бальзаминовъ.

Ужь я не знаю, откуда,—а будетъ. Вы видѣли, какъ я вчера былъ веселъ?

Бальзаминова.

Ну, такъ что же?

Бальзаминовъ.

А знаете ли, отъ чего? Развѣ ужь сказать? Я, маменька, молодой мѣсяцъ видѣлъ съ правой стороны.

Бальзаминова.

Только-то?

Бальзаминовъ.

Позвольте, позвольте! Вы развѣ не вѣрите въ эту примѣту?

Бальзаминова.

Да какъ же вѣрить-то! Я сколько разъ на своемъ вѣку видала мѣсяцъ-то съ правой стороны, а вотъ ничего не случилось особеннаго.

Бальзаминовъ.

А вотъ увидимъ! Нѣтъ ужь я такъ увѣренъ, что хоть на пари готовъ. Давайте, маменька, поспоримъ о чемъ нибудь. Если случится что, такъ вы проиграли; а если не случится, такъ я.

Бальзаминова.

Эхъ, какой ты глупый! что тутъ спорить-то! я ужь знаю, что ничего не будетъ.

Бальзаминовъ.

Подождите, подождите, увидимъ. А ужь если это не сбудется,—я не знаю чему тогда и вѣрить послѣ этого!

Бальзаминова.

Ну, да вотъ замѣтимъ, давай, съ котораго числа по которое.

Бальзаминовъ.

Надо считать, маменька, отъ новаго мѣсяца и опять до новаго. Въ это-то время, маменька, и нужно ждать чего нибудь. У меня просто сердце не на мѣстѣ; такъ вотъ и жду, такъ вотъ и жду каждую минуту... *(Красавина входитъ, Бальзаминовъ ее не замѣчаетъ)* вдругъ случится что нибудь...

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Красавина.

Красавина.

Да и случится.

Бальзаминовъ *(Остолбенѣвши, смотритъ на Красавину).*

Ахъ!

Красавина *(цалуясь съ Бальзаминовой).*

Здравствуйте, матушка Павла Петровна!

Бальзаминова.

Здравствуйте! Садитесь! Что, опять съ вѣстями?

Красавина.

Я, что птица вѣщая, даромъ не покажусь!

Бальзаминова.

Не опять ли по прежнему?

Красавина.

Ужь видно не судьба; а я не причинна. Сами видѣли, я свой оборотъ сдѣлала: а я за всѣхъ не отвѣтчица, коли онѣ всякому въ своемъ домѣ волю даютъ. *(Бальзаминову)* Ну что, получилъ?

Бальзаминовъ.

Что получилъ?

Бальзаминова.

Я и забыла,—вѣдь тебѣ письмо принесли. *(Достаетъ письмо)*.

Красавина.

Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминовъ.

Какъ это вы, маменька! Вы должно быть, мнѣ совсѣмъ счастья не желаете! Какъ можно забывать такія вещи! Вѣдь тутъ, можетъ быть, вся судьба моя. *(Беретъ письмо)*.

Красавина.

Тутъ она и есть.

Бальзаминовъ.

Ну вотъ видите! Эхъ, маменька! Батюшки, не распечатаю никакъ, руки такъ и ходятъ, такъ и ходятъ. *(Съ сердцемъ)*. Ну, затряслись, затряслись! Экой характеръ! экой подлой характеръ! Самъ не радъ, ей-Богу не радъ.

Красавина.

Да и есть отъ чего. Какъ тутъ рукамъ не затрястись! Еще то ли бываетъ.

Бальзаминовъ.

Да постой ты! Я въ себя не приду, а ты еще подбавляешь.

Красавина.

Да ну тебя! ужь и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова.

Тутъ тебѣ еще есть письмо; ну, да это не важное.

Бальзаминовъ.

Маменька, маменька! что вы со мной дѣлаете! Боже мой милостивый! До того ли мнѣ?

Бальзаминова.

Ну, я его тутъ на столѣ положу; послѣ прочитаешь на досугѣ; это отъ Устрашимова; онъ заходилъ безъ тебя.

Бальзаминовъ *(распечатываетъ)*.

Ухъ! насилу распечаталъ.

Бальзаминова.

Да отъ кого это? скажите вы мнѣ.

Красавина.

А вотъ, изволите видѣть: ходитъ-бродитъ онъ, добрый молодецъ, по такимъ полестинамъ, что другому и на умъ не взойдетъ. Доходился онъ до край-Москвы, видитъ онъ стоитъ новъ-высокъ теремъ; а во этомъ терему, во купеческомъ дому, такая пава, что только «ахъ», да и все тутъ. Не скажу, чтобы красавица, а пышна ужь очень. Такъ пышна, что нынче мало можно найти такихъ женщинъ, вотъ какъ! Ужь именно, что на ловца и звѣрь бѣжитъ. Вотъ онъ ходилъ—ходилъ мимо оконъ-то, да, не будь дуренъ, амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видѣла письмо-то. Пишетъ это такъ учтиво, безо всякаго охальства. Другой вѣдь напищетъ, просто страмъ; а это хоть барышнѣ дай, такъ ничего. Отъ этого письма она и приди въ чувство; ужь оченно ей понравилось, что учтиво пишетъ-то, что

охальства-то никакого нѣтъ. А онъ еще въ концѣ-то стихъ прибавилъ: «Взвѣйся вихорь, вѣтерочекъ, отнеси ты сей листочекъ,—въ объятія тому, кто милъ сердцу моему.» А на пакетѣ-то написалъ: «Лети туда, гдѣ примутъ безъ труда.» Стихомъ-то ужь онъ ее больше и убѣдилъ.

Бальзаминовъ *(все время слушалъ).*

Неужели стихомъ?

Красавина.

Стихомъ. Она въ стихи очень вѣруетъ, потому, говоритъ, коли что стихами написано, ужь это вѣрно: значитъ, отъ души человѣкъ писалъ, безъ всякой фальши. А я и случись тутъ, какъ онъ письмо-то въ окошко бросилъ.

Бальзаминова.

Въ окошко бросилъ?

Красавина.

Въ окошко. Вижу ее въ такихъ чувствахъ отъ его учтивости-то: напишите, говорю, ему на отвѣтъ; и адресъ твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова.

Кто же такая?

Красавина.

Вдова, Антрыгина. При большихъ деньгахъ, а одна, какъ есть. Ну теперь читай, что тебѣ на отвѣтъ написано.

Бальзаминовъ *(читаетъ).*

«Вы пишите, что, можетъ, ваше письмо будетъ непріятно; но ежели бы оно было непріятно, вамъ бы, напротивъ того, ничего не отвѣчали. Поймите изъ этого! Завсегда видно по поступкамъ, кто чего стоитъ; по

этому самому ваше знакомство для насъ будетъ очень пріятно; то и можете меня видѣть въ извѣстномъ вамъ домѣ, когда вамъ угодно. Заочно посылаю вамъ воздушный поцѣлуй...» (*Перестаетъ читать*) Маменька! Что же это такое, я васъ спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остается. Да я когда нибудь и умру отъ этого. (*Садится въ задумчивости*).

Красавина.

Такая женщина, я вамъ скажу, одно слово—король! И характеру самаго слободнаго.

Бальзаминовъ.

Какъ же это такъ, матушка, слободнаго-то?

Красавина.

Такъ, слободнаго, да и все тутъ. Ходитъ это по комнатамъ, размахиваетъ руками. «Никого, говоритъ, я не боюсь, что хочу, то и творю; нѣтъ, говоритъ, надо мной старшихъ!» Да и точно, кого ей бояться? ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона же у нихъ такая глухая.

Бальзаминовъ.

Что мнѣ теперь дѣлать? Научи ты меня, сдѣлай милость!

Красавина.

Да что тебя учить-то! Приходи ужо вечеромъ, вотъ и все тутъ; а тамъ ужъ по дѣлу видно будетъ, какой оборотъ вести. Извѣстное дѣло, зѣвать нечего! Куй желѣзо, пока горячо!

Бальзаминовъ.

Такъ прямо и приходить?

Красавина.

Такъ прямо и приходи.

Бальзаминовъ.

А что говорить?

Красавина.

Что въ голову придетъ, то и говори. Если и соврешь что, такъ не важность; на первый разъ не взыщутъ.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Боже мой! Совсѣмъ точно потерянный. Понимаю вѣдь я самъ, что теперь нужно дѣлать-то, и другаго, пожалуй, научу; да какъ же мнѣ быть съ моимъ характеромъ-то? Теперь бы поскорѣй, да поумнѣй, такъ и можно бы дѣло обдѣлать; а у меня вонъ руки и ноги трясутся. Вотъ ты и толкуй тутъ, что хочешь. Такая робость нападаетъ, точно тебя казнить ведутъ.

Красавина.

Кого это робѣть-то? бабы-то? А ты напусти на себя геройскій духъ, вотъ и все.

Бальзаминовъ.

Хорошо тебѣ говорить-то: «геройскій духъ.» А гдѣ его взять-то?

Красавина.

Ну, а негдѣ взять, такъ плохо дѣло! А я думала, что ты ходо́къ на эти дѣла. А еще чиновникъ называешься, при формѣ ходишь! Да будь я мужчиной, такъ я, кажись бы, всѣхъ заполонила. (*Встаетъ*) Ну, я свое дѣло сдѣлала, сказала тебѣ; а тамъ ужъ ты, какъ хочешь.

Бальзаминова.

Куда же вы? Посидѣли бы, чайку бы напились!

Красавина.

А вотъ, мнѣ тутъ, по сосѣдству, нужно бобы развести; къ чаю-то я еще къ вамъ поспѣю.

Бальзаминова.

Ну, такъ я велю самоваръ поставить, да васъ поджидать буду.

Красавина (*Бальзаминову*).

Ну теперь ты видѣлъ мою службу?

Бальзаминовъ.

Видѣлъ.

Красавина.

Ты человѣкъ казенный?

Бальзаминовъ.

Какъ казенный?

Красавина

Ну да также, казенный! Вѣдь ты при должности?

Бальзаминовъ.

При должности.

Красавина.

Праву знаешь?

Бальзаминовъ.

Какую праву?

Красавина.

Такую же праву, документы тамъ ваши и законы всякіе.

Бальзаминовъ.

Знаю.

Красавина.

Служитъ кто задаромъ, али нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Кому же охото задаромъ служить!

Красавина.

Ну вотъ видишь ли! Значитъ, и мнѣ тоже по Москвѣ-то даромъ трепаться нужда не велика.

Бальзаминова.

Да ужъ вы, матушка, объ этомъ не безпокойтесь.

Красавина.

Какъ же не безпокоиться? Кому охота свои труды терять! Вѣдь этакъ, пожалуй, добрые люди дурой назовутъ.

Бальзаминовъ.

Ты мнѣ только скажи, что тебѣ нужно; а ужь я ни за чѣмъ не постою.

Красавина.

А мы вотъ что сдѣлаемъ! Ты завтра въ судъ пойдешь, такъ принеси листъ гербовой бумаги; мы съ тобой, для вѣрности, условіе и напишемъ.

Бальзаминовъ.

Ужь ты будь покойна, ужъ я все.... Маменька, что такое деньги?—Прахъ! Нѣтъ ихъ—такъ онѣ дороги; а теперь для меня что онѣ значатъ? Ровно ничего.

Бальзаминова.

Ну и мотать-то, тоже, ничего нѣтъ хорошаго!

Бальзаминовъ.

Я, маменька, мотать не стану; а пожить — поживу, съ шикомъ поживу.

Красавина.

Еще-бъ не пожить! Будетъ ужь, побѣдствовалъ! Видѣлъ нужду-то, въ чемъ она ходитъ; теперь можно себѣ и отвагу дать. Однако, прощайте! (*Кланяется.*) Хорошо вамъ тутъ разговаривать, вамъ дѣлать-то больше нечего; а у меня еще дѣла-то по уши.

Бальзаминова.

Такъ я васъ жду.

Красавина.

Ужъ теперь ваша гостья. Прощай соколъ — вороньи крылья! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Бальзаминовъ и Бальзаминова.

Бальзаминовъ.

Ну, маменька, что вы на это скажете? мѣсяцъ-то, мѣсяцъ-то!

Бальзаминова.

Что сказать-то тебѣ? По моему еще очень-то радоваться нечему! Еще вѣрнаго ничего нѣтъ.

Бальзаминовъ.

А все-таки, маменька, видно, что она въ меня влюблена. И домъ, маменька, у неё каменный. Ахъ, блаженство!

Бальзаминова.

Ужъ и влюблена! Понравился ты ей такъ, съ виду, вотъ и все. А ты того не забудь, что ты еще съ ней ни одного слова не говорилъ. Что-то она тогда скажетъ, какъ поговоритъ-то съ тобой! Умныхъ ты словъ не знаешь....

Бальзаминовъ.

Это, маменька, нужды нѣтъ. Въ нашемъ дѣлѣ все отъ счастья; тутъ умомъ ничего не возьмешь. Другой и съ умомъ, да лѣтъ пять даромъ проходитъ; я вотъ и неуменъ, да женюсь на богатой!

Бальзаминова.

Вотъ что, Миша, есть такія французскія слова, очень похожія на русскія: я ихъ много знаю, ты-бы хоть ихъ заучилъ когда, на досугѣ. Послушаешь иногда на име-

нинахъ или гдѣ на свадьбѣ, какъ молодые кавалеры съ барышнями разговариваютъ, — просто прелесть слушать.

Бальзаминовъ.

Какія-же это слова, маменька? Вѣдь какъ знать, можетъ быть они мнѣ и на пользу пойдутъ.

Бальзаминова

Разумѣется, на пользу. Вотъ слушай! Ты все говоришь: «я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «я хочу проминажъ сдѣлать!»

Бальзаминовъ.

Да-съ, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминажъ лучше.

Бальзаминова.

Про кого дурно говорятъ, это—мараль.

Бальзаминовъ.

Это я знаю-съ.

Бальзаминова.

Коль человѣкъ или вещь какая нибудь не стоитъ вниманія, ничтожная какая нибудь, — какъ про нее сказать? Дрянь? Это какъ-то не ловко. Лучше сказать пофранцузски: «гольтепа!»

Бальзаминовъ.

Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова.

А вотъ если кто заважничаетъ, очень возмечтаетъ о себѣ, и вдругъ ему форсъ-то собьютъ, — это «асаже» называется.

Бальзаминовъ.

Я этого, маменька, не зналъ, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова.

Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминовъ.

Припоминайте, маменька, припоминайте! Послѣ мнѣ скажете. Теперь сбѣгать въ цирюльну завиться, да и бѣжать. Вотъ, маменька, полечу-то я, кажется, и ногъ-то передъ собой не буду слышать отъ радости. Вѣдь вы только представьте: собой не дурна, домъ каменный, лошади, деньги, одна, ни родныхъ, ни кого. Вотъ гдѣ счастье-то! Я съ ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажемъ.

Бальзаминова.

На-ко, вотъ еще письмо къ тебѣ. (*Отдаетъ письмо Устрашимова*).

Бальзаминовъ (*Беретъ письмо и распечатываетъ*).

Мы себя покажемъ, маменька! Мы себя покажемъ. (*Читаетъ*) Боже мой! (*Съ отчаяніемъ садится на стулъ*) Все кончено, все!

Бальзаминова.

Что тамъ еще за бѣда случилась?

Бальзаминовъ.

Все, все конечно! Нечего теперь думать, и мечтать... Какъ обухомъ, такъ и ошарашилъ.

Бальзаминова.

Наладилъ одно! Да ты скажи мнѣ, что такое?

Бальзаминовъ.

Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вотъ тебѣ и домъ. Точно, какъ я все это во снѣ видѣлъ.

Бальзаминова.

Эхъ, глупъ ты, Миша!

Бальзаминовъ.

Да, глупъ! Хорошо вамъ разговаривать-то! Поглупѣешь, какъ вотъ эдакія письма получать будешь. Я вотъ сижу, маменька,—а вѣдь я убитый...

Бальзаминова.

Да читай! Что за страсти такія!

Бальзаминовъ.

Эко наказанье! Ну что я ему сдѣлалъ? Слушайте, маменька! *(Хочетъ читать и останавливается)*. Разбойникъ! Право, разбойникъ! *(Читаетъ)*: «Михайло! «я давно слышалъ, что ты ходишь мимо извѣстнаго те-«бѣ дома; но не вѣрилъ»... И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! *(Читаетъ)*: «но не вѣрилъ; я думалъ, «что ты, зная меня, не посмѣешь этого сдѣлать. Те-«перь я самъ тебя видѣлъ, и знаю, что ты кинулъ въ «окно записку. Такой подлости я отъ тебя не ожидалъ!» Въ чемъ же тутъ подлость, позвольте васъ спросить? А онъ самъ развѣ этого не дѣлаетъ! Откуда-жь у него перстни, да цѣпочки-то?

Бальзаминова.

Да ты читай!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ, маменька! *(Читаетъ)*: «Я ужь два года «знакомъ съ этой дамой...» Кто жъ его зналъ! Развѣ я зналъ это?

Бальзаминова.

Ну, а если бъ зналъ?

Бальзаминовъ.

Разумѣется бы, не пошолъ.

Бальзаминова.

А отъ чего-бы это не пойдти? Что онъ тебѣ началь-

никъ, что-ли? Вѣдь она еще не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошелъ бы!» То-то вотъ ты тетеря у меня: вотъ что мнѣ и горько!

Бальзаминовъ.

Это я, маменька, такъ сказалъ. Можетъ быть, я и пошелъ бы.

Бальзаминова.

Ну, что тамъ дальше?

Бальзаминовъ *(читаетъ)*:

«Теперь у насъ вышла ссора изъ капризу......»

Бальзаминова.

Вышла ссора. Ну вотъ и прекрасно! Ты и долженъ этимъ пользоваться.

Бальзаминовъ.

Да, какъ-же, прекрасно! Вы послушайте, что онъ дальше-то пишетъ. *(Читаетъ)*: «но я надѣюсь помириться съ ней; слѣдовательно ты мнѣ мѣшать не долженъ. Еслибы она была поумнѣй, я бы тебя не боялся; а то она, по глупости, готова всякому дураку кинуться на шею.....»

Бальзаминова.

И чудесно, и чудесно!

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, да ужъ вы не перебивайте! *(Читаетъ)*: «По этому самому ты и не смѣй ходить въ ту сторону.» Вотъ оно что! *(Читаетъ)*: «Если тебѣ жизнь еще не надоѣла, чтобы и нога твоя тамъ не была!» Какъ это вамъ покажется?

Бальзаминова.

Небось, страшно?

Бальзаминовъ.

А то не страшно? Вѣдь я, чай, одинъ у васъ сынъ-то! Ну, а вотъ дальше-то. *(Читаетъ)*: «а я то тебя изувѣчу или совсѣмъ убью. Такъ ты и знай! Вотъ тебѣ и вся недолга.»

Бальзаминова.

Что такое? Я не дослышала.

Бальзаминовъ *(робко)*.

«Вотъ тебѣ и вся недолга!»

Бальзаминова.

Скажите, пожалуйста! Такъ вотъ васъ и испугались! Ну, что-жъ ты молчишь?

Бальзаминовъ.

Что-жъ мнѣ говорить-то? Точно меня чѣмъ ошибло, ничего не помню, изъ головы все вылетѣло, словно какъ пустая теперь.

Бальзаминова.

Что-жъ, ты пойдешь или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ идти-то, маменька? Развѣ мнѣ жизнь-то немила, что ли? Какъ ни бѣдствуешь, а все пожить-то хочется.

Бальзаминова.

А домъ-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминовъ.

Ахъ, не терзайте вы меня! *(Хватаетъ себя за голову)*. Что мнѣ дѣлать? Батюшки, что мнѣ дѣлать?

Бальзаминова.

Такъ ты въ самомъ дѣлѣ боишься, что онъ убьетъ тебя.

Бальзаминовъ.

Убьетъ, маменька, убьетъ! Ужь я его знаю. *(Стоитъ, задумавшись)*.

Бальзаминова.

А я такъ думаю, что не убьетъ. Глупый ты человѣкъ, вѣдь за это въ Сибирь ссылаютъ. Кому охота! Побить, можетъ быть, побьетъ, это я не спорю, коли онъ сильнѣе тебя.

Бальзаминовъ *(въ задумчивости)*.

Сильнѣй.

Бальзаминова.

За то, коли ты понравишься, какой ты ему носъ-то натянешь!

Бальзаминовъ *(все въ задумчивости)*.

Асаже?

Бальзаминова.

Да, асаже славное сдѣлаешь.

Бальзаминовъ *(нѣсколько времени стоитъ молча)*.

Ну, была—не была! Прощайте! Побѣгу завиваться.

Бальзаминова.

Ступай. Волка бояться, въ лѣсъ не ходить!

Бальзаминовъ.

Именно! Ну, Устрашимовъ, посмотримъ, чья возьметъ! *(Уходитъ)*.

*

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

АНФИСА ДАНИЛОВНА АНТРЫГИНА, вдова 30-ти лѣтъ.
АННА ПРОКЛОВНА ПІОНОВА, ея знакомая 25-ти лѣтъ.
МАША, горничная Антрыгиной.
БАЛЬЗАМИНОВЪ.
УСТРАШИМОВЪ.
КРАСАВИНА.

(Богатая комната въ домѣ Антрыгиной).

ЯВЛЕНІЕ I.

Маша, одна *(Смотритъ въ окно и кланяется).*

Павлинъ Иванычъ, здравстуйте! что? Говорите громче, здѣсь никого нѣтъ. *(Голосъ Устрашимова: «Сдѣлай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»)* Да какъ узнаешь-то? онѣ не сказываютъ. *(Устрашимовъ: «Рубль серебромъ, Маша».)* Обманете! *(Устрашимовъ: «Ну вотъ еще!».)* Побожитесь! *(Устрашимовъ: «Да что божиться; я тебѣ впередъ отдамъ.»)* Ну, хорошо! Ужь постараюсь какъ нибудь. *(Устрашимовъ: «Такъ ты вотъ что: ты какъ узнаешь, такъ прибѣги въ лавочку къ заставѣ. Я буду тамъ дожидаться.»)* Хорошо, хорошо! *(кланяется)* Прощайте! Отъ чего сердится? Извѣстно отъ чего, отъ ревности. Надо только узнать, къ кому она его ревнуетъ. А онъ-

то, бѣдный, мучится, думаетъ, что она его разлюбитъ. Не разлюбитъ, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то бѣлобрысаго чиновника теперь приманиваетъ; а все это только одинъ отводъ, помучить хочется. Кабы въ самомъ-то дѣлѣ захотѣла бросить Павлина Иваныча, такъ бы съ утра до ночи на трефоваго короля не гадала. Нѣтъ ужь, видно, какъ полюбишь вашего брата, такъ нескоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачѣмъ только она сотворена. Ужь про нашу сестру нечего говорить—слабое твореніе; а и мужчины—и тѣ отъ нея муку видятъ. А все-таки безъ любви никто не живетъ! И стыда отъ нея много бываетъ; случается, что и горя натерпишься: — а безъ нея все-таки скучно. Вотъ тутъ у меня какъ-то перемёжка вышла, такъ не знала куда дѣться отъ тоски. Хожу, какъ не своя, точно какъ потеряла что. А какъ есть предметъ, такъ то ли дѣло!.... *(Входитъ Антрыгина и, молча, ложится на диванъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Антрыгина и Маша.

Маша.

Что это вы, сударыня, какія нынче скучныя?

Антрыгина *(томно, со вздохомъ)*.

Такъ.

Маша.

Нѣтъ ужь это, сударыня, что нибудь да не такъ; прежде съ вами этого не было.

Антрыгина.

Отъ того и скучаю, что мнѣ на свѣтѣ все надоѣло, ни что меня въ жизни не занимаетъ. И за чѣмъ я живу? Я не понимаю.

Маша.

Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такія веселыя. Даже очень пріятно было видѣть васъ, что вы всегда въ хорошемъ расположеніи бываете.

Антрыгина.

Да, можетъ быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь: слѣдовательно что же меня можетъ къ ней привлекать!

Маша.

Вы еще такъ молоды, сударыня.

Антрыгина.

Что-жъ изъ этого? Коли я вижу, что все въ жизни обманъ, что никому повѣрить нельзя, что на свѣтѣ только суета одна, — что я должна дѣлать? Я должна удаляться отъ свѣта. Съ хитростью, съ политикой женщина можетъ жить въ свѣтѣ; а съ чувствомъ, съ нѣжнымъ сердцемъ должна только страдать. Слѣдовательно, я лучше буду жить, какъ отшельница, чѣмъ за все свое расположеніе и за свое добро видѣть отъ людей обиду или насмѣшку.

Маша.

Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людямъ нельзя большаго довѣрія дѣлать, особенно мужчинамъ; только для чего же изъ за этого изъ за самаго вы будете себя мучить! Развѣ мало можетъ быть для васъ развлеченій?

Антрыгина.

Какихъ это развлеченій?

Маша.

Мало ли, сударыня, развлеченій! Можете ѣхать на

гулянье въ гости, у себя гостей принимать, зимой — въ театръ, въ собраніе.

Антрыгина.

Для чего? для кого?

Маша.

А какъ знать, сударыня, можетъ вамъ кто нибудь понравится, выйдете замужъ и будете жить да поживать.

Антрыгина.

Я? Никогда! Чтобы я когда нибудь повѣрила мужчинѣ! Да если онъ всѣ клятвы произнесетъ, я и тогда не повѣрю. *(Молчаніе)*. Я въ монастырь пойду.

Маша.

Что вы, сударыня! Какъ это можно!

Антрыгина.

А вотъ увидишь. Ужь если я на что рѣшилась...

Маша.

Ѣдетъ кто-то. *(Подходитъ къ окну и смотритъ)* Военный... къ намъ въ окны смотритъ... съ аполетами...

Антрыгина.

Съ густыми?

Маша.

Съ густыми.

Антрыгина.

Молодъ?

Маша.

Не очень.

Антрыгина.

Ужь если я на что нибудь рѣшилась... Да, можетъ быть, это онъ такъ взглянулъ?

Маша.

Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина.

Ну его! Ужь коли я на что рѣшилась, такъ я и сдѣлаю. Ты еще моего характера не знаешь. Ты, можетъ быть, думаешь, что я буду жалѣть о разныхъ глупостяхъ? Какъ же, нужно очень! Я ужь давно всѣ шалости изъ головы выкинула. У меня и въ помышленіи-то нѣтъ ничего такого. *(Задумывается съ улыбкой)*.

Маша *(указывая глазами на карты)*.

Не раскинуть ли?

Антрыгина.

Кинь!

Маша.

На трефоваго короля прикажете?

Антрыгина *(разсѣянно)*.

Ну, да.

Маша *(гадаетъ)*.

Очень, очень не дурно, сударыня.

Антрыгина.

Что тамъ у тебя?

Маша.

А вотъ извольте посмотрѣть.

Антрыгина *(встаетъ и смотритъ)*.

И то, вѣдь хорошо.

Маша *(со смѣхомъ показывая на карту)*.

А вотъ извольте посмотрѣть, что здѣсь-то!

Антрыгина *(улыбаясь, смѣшиваетъ карты)*.

Ахъ, пустяки какіе! Неужели ты вѣришь?

Маша.

Никогда не врутъ, сударыня. А ужь это-то завсегда сбывается.

Антрыгина.

Ну, болтай еще! Чего ты не выдумаешь! *(Молчаніе)*. Хоть бы шарманка что ли пришла: тоска такая.

Маша.

Барыня, подъѣхалъ кто-то.

Антрыгина.

Бѣги, посмотри, кто такой? *(Маша уходитъ. Антрыгина поправляется передъ зеркаломъ, потомъ смотритъ въ окно.)* Вчера не проходилъ и ныньче нейдетъ. Ахъ, противный! Коли завтра не придетъ, такъ надо будетъ Машу посылать! Пускай она, какъ будто отъ себя, и скажетъ, что я замужъ выхожу, вотъ мы тогда и посмотримъ. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины всѣ горды; ну ужь и я, кажется, ни за что на свѣтѣ не покорюсь. *(Входятъ Піонова и Маша)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Антрыгина, Піонова и Маша *(у дверей)*.

Антрыгина.

Ахъ, Анета! Что это ты пропала? *(Цѣлуются и садятся.)*

Піонова.

Хорошо тебѣ разговаривать-то, ты сама себѣ госпожа; а у меня мужъ, да и дѣла куча. Я и заѣхала-то къ тебѣ не надолго, поговорить нужно объ одномъ дѣлѣ. У насъ въ домѣ такая тоска.

Антрыгина.

Я воображаю.

Піонова.

Повѣришь ли, не съ кѣмъ слова перемолвить. Иногда такъ нужно бываетъ, такъ нужно, а рѣшительно не съ кѣмъ, ну и ѣдешь къ тебѣ за семь верстъ.

Антрыгина.

Развѣ есть что?

Піонова.

Нѣтъ еще, серьезнаго ничего нѣтъ.

Антрыгина.

Гдѣ поймала?

Піонова.

Въ Сокольникахъ.

Антрыгина.

Хорошъ?

Піонова.

Недуренъ. Ну да объ этомъ послѣ. Что твой?

Антрыгина.

Ахъ, оставь, сдѣлай милость! Я и думать-то забыла о немъ.

Піонова.

Да отъ чего съ тобой вдругъ такая перемѣна, скажи на милость?

Антрыгина.

Отъ того, что мерзавецъ!

Піонова.

Ахъ, Анфиса! Ты ли это говоришь!

Антрыгина.

Ужъ коли я говорю, такъ значитъ, я знаю.

Піонова.

Помилуй! Такой прекрасный молодой человѣкъ! Такъ тебя любитъ!

Антрыгина.

Да, любитъ; оно и видно.

Піонова.

Разумѣется, видно. Неужели ты въ этомъ сомнѣваешься? Это ни на что не похоже! И ты до сихъ поръ все его мучишь, все не принимаешь?

Антрыгина.

Еще бы! Да и нога его здѣсь не будетъ.

Піонова.

Что ты! Что ты!

Антрыгина.

И таки—никогда, никогда.

Піонова.

Ну ужь я не знаю! Ты каменная какая-то! Желѣзо, просто желѣзо! Да и то подается. Чего тебѣ еще нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюбленъ безъ памяти...

Антрыгина.

Да тебѣ-то что за дѣло?

Піонова.

Да не могу я этого видѣть равнодушно! Дѣлать такія тиранства надъ человѣкомъ, который, можетъ быть, ни душой, ни тѣломъ не виноватъ, это ужасно!

Антрыгина.

Нѣтъ онъ стóитъ, онъ еще не того стóитъ!

Піонова.

Попался тебѣ мужчина съ кроткимъ сердцемъ, можно сказать, съ ангельскимъ, такъ его и мучить.

Антрыгина.

Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Піонова.

Ну ужь и женщины-то ваши тоже хороши.

Антрыгина.

Разумѣется, лучше мужчинъ.

Піонова.

Ну, едва ли!

Антрыгина.

Про какое—это ты ангельское сердце говоришь?

Піонова.

Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина.

Развѣ у фальшивыхъ людей можетъ быть ангельское сердце? Давно ли это?

Піонова.

Кто же сказалъ, что онъ фальшивый человѣкъ? Противъ кого онъ фальшивый человѣкъ?

Антрыгина.

Рѣшительно противъ всѣхъ.

Піонова.

Но только не противъ тебя. Онъ такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина.

Безсовѣстный!

Піонова.

Ангелъ, а не человѣкъ.

Антрыгина.

Мерзавецъ, какихъ свѣтъ не производитъ.

Піонова.

Очарованіе, что за мужчина!

Антрыгина.

Ну и возьми его себѣ, коли онъ тебѣ нравится.

Піонова.

Мнѣ не надобно-съ. Не извольте обо мнѣ безпокоиться! Конечно, я умѣю цѣнить людей, не то что ты. Скажи же ты мнѣ, наконецъ, за что ты на него сердишься?

Антрыгина.

Тебѣ хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той недѣлѣ во вторникъ—ѣду я мимо Чистыхъ Прудовъ, вдругъ вижу: этотъ господинъ идетъ подъ ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ...

Піонова.

Да ты хорошо ли разсмотрѣла?

Антрыгина.

Гдѣ жъ было разсмотрѣть! Оно бы и нужно было остановиться, да ужь я себя не помнила. Во всѣхъ членахъ трясеніе сдѣлалось. Вмѣсто того, чтобы сказать кучеру: «стой!» я кричу: скорѣй, скорѣй! Какъ домой доѣхала, ужь не помню. Сейчасъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать... *(Маша уходитъ).*

Піонова.

Да можетъ быть, это не онъ былъ. Надо узнать.

Антрыгина.

Какъ же узнать? У него что ли спросить? Такъ онъ развѣ скажетъ! Извѣстное дѣло, обманетъ, перевернетъ все въ другую сторону. Нѣтъ, ужь лучше Богъ съ нимъ. *(Подноситъ платокъ къ глазамъ).*

Піонова.

А сама плачешь, да вотъ и трефовой король тутъ на столѣ. Значитъ, ты объ немъ думаешь.

Антрыгина.

И не воображала.

Піонова.

Анфиса, помирись съ нимъ! *(Цѣлуетъ ее)*. Ну, сдѣлай милость! Ну для меня! Душенька!

Антрыгина.

Ни за что на свѣтѣ.

Піонова.

Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина.

Нѣтъ ужь у меня другой есть на примѣтѣ. Выду за него замужъ; онъ же такой скромный, учтивый.

Піонова.

И ты рѣшишься этакое варварство сдѣлать?

Антрыгина.

Что за варварство?

Піонова.

Да какъ же не варварство? Промѣнять такого человѣка на какую нибудь дрянь.

Антрыгина.

Совсѣмъ не дрянь. Во первыхъ, онъ не то что другіе, онъ любитъ меня.

Піонова.

Да, какъ же, любитъ? Онъ тебя обманываетъ, прикидывается только.

Антрыгина.

Во первыхъ, это сейчасъ видно, кто обманываетъ; а во вторыхъ...

Піонова.

Да, какъ же! увидишь ты у нихъ!

Антрыгина.

У кого, у нихъ?

Піонова.

У мужчинъ. Такъ тебя проведутъ, что и не услышишь. Ужь обмануть — ихъ дѣло. Тѣмъ только всю жизнь и занимаются. Мы имъ на жертву созданы; вотъ они и потѣшаются надъ нами.

Антрыгина.

У тебя, Анета, семь пятницъ на недѣлѣ; давеча хвалила мужчинъ, а теперь ужь не хороши стали.

Піонова *(горячо).*

Ну что жь такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а все-таки Устрашимовъ—безподобный мужчина, а этотъ твой новый — дрянь. Устрашимовъ никогда не позволитъ себѣ обмануть женщину, а этотъ обманываетъ. Это очень ясно. Вотъ тебѣ и все. Да этого и не можетъ быть, чтобы Устрашимовъ былъ тебѣ невѣренъ. Да вотъ, давай, сейчасъ загадаемъ на картахъ, вотъ все и узнаемъ. *(Раскладываетъ карты).*

Антрыгина.

Гадай, коли тебѣ хочется. *(Входитъ Красавина).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Красавина.

Антрыгина.

А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина *(садится)*.

Была и медъ пила, по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Антрыгина.

Ну, здѣсь попадетъ. Что же?

Красавина.

Соколъ въ путь снаряжается: чай скоро прилетитъ.

Піонова *(строго)*.

Анфиса!

Антрыгина.

Пускай прилетитъ, мы его примемъ, какъ должно.

Піонова *(бросивъ карты)*.

Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ! Ты такъ вѣтрена, такъ вѣтрена, ни на что непохоже!

Красавина.

А что жь такое въ этомъ дурнаго, теперича спросить у тебя. Ты еще понимаешь ли какое это дѣло, какъ оно называется? Вѣдь это — судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Можетъ, ей на роду написано быть за нимъ за мужемъ. Такъ развѣ можно отъ своей судьбы бѣгать! Гдѣ это видано?

Піонова.

Тебя послушай только! У васъ все судьба; всѣ свахи такъ говорятъ. Извѣстное дѣло — въ этомъ вамъ интересъ, вотъ вы и хлопочете.

Красавина.

А что такое сваха? Сваха—великое слово! Не у всякаго хватитъ ума, какъ его понимать! Если разсудить хорошенько, такъ насъ бы надобно всякими разными чинами жаловать,—вотъ что я тебѣ скажу. Нами толь-

ко и государство-то держится, безъ насъ никакое государство стоять не можетъ. Вотъ оно какое слово — сваха. Не будь насъ, ну и конецъ, и родъ человѣческій прекратится.

Піонова.

Не безпокойся, не прекратится.

Красавина.

Гдѣ тебѣ знать! Ты еще молода для этого!

Антрыгина.

А что, Гаврилиха, каково они живутъ? Съ достаткомъ или нѣтъ?

Красавина.

Ужь какіе достатки у приказныхъ. Мнѣ передъ тобой таить нечего; живутъ не больно авантажно. Избушка на курьихъ ножкахъ, маленько-тово... на бокъ; рогатаго скота: пѣтухъ да курица; серебряной посуды: крестъ да пуговица. Да тебѣ что за дѣло до достатковъ? у тебя у самой много, тебѣ человѣка нужно. Да вотъ никакъ и онъ пришелъ, кто-то въ передней толчется. *(Встаетъ и заглядываетъ въ дверь)*. Войди, ничего, не бойся! Войди, говорятъ тебѣ! Чего бояться-то! *(Бальзаминовъ входитъ и раскланивается)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Бальзаминовъ.

Антрыгина.

Здравствуйте, Михайло Дмитричъ! Я давно хотѣла съ вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина.

Ну и сядь!

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Да ужь я самъ-съ... *(Раскланивается).*

Красавина.

И садись, коли просятъ. *(Бальзаминовъ садится).*

Антрыгина.

У васъ, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминовъ.

Съ девяти часовъ до половины третьяго-съ; а на домъ рѣдко когда даютъ-съ.

Піонова.

Оно и видно, что вамъ дѣлать-то нечего; то-то вы по всей Москвѣ и ходите.

Антрыгина.

Ахъ какая ты, Анета! Отъ чегожъ и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминовъ.

Проминажъ-съ.

Піонова.

Хорошъ проминажъ, черезъ всю Москву!

Антрыгина.

Разумѣется, безъ цѣли не стоитъ ходить. У нихъ, можетъ быть, есть цѣль; почемъ ты знаешь! Можетъ быть, имъ кто нибудь нравится въ этой сторонѣ. Вѣроятно за этимъ и ходите въ нашу сторону?

Бальзаминовъ *(конфузясь).*

Да-съ, такъ точно-съ!

Антрыгина.

Вотъ видите-ли, я и угадала.

Пiонова.

Мудрено было угадать! (*Бальзаминову*): А можно васъ спросить, кто это вамъ нравится въ этой сторонѣ?

Бальзаминовъ.

Это я долженъ сохранять въ глубинѣ души своей-съ.

Антрыгина.

И очень вы ее любите?

Бальзаминовъ.

Для моей любви нѣтъ границъ и нѣтъ словъ-съ, чтобы выразить.

Антрыгина.

Вотъ какъ! Это должно быть, очень пріятно, когда такъ любятъ. Слышишь, Анета?

Пiонова.

А я такъ думаю, что отъ того и нѣтъ словъ, что сказать-то нечего.

Бальзаминовъ.

Конечно, кто знаетъ много стиховъ хорошихъ-съ, тотъ сейчасъ можетъ прибрать на всякой случай-съ; а кто если не знаетъ, какъ же онъ выразитъ свои чувства!

Антрыгина.

А вы много стиховъ знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминовъ.

Я больше все чувствительными стихами занимаюсь, которые выражаютъ любовь-съ и разныя страданія. А то много вѣдь стиховъ написано теперь и такихъ, которые ничего не выражаютъ; такъ тѣ для меня не интересны-съ.

Антрыгина.

Скажите какіе нибудь, мы послушаемъ!

Красавина.

Ну и скажи, послушаемъ.

Бальзаминовъ.

Прикажете чувствительные?

Антрыгина.

Ахъ, сдѣлайте милость, чувствительные.

Бальзаминовъ.

Льются слезы, духъ мятется,
Томно сердце, томно бьется;
Гдѣ любезная моя?
Нѣтъ ея!

Красавина.

Что-то, братъ, нескладно.

Бальзаминовъ.

Есть и другіе-съ.

Антрыгина.

Какіе-же это такіе?

Бальзаминовъ.

Пастухъ, ищущій своей пастушки. Голосъ нѣжный. Такъ и въ книжкѣ напечатано. А то я знаю и жестокіе-съ.

Антрыгина.

Скажите жестокіе!

Бальзаминовъ.

Злой пастухъ!
Весь твой духъ
Нынѣ премѣнился:
Ты иной
Красотой,
Знать, теперь плѣнился?

Красавина.

Да что ты все про пастуховъ наладилъ? Нужно очень! Вотъ невидаль какая! Ты хорошіе какіе нибудь скажи! Про ерцогиню какую, либо про прынца.

Бальзаминовъ.

У меня дома тетрадь есть для стиховъ-съ, я въ нее и вписываю; если прикажете, я принесу-съ. — Только что хорошихъ стиховъ достать не гдѣ-съ, у насъ въ Судѣ никто этимъ не занимается, только развѣ одинъ Устрашимовъ.

Антрыгина.

А вы развѣ въ одномъ Судѣ служите?

Бальзаминовъ.

Въ одномъ-съ и даже за однимъ столомъ-съ.

Піонова.

Какъ я вамъ завидую.

Антрыгина.

Вы, значитъ, его хорошо знаете?

Бальзаминовъ.

Какъ же не знать-съ? Пять лѣтъ вмѣстѣ служимъ-съ.

Піонова *(тихо Антрыгиной).*

Ну вотъ и спроси про вторникъ.

Антрыгина.

Мнѣ хотѣлось бы отъ васъ слышать, что онъ за человѣкъ. Одна моя знакомая очень имъ интересуется.

Бальзаминовъ.

Я не знаю, какъ говорить-съ. Какъ бы не вышло чего.

Антрыгина.

А что же можетъ выдти?

Бальзаминовъ.

А ежели онъ узнаетъ-съ.

Антрыгина.

Не безпокойтесь, не узнаетъ. А развѣ онъ дурной человѣкъ?

Бальзаминовъ.

Одно слово, разбойникъ-съ.

Антрыгина.

Какъ разбойникъ?

Бальзаминовъ.

Душегубецъ-съ.

Піонова.

Какой вы вздоръ говорите! Скучно слушать!

Бальзаминовъ.

Помилуйте, какой же вздоръ, когда есть примѣры-съ.

Антрыгина *(съ испугомъ).*

Что вы говорите? Ахъ, Боже мой! Онъ убилъ кого нибудь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, не убилъ-съ, а хочетъ убить до смерти-съ.

Піонова.

Ужь не васъ-ли?

Бальзаминовъ.

Да, меня-съ. Ей-Богу! (*Антрыгиной*) Только ужь вы сдѣлайте одолженіе, ему ничего не говорите-съ!

Антрыгина.

Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, это вы нарочно-съ. Онъ сказывалъ, что вы съ нимъ знакомы, только у васъ ссора вышла.

Антрыгина.

Ну да! то есть мы были знакомы, а теперь ужъ все кончено.

Бальзаминовъ.

Это очень хорошо-съ.

Піонова.

Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ это нравится?

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ! Что же можно отъ него ожидать, коли онъ разбойникъ? Кромѣ непріятности ничего-съ. Теперь вы представьте себѣ: за что же онъ меня хочетъ убить до смерти-съ? За то, что я къ вамъ въ домъ пришелъ-съ? Такъ ужъ вѣдь это кому счастье-съ! За чѣмъ же мнѣ отъ своего счастья бѣгать! При томъ же я человѣкъ съ большимъ вкусомъ-съ, у меня вкусу-то гораздо больше, чѣмъ у Устрашимова, а средствъ къ жизни нѣту-съ. Слѣдственно, я долженъ ихъ искать. Кабы мнѣ теперь средства-съ... А про Устрашимова я бы много могъ сказать, да по-товарищецки не годится. Я только одно скажу, что человѣкъ самой черной души.

Піонова.

Вы намъ вотъ что скажите: во вторникъ Устрашимовъ былъ въ Судѣ?

Антрыгина.

Да, сдѣлайте одолженіе!

Бальзаминовъ.

Во вторникъ? Позвольте-съ! Онъ во вторникъ былъ дежурный, цѣлый день въ Судѣ-съ и ночевалъ тамъ.

Піонова *(Антрыгиной)*.

Ну, что! говорила я тебѣ.

Бальзаминовъ.

Если человѣкъ со вкусомъ, да не имѣетъ средствъ, это ужасное положеніе-съ! Въ мечтахъ все представляется богатство и даже во снѣ-съ... *(Маша показывается въ дверяхъ)*.

Маша.

Барыня, пожалуйте сюда! *(Антрыгина подходитъ, говоритъ шопотомъ, возвращается и садится)*.

Піонова *(тихо)*.

Что?

Антрыгина *(тоже тихо)*.

Письмо.

Бальзаминовъ.

Я говорю-съ, когда много вкусу и притомъ въ мечтахъ...

Антрыгина.

Неугодно-ли вамъ по саду погулять.

Бальзаминовъ.

Ничего-съ. Мнѣ и здѣсь хорошо-съ.

Антрыгина.

Ужъ сдѣлайте одолженіе! Мнѣ нужно тутъ заняться кой-чѣмъ.

Піонова.

И мы сейчасъ къ вамъ придемъ.

Красавина.

Ну ужъ, пойдемъ! Знать, имъ что нибудь нужно.

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Антрыгина, Піонова и Маша

(въ дверяхъ).

Піонова.

Ну, читай, скорѣе, читай!

Антрыгина *(распечатываетъ и читаетъ):*

«Милостивая государыня, Анфиса Даниловна! Наконецъ я узналъ, отъ чего происходитъ вашъ гнѣвъ на меня. Маша мнѣ все сказала. Но я ни въ чемъ не виноватъ, въ чемъ вы сами можете легко убѣдиться. Стоитъ вамъ только спросить у кого нибудь изъ моихъ товарищей, гдѣ я былъ во вторникъ, вамъ всякій скажетъ, что я былъ дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего новаго обожателя. Онъ столько глупъ, что не съумѣетъ солгать, хотя бы и хотѣлъ. Если я и теперь не дождусь отъ васъ отвѣта или приглашенія, то, — вы меня знаете, я человѣкъ рѣшительный,—вамъ придется отвѣчать за меня передъ Богомъ, правительствомъ и публикою. Мрачную душу мою стерегутъ злые демоны; я отдалъ ее имъ на жертву; я чувствую ихъ приближеніе. Пистолетъ заряженъ и ждетъ меня; я съ радостью встрѣчу смерть и съ адскимъ хохотомъ закрою глаза свои. Прежде вашъ, а теперь ничей Павлинъ Устрашимовъ.»

Піонова.

Ахъ, какія чувства! Ахъ, какъ ты счастлива Анфиса, что тебя такъ любятъ! Ахъ, Боже мой! Отвѣчай ему скорѣй!

Антрыгина.

Что ты разахалась! Я сейчасъ пошлю за нимъ, онъ тутъ у воротъ дожидается. Маша, позови Павлина, Ива-

ныча! *(Маша уходитъ.)* Что же мнѣ дѣлать съ Бальзаминовымъ?

Піонова.

Я пойду въ садъ, удержу его. А потомъ, когда мы придемъ сюда, онъ самъ увидитъ, что ему здѣсь дѣлать нечего.

Антрыгина.

Ну, и прекрасно.

Піонова *(цалуя Антрыгину).*

Милочка! *(Уходитъ. Антрыгина садится на диванъ и смотритъ въ противоположную сторону отъ двери. Входитъ Устрашимовъ).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Антрыгина и Устрашимовъ.

Устрашимовъ.

Вы меня звали?

Антрыгина.

Не стоять-же вамъ у воротъ.

Устрашимовъ *(Видя, что Антрыгина на него не смотритъ, пожимаетъ плечами и отходитъ къ противоположному окну.)*

Что же вамъ угодно?

Антрыгина.

Вы хотѣли меня видѣть: — что вамъ угодно?

Устрашимовъ.

Я хотѣлъ передъ вами оправдаться.

Антрыгина.

Что вамъ оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсѣмъ и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимовъ.

Такъ за что же?

Антрыгина.

Ужъ я знаю за что.

Устрашимовъ.

Но однако?

Антрыгина.

Всего не перескажешь.

Устрашимовъ.

Если вы меня звали только за тѣмъ, такъ прощайте.

Антрыгина *(вполовину оборотясь).*

Куда же вы?

Устрашимовъ.

Для васъ, я думаю, это рѣшительно все равно, куда бы я ни пошелъ!

Антрыгина.

Почему же вы такъ заключаете?

Устрашимовъ,

По всему: по пріему вашему, потому что у васъ здѣсь Бальзаминовъ. А впрочемъ какое же мнѣ теперь до этого дѣло! Прощайте!

Антрыгина *(взглянувъ на Устрашимова).*

Останьтесь съ нами чай пить.

Устрашимовъ *(взглянувъ на Антрыгину).*

Къ чему же мнѣ оставаться? Ну скажите, къ чему?

(Кладетъ шляпу на столъ.)

Антрыгина.

Вы хотите, чтобы васъ просили? Какъ вы горды!

*

Устрашимовъ.

Я гордъ, да, я гордъ; но не противъ васъ.

Антрыгина.

Докажите на дѣлѣ, что не горды.

Устрашимовъ.

Я вамъ это доказывалъ нѣсколько разъ, и готовъ доказать, когда угодно. *(Подходитъ къ Антрыгиной и становится передъ ней на колѣни).* Вы видите, гордъ ли я! Я ни въ чемъ не виноватъ передъ вами; но я прошу у васъ извиненія. *(Антрыгина молча протягиваетъ руку: онъ цѣлуетъ).* Вы не сердитесь?

Антрыгина.

Встаньте! Не сержусь.

Устрашимовъ *(встаетъ).*

Вы меня измучили.

Антрыгина *(ударяетъ его по плечу.)*

Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Устрашимовъ *(обнимаетъ ее и цѣлуетъ въ щеку).*

Ура! Побѣда!

Антрыгина *(сопротивляясь).*

Что вы! Что вы! Ну войдетъ кто нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался ужь очень! На все есть время. (*Входитъ Піонова.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Піонова.

Піонова *(вопросительно смотритъ на нихъ).*

Помирились?

Антрыгина.

Помирились.

Піонова *(Устрашимову).*

Я все время за васъ заступалась. Вотъ спросите ее.

Устрашимовъ *(цѣлуя у ней руку).*

Покорно васъ благодарю! *(Входятъ Красавина и Бальзаминовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже, Красавина и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ *(не замѣчая Устрашимова).*

Какой у васъ прекрасный садъ-съ, и всякихъ цвѣтовъ очень много-съ! Только если бы я былъ богатъ-съ... *(Увидавъ Устрашимова, остается съ открытымъ ртомъ).*

Устрашимовъ.

Что жъ бы ты?

Бальзаминовъ.

Я бы-съ... Какъ же это? Зачѣмъ же-съ?...

Устрашимовъ.

Зачѣмъ я-то, это очень просто. Ты-то зачѣмъ?

Антрыгина.

Да вотъ все Гавриловна! Навязывается съ женихами! И кто ее проситъ! *(Дѣлаетъ Красавиной знакъ глазами, достаетъ изъ кармана ассигнацію и потихоньку отдаетъ ей).* Я и не думала, а ты тутъ со сватовствомъ.

Красавина.

Ну кто же тебя зналъ! Я думала угодить. *(Тихо)* Увести что ль? *(Антрыгина утвердительно киваетъ головой. Громко)*: Наше дѣло такое! Гдѣ тебѣ спасибо

скажутъ, а гдѣ такъ и въ шею вытолкаютъ. И не радъ, да будь готовъ.

Бальзаминовъ.

Да какъ же-съ, вѣдь вы поссорились.

Піонова.

Они поссорились, они и помирились. Это ужь ихъ дѣло.

Бальзаминовъ.

А какъ же я-то теперь-съ. При чемъ же-съ?

Піонова.

А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминовъ.

Извините, я не понимаю-съ. Въ какомъ смыслѣ-съ?...

Красавина.

А вотъ пойдемъ, я тебѣ дорогой растолкую.

Бальзаминовъ.

Какъ-съ? такъ и идти?

Устрашимовъ.

И чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Красавина.

Ужь что тутъ еще! Видимое дѣло, что тѣмъ же трахтомъ, да и назадъ пожалуйте!

Бальзаминовъ.

А какъ же я маменькѣ-съ... опять же я съ правой стороны-съ... при всемъ томъ...

Всѣ.

Прощайте! Прощайте!

Красавина.

Ну, совѣтъ да любовь! *(Бальзаминовъ раскланивается. Красавина уводитъ его за руку.)*

Піонова.

И прекрасно, и прекрасно! Вотъ теперь сядемъ чай пить.

Антрыгина.

Маша, давай самоваръ.

ЗА ЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ.

(ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА).

ЗА ЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ.

ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА.

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ЛИЦА:

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, вдова.
МИХАЙЛО ДМИТРИЧЪ БАЛЬЗАМИНОВЪ, сынъ ея.
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, сваха.
МАТРЕНА, кухарка.
ЛУКЬЯНЪ ЛУКЬЯНЫЧЪ ЧЕБАКОВЪ, офицеръ въ отставкѣ. Очень приличный господинъ, среднихъ лѣтъ, съ усами, лысоватъ: сертукъ застегнутъ на всѣ пуговицы. Выраженіе лица насмѣшливо.

Бѣдная комната у Бальзаминовыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Бальзаминова *(пьетъ чай)* и Матрена *(стоитъ у двери)*.

Бальзаминова.

Хорошо теперь, Матрена, чайку-то, послѣ бани-то!

Матрена.

Ужь это на что лучше? По всѣмъ жилкамъ, по всѣмъ суставамъ пройдетъ.

Бальзаминова.

А гдѣ же Миша? что-то не видать его.

Матрена.

Спитъ, умаялся.

Бальзаминова.

Ну, пускай спитъ.

Матрена.

Чтожъ! пущай спитъ. Никакихъ важныхъ дѣлъ за нимъ нѣтъ; остановки не будетъ. А я его послѣдила, куда онъ ходитъ.

Бальзаминова.

Куда же?

Матрена.

Тутъ близёхонько. Только онъ не прямо ходитъ, а кругъ большой дѣлаетъ, чтобы сосѣдямъ виду не показать. Таково далеко уйдетъ, да потомъ и воротится переулками: глаза отводитъ.

Бальзаминова.

Да будетъ ли толкъ-то какой нибудь?

Матрена.

Ктожъ его знаетъ? Ужь это его дѣло. Надо полагать, что и тутъ ничего себѣ не выиграетъ.

Бальзаминова.

Отчего же ты такъ, Матрена, думаешь?

Матрена.

Мало виду изъ себя имѣетъ, польститься-то не на что! Ну и чиномъ еще не вышелъ.

Бальзаминова *(встаетъ).*

Пей, Матрена, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли? *(Уходитъ. Матрена садится къ столу и*

пьетъ. Бальзаминова возвращается. Матрена встаетъ). Сиди! *(Матрена садится, только оборотившись къ Бальзаминовой задомъ).* Спитъ еще. *(Садится).* А какъ ихъ по фамиліи-то, гдѣ онъ ходитъ?

Матрена *(оборотивъ голову).*

Пѣженовыхъ.

Бальзаминова.

Ктожъ они такіе?

Матрена.

Сами по себѣ.

Бальзаминова.

Какъ же-таки сами по себѣ?

Матрена.

По своей части.

Бальзаминова.

Экая ты безтолковая! Чтоже они, служащіе или купцы?

Матрена.

Должно торгуютъ.

Бальзаминова.

Ктожъ у нихъ изъ женскаго-то полу?

Матрена.

Двѣ сестры—обѣ дѣвки, ужь въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ; сидятъ наверху у себя взаперти, все одно подъ замкомъ.

Бальзаминова.

Отчего же?

Матрена.

Такой приказъ отъ братьевъ.

Бальзаминова.

Зачѣмъ же такой приказъ?

Матрена *(дуя въ блюдечко и оборачиваясь).*

Потому страмъ.

Бальзаминова.

Какой же страмъ?

Матрена.

Очень на мужчинъ бестыжи. Такія, говорятъ, завистливыя, что бѣда. *(Накрываетъ чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встаетъ и уноситъ самоваръ).*

Бальзаминова.

Говорятъ: за чѣмъ пойдешь, то и найдешь! Видно, не всегда такъ бываетъ. Вотъ Миша ходитъ—ходитъ, а все не находитъ ничего. Другой бы бросилъ давно, а мой все не унимается. Да коли правду сказать, такъ Миша очень справедливо разсуждаетъ: «Вѣдь мнѣ, говоритъ, убытку нѣтъ, что я хожу, а прибыль можетъ быть большая: слѣдовательно я долженъ ходить. Ходить понапрасну, говоритъ, скучно, а бѣдность-то еще скучнѣй.» Что правда, то правда. Нечего съ нимъ и спорить. *(Шумъ за сценой.)* Что тамъ у васъ? *(Входитъ Бальзаминовъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

БАЛЬЗАМИНОВА И БАЛЬЗАМИНОВЪ.

Бальзаминовъ.

Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самомъ интересномъ мѣстѣ...

Бальзаминова.

Что такое?

Бальзаминовъ.

Да Матрена меня разбудила на самомъ интересномъ мѣстѣ. И очень нужно ей было тамъ чашки убирать.

Бальзаминова.

Развѣ ты что-нибудь во снѣ видѣлъ?

Бальзаминовъ.

Да помилуйте! на самомъ интересномъ мѣстѣ! Вдругъ вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстрѣчу мнѣ идетъ дама красоты необыкновенной, и говоритъ: «господинъ Бальзаминовъ, я васъ люблю и обожаю!» Тутъ, какъ на смѣхъ, Матрена меня и разбудила. Какъ обидно! Чтò бы ей хоть немного погодить? Ужь очень мнѣ интересно, что бы у насъ дальше-то было. Вы не повѣрите, маменька, какъ мнѣ хочется доглядѣть этотъ сонъ. Развѣ уснуть опять? Пойду усну. Да вѣдь пожалуй не приснится.

Бальзаминова.

Разумѣется не приснится.

Бальзаминовъ.

Экая досада! Мнѣ бы теперь, по моимъ дѣламъ, очень нужно такой сонъ видѣть; можетъ быть онъ мнѣ что-нибудь и напророчилъ бы. Что, маменька, меня никто не спрашивалъ?

Бальзаминова

Это что еще за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминовъ.

Я, маменька, новое знакомство завелъ. Лукьянъ Лукьянычъ Чебаковъ... отличнѣйшій человѣкъ. Онъ капитанъ въ отставкѣ.

Бальзаминова.

Кчему это?

Бальзаминовъ.

Какъ кчему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у насъ сторона! Я ужь теперь далеко не хожу, а хожу тутъ поблизости.

Бальзаминова.

Такъ чтоже?

Бальзаминовъ.

Какъ чтоже? Какое необразованіе свирѣпствуетъ въ нашей сторонѣ, страсть! Обращенія не понимаютъ, человѣчества нѣтъ никакого! Пройду по рынку мимо лавокъ лишній разъ, — сейчасъ тебѣ прозвище дадутъ, кличку какую-нибудь. Почти у всякихъ воротъ кучера сидятъ, толстые, какъ мясники какіе, только и дѣла, что собакъ гладятъ, да играютъ съ ними; а собаки-то, маменька, какъ львы. Вѣдь по нашему дѣлу иногда нужно разъ десять мимо оконъ-то пройти, чтобы замѣтили тебя, а они развѣ дадутъ? Сейчасъ засвищутъ, да и давай собаками травить.

Бальзаминова.

Какъ же это можно живаго человѣка собаками травить?

Бальзаминовъ.

Какъ можно? Что вы, маменька! Развѣ они знаютъ учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а тамъ хоть человѣка до смерти загрызи: ему все равно.

Бальзаминова.

Какое необразованіе!

Бальзаминовъ.

Меня раза три травили. Вопервыхъ перепугаютъ досмерти, да еще бѣжишь съ версту, духу потомъ не переведешь. Да и срамъ! какой срамъ-то, маменька! Ты

тутъ ухаживаешь, стараешься понравиться—и вдругъ видятъ тебя изъ окна, что ты летишь во всѣ лопатки. Что за видъ, со стороны-то посмотрѣть! Невѣжество въ высшей степени... что ужь тутъ! А вотъ теперь, какъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ вмѣстѣ ходимъ, такъ меня никто не смѣетъ тронуть. А знаете, маменька, что́ я задумалъ?

Бальзаминова.

А что?

Бальзаминовъ.

Я хочу въ военную службу поступить.

Бальзаминова.

Да ты проснулся ли совсѣмъ-то, или еще все бредишь?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, позвольте, маменька: это дѣло разсудить надо.

Бальзаминова.

Да что́ тутъ разсуждать-то! Много ли ты лѣтъ до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминовъ.

Сколько бы я не прослужилъ: вѣдь у меня такъ же время-то идетъ, за то офицеръ. А теперь что́ я? Чинъ у меня маленькій, притомъ же я человѣкъ робкій, живемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки... А вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло: ужъ тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу—сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова.

Все вздоръ какой говоришь! А чѣмъ жить-то мы будемъ, пока ты въ офицеры-то произойдешь?

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Я и забылъ про это, совсѣмъ изъ головы вонъ! Вотъ видите, маменька, какой я несчастный человѣкъ! Ужь отъ военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мнѣ нельзя. Я вамъ: маменька, говорилъ, что я самый несчастный человѣкъ въ мірѣ: вотъ такъ оно и есть. Въ какомъ я мѣсяцѣ, маменька, родился?

Бальзаминова.

Въ маѣ.

Бальзаминовъ.

Ну вотъ всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы разсудите сами, въ нашемъ дѣлѣ безъ счастья ничего не сдѣлаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вотъ ужь правду-то русская пословица говоритъ: «не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ.» А все-таки я, маменька, не унываю. Этотъ сонъ... хоть я его и не весь видѣлъ—чортъ возми эту Матрену! — а все-таки я отъ него могу ожидать много пользы для себя. Этотъ сонъ, если разсудить, маменька, много значитъ, охъ какъ много!

Бальзаминова.

Да ты помнишь ли въ лицо ту даму, которую видѣлъ во снѣ-то?

Бальзаминовъ.

Помню, маменька; какъ сейчасъ гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова.

Это хорошо.

Бальзаминовъ.

Это, маменька, для насъ первое дѣло. У кого въ лицѣ строгость, я вѣдь съ тѣмъ человѣкомъ разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова.

Да и я не люблю.

Бальзаминовъ.

Другой на тебя смотритъ — точно допросъ тебѣ дѣлаетъ. Ну, чтожъ тутъ хорошаго! Конечно, если строго разобрать, такъ мы имѣемъ недостатки въ себѣ, въ образованіи, ну и въ платьѣ тоже. Когда на тебя смотрятъ строго, чтожъ тутъ дѣлать? Конфузиться да обдергиваться.

Бальзаминова.

Разумѣется. А вотъ ты коли ждешь кого, такъ одѣлся бы пошолъ; что въ халатѣ-то сидишь!

Бальзаминовъ.

Да, маменька, я сейчасъ одѣнусь. Лукьянъ Лукьянычъ вѣдь человѣкъ свѣтскій; какія у него трубки, съ какими янтарями, маменька! (*уходитъ*).

Бальзаминова.

Какой странный сонъ! Ужъ очень прямо; такъ что-то даже неловко: «я васъ люблю и обожаю»... Хорошо какъ такъ и на яву выдетъ, я то вѣдь сны-то больше все наоборотъ выходятъ. Еслибы она ему сказала: «господинъ Бальзаминовъ, я васъ не люблю и вашего знакомства не желаю»—это было бы гораздо лучше. (*Красавина входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бальзаминова и Красавина.

Красавина.

Съ повинной, матушка! Не вели казнить, вели рѣчь говорить.

Бальзаминова.

Есть же люди на свѣтѣ, которые стыда не имѣютъ!

Красавина.

Есть, матушка, есть всякаго народа.

Бальзаминова.

Конечно, мы люди бѣдные, маленькіе, но однакоже вѣдь надобно, Гавриловна, немножко и совѣсть знать.

Красавина.

Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совѣсть-то чище золота, одно слово—хрусталь, да чтожъ ты прикажешь дѣлать, коли такія оказіи выходятъ? Ты разсуди, какая мнѣ радость, что всякое дѣло все врозь да врозь. Первое дѣло — хлопоты даромъ пропадаютъ, а второе дѣло—всему нашему званію мараль. А просто сказать: «знать не судьба!» Вотъ и все тутъ. Ну да ужь я вамъ за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова.

Ну признаться сказать, я отъ тебя, кромѣ насмѣшки, ничего ожидать не могу.

Красавина.

Не такая душа у меня. Ежели я противъ кого виновата, такъ ужь я попаламъ разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вотъ у меня какая душа! Хоша оно въ нынѣшнемъ свѣтѣ съ такой добродѣтелью жить трудно, милая...

Бальзаминова.

Ты лучше, Гавриловна, и не говори! я тебѣ въ этомъ вѣрить не могу. Мы люди бѣдные, какой тебѣ интересъ?

Красавина.

А не вѣришь, такъ я тебѣ вотъ что скажу: хорошій-то который женихъ, ловкій, и безъ свахи невѣсту найдетъ, а хоть и со свахой, такъ съ него много не возь-

мешь; ну а твой-то плохъ: ему безъ меня этого дѣла не состряпать; значитъ я съ него возьму, что мнѣ захочется. Знаешь русскую пословицу: «у всякаго плута свой расчетъ»? Безъ расчету тоже въ нынѣшнемъ свѣтѣ жить нельзя.

Бальзаминова.

Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя такъ приняла. Мнѣ обидно, что моимъ сыномъ какъ дуракомъ помыкаютъ.

Красавина.

Ничего, матушка; брань на вороту не виснетъ. Намъ не привыкать стать къ брани-то: наше званіе такое. А сынка твоего мы обезпечимъ, ты не безпокойся.

Бальзаминова.

Чайку не хочешь ли?

Красавина.

Ну его! И безъ него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, вѣдь она вредъ дѣлаетъ, мельницы ломаетъ. Ужь ты меня лучше ужо какъ слѣдуетъ поподчуй, я къ тебѣ вечеркомъ зайду. А теперь вотъ что я тебѣ скажу. Такая у меня на примѣтѣ есть краля, что, признаться сказать, согрѣшила — подумала про твоего сына, что молъ не жирно ли ему это будетъ?

Бальзаминова.

Ктожъ такая?

Красавина.

Ну объ этомъ рѣчь впереди. Вотъ, видишь ты дѣло какого роду: она вдова и съ большимъ капиталомъ, отъ этого самаго и скучаетъ.

Бальзаминова.

Скажите пожалуйста!

Красавина.

Такъ точно. И какъ, матушка моя, овдовѣла, такъ никуда не выѣзжаетъ, все и сидитъ дома. Ну, а дома чтожъ дѣлать? извѣстно — покушаетъ да почивать ляжетъ. Богатая женщина, чтожъ ей дѣлать-то больше!

Бальзаминова.

Отчего же это она при такомъ капиталѣ никуда не ѣздитъ и знакомства не имѣетъ?

Красавина.

Лѣнива. Ужь сколько разъ я ей говорила: «что, молъ, ты никуда не съѣздишь, али къ себѣ гостей не позовешь?» Въ гости ѣхать, говоритъ, — одѣваться надобно; а пріѣдешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова.

Развѣ она и разговаривать не любитъ?

Красавина.

Какъ не любить! Только чтобы не торопясь, съ прохладой. Ну такимъ-то родомъ, сударыня ты моя, отъ этакой то жизни стала она толстѣть и тоску чувствовать. И даже такъ, я тебѣ скажу, тяжесть такая на нее напала, въ родѣ какъ болѣзнь. Ну, сейчасъ съ докторами совѣтоваться. Я была при одномъ докторѣ. Вотъ докторъ ей и говоритъ: «вамъ, говоритъ, лекарства никакого не нужно; только чтобъ, говоритъ, развлеченіе и безпремѣнно чтобъ замужъ шли».

Бальзаминова.

А она чтожъ?

Красавина.

Она ему сейчасъ въ руку три цѣлковыхъ бумажку. Порядокъ этотъ знаетъ.

Бальзаминова.

Нѣтъ, я не про то! Я насчетъ того, что замужъ-то идти?

Красавина.

«Я, говоритъ, замужъ не прочь; только гдѣ его найдешь, дома-то сидя?» — А я-то, говорю, начто? — «Ну, говоритъ, хлопочи!» Такъ вотъ какія дѣла и какія оказіи бываютъ.

Бальзаминова.

Ну, а какъ насчетъ состоянія?

Красавина.

Сверхъ границъ. Однихъ только денегъ и билетовъ мы двѣ считали-считали, счесть не могли, такъ и бросили. Да я такъ думаю, что не то что намъ, бабамъ, а и мужчинамъ, если двухъ хорошихъ взять, и то не счесть!

Бальзаминова.

Какъ же это не счесть?

Красавина.

Такъ вотъ и не счесть. Посчитаютъ-посчитаютъ, да и бросятъ. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всѣмъ вамъ кажется, у кого денегъ нѣтъ. А подико попробуй! Нѣтъ, матушка, счетъ мудреное дѣло. И чиновники-то, которые при этомъ приставлены, и тѣ, кто до сколька умѣетъ, до столька и считаетъ: потому у нихъ и чины разные. Твой Михайло до сколька умѣетъ?

Бальзаминова.

Да я думаю: сколько ни дай, все сочтетъ.

Красавина.

Ну гдѣ ему! Тысячъ до десяти сочтетъ, а больше не сумѣетъ. А то вотъ еще какія оказіи бываютъ, ты зна-

ешь ли? Что-то строили, ужъ я не припомню, такъ артитехторы считали, считали, цыфирю не хватило.

Бальзаминова.

Можетъ ли это быть?

Красавина.

Вѣрно тебѣ говорю. Такъ что же придумали: до которыхъ поръ сочтутъ, это запишутъ, да опять цыфирь-то сначала и оборотятъ. Вотъ какъ! Такъ чтожъ тутъ мудренаго, что мы денегъ не сочли? Ну деньги деньгами, — это само по себѣ, а еще домъ.

Бальзаминова.

Большой?

Красавина.

А вотъ какой: заведи тебя въ середку, да оставь одну, такъ ты и заблудишься, все равно что въ лѣсу, и выходу не найдешь, хоть карaулъ кричи. Я одинъ разъ кричала. Мало тебѣ этого, такъ у насъ еще лавки есть.

Бальзаминова.

Ты ужъ что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невѣстѣ-то.

Красавина.

Это ужъ его дѣло. Да что это его не видать?

Бальзаминова.

Не знаю, онъ дома былъ. Миша! *(Бальзаминовъ входитъ).*

ЯВЛЕНIЕ IV.

Тѣже и Бальзаминовъ.

Красавина.

Красота ты моя писаная, разрисованая! Все ли ты

здоровъ? А у насъ всѣ здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминовъ.

Я еще и говорить-то съ тобой не хочу. Вотъ что!

Бальзаминова.

Нѣтъ, Миша, ты съ ней не долженъ такимъ манеромъ обращаться; ты еще не знаешь, какую она пользу можетъ тебѣ сдѣлать.

Красавина.

Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый сталъ? Аль нашолъ на дорогѣ сумму какую значительную?

Бальзаминовъ.

Она-то пользу сдѣлаетъ? Что вы, маменька, ей вѣрите? Она все обманываетъ.

Красавина.

Я обманываю? Значитъ ты души моей не знаешь. Ты слыхалъ ли когда пѣсню:

«Никто души моей не знаетъ,
И чувствъ моихъ не могутъ описать?»

Бальзаминовъ.

За что она меня, маменька, обманываетъ? Что́ я ей сдѣлалъ? Она сваха,—она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина.

А ты ищи себѣ подъ пару, такъ тебя никто и не будетъ обманывать; а то ты все не подъ масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминовъ.

А тебѣ какое дѣло? Да и совсѣмъ не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благо-

родныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ, значитъ я долженъ жениться на богатой. *(Садится)*. Ахъ, маменька, какая это обида, что все на свѣтѣ такъ не хорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный — на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Еслибъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина.

Ну вотъ когда такой законъ отъ тебя выдетъ, тогда мы и будемъ жить по твоему; а до тѣхъ поръ, ужь ты не взыщи, все будетъ по старому русскому заведенію: «по Сенькѣ шапка, по Еремкѣ кафтанъ». А то вотъ тебѣ еще другая пословица: «видитъ собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминовъ.

Вотъ видите, маменька, вотъ она опять все на смѣхъ. Зачѣмъ она пришла? Кто ее просилъ?

Красавина.

Мнѣ вѣдь какъ хотите! Я изъ-за своего добра кланяться не стану. Какая мнѣ оказія?

Бальзаминова.

Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ. Какъ тебѣ, Миша, не стыдно!

Красавина.

Что жъ онъ важность-то на себя напустилъ? Навязывать ему что ли? Ужь это много чести будетъ! Москва-то не клиномъ сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова.

Нѣтъ, ты этого, Гавриловна, не дѣлай. Это тебѣ грѣхъ будетъ! Ты, Миша, еще не знаешь, какія она намъ благодѣянія оказываетъ. Вотъ ты поговори съ ней, а я пойду: признаться сказать, послѣ бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина.

Да хоть и больше, такъ ктожъ тебѣ запретитъ? *(Бальзаминова уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Красавина, Бальзаминовъ, потомъ Матрена.

Бальзаминовъ.

Вотъ ты сердиться-то умѣешь, а каково мнѣ было тогда, какъ меня изъ дому выгнали? Вотъ такъ асаже!

Красавина.

А ты еще все не забылъ? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вотъ за этотъ-то самый афронтъ я и хочу тебѣ заслужить.

Бальзаминовъ.

Чѣмъ же ты заслужишь?

Красавина.

Невѣсту нашла.

Бальзаминовъ.

Ну ужь не надо. Опять тоже будетъ. Я самъ нашолъ.

Красавина.

Мудрено что-то! Гдѣ жъ это?

Бальзаминовъ.

Какъ же! такъ я и сказалъ тебѣ!

Красавина.

Ничего у тебя не выдетъ.

Бальзаминовъ.

А вотъ посмотримъ.

Красавина.

И смотрѣть нечего. *(Входитъ Матрена и становится у двери, приложивъ руку къ щекѣ).* Ты самъ разсуди! Какую тебѣ невѣсту нужно?

Бальзаминовъ.

Извѣстно какую, обыкновенную.

Красавина.

Нѣтъ, не обнаковенную. Ты человѣкъ глупый, значитъ...

Бальзаминовъ.

Какъ же, глупый! Ишь ты дурака нашла!

Матрена.

А что, уменъ?

Бальзаминовъ.

Ты молчи, не твое дѣло!

Красавина.

Ты послушай! ты человѣкъ глупый; значитъ тебѣ...

Бальзаминовъ.

Да что ты все: глупый, да глупый! Это для тебя я можетъ быть глупъ; а для другихъ совсѣмъ нѣтъ. Давай спросимъ у кого нибудь.

Красавина.

Давай спросимъ! Да нечего и спрашивать. Ты повѣрь мнѣ: я человѣкъ старый, обманывать тебя не стану.

*

Матрена.

Какой ты, Михайло Митричъ, какъ погляжу я на тебя, спорить здоровый! Гдѣ жъ тебѣ съ ней спорить?

Бальзаминовъ.

Какъ же не спорить, когда она меня дуракомъ называетъ?

Матрена.

Она лучше тебя знаетъ. Коли называетъ, значитъ правда.

Бальзаминовъ.

Да что вы ко мнѣ пристали! Что вамъ отъ меня надо?

Красавина.

Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпѣніе, выслушай! Ты глупый человѣкъ, значитъ тебѣ умнѣй себя искать невѣсту нельзя.

Матрена.

Само собой.

Красавина.

Значитъ тебѣ нужно искать глупѣй себя. Вотъ такую-то я тебѣ теперь...

Бальзаминовъ *(встаетъ).*

Что ты ко мнѣ пристаешь! Что ты ко мнѣ пристаешь? Я тебѣ сказалъ, что я слушать тебя не хочу. А ты все съ насмѣшками да съ ругательствомъ! Ты думаешь, я вамъ на-смѣхъ дался? Нѣтъ, погоди еще у меня!

Красавина.

Что же ты сдѣлаешь?

Бальзаминовъ.

Я знаю, что сдѣлать! Ты меня не тронь! Я служащій, обидѣть меня не смѣешь! Я на тебя и судъ найду!

Красавина.

Судъ? Что ты, въ умѣ ли? А судиться, такъ судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я отвѣтъ найду. Въ какой судъ на меня жаловаться пойдешь?

Бальзаминовъ.

Это ужь мое дѣло.

Красавина.

Да ты всѣ ли суды знаешь-то? Чай только магистратъ и знаешь? Намъ съ тобой будетъ судъ особенный! Позовутъ на глаза — и сейчасъ рѣшеніе.

Бальзаминовъ.

Для меня все равно.

Красавина.

Что же станешь на судѣ говорить? Какіе во мнѣ пороки станешь доказывать? Ты и словъ-то не найдешь; а и найдешь, такъ складу не подберешь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то напередъ подберу одно къ другому. Вотъ насъ съ тобой сейчасъ и рѣшатъ: мнѣ превелегію на листѣ напишутъ...

Бальзаминовъ.

Какую привилегію?

Красавина.

Противъ тебя превелегію, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всемъ превозвышена; а тебя въ лабетъ поставятъ.

Бальзаминовъ.

Въ какой лабетъ? Что ты врешь!

Красавина.

А еще мужчина, еще служащій, а не знаешь, что такое лабетъ! Гдѣ жъ тебѣ со мной судиться!

Матрена.

У! Безстыдникъ!

Бальзаминовъ.

Такъ чтожъ это вы меня со свѣту сжить что ли хотите? Силъ моихъ не хватитъ! Батюшки! Ну васъ къ чорту! *(Быстро беретъ фуражку)*. Отъ васъ за сто верстъ убѣжишь. *(Бросается въ дверь и сталкивается съ Чебаковымъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Что это вы? Что это вы, господинъ Бальзаминовъ?

Матрена.

Батюшки! Онъ въ умѣ повихнулся.

Бальзаминовъ.

Ахъ, извините-съ! Такое невѣжество! Вы не можете себѣ представить! Это ужасъ что такое!

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ, что съ вами такое?

Бальзаминовъ.

Ничего-съ! Очень вамъ благодаренъ! Конечно, съ моей стороны неучтивость... Извините! Покорнѣйше прошу садиться!

Чебаковъ *(садясь)*.

Послушайте, Бальзаминовъ, вы что-то не въ своей тарелкѣ?

Бальзаминовъ.

Да помилуйте-съ, Лукьянъ Лукьянычъ, никакъ невозможно! Необразованіе, насмѣшки...

Чебаковъ.

Ну, да это въ сторону! Послушайте, чтоже вы исполните, что̀ обѣщали, или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Какъ же можно! Непремѣнно-съ.

Чебаковъ.

То-то же! А то вѣдь вы, пожалуй.

Бальзаминовъ.

Ужь ежели я что, Лукьянъ Лукьянычъ, обѣщалъ-съ...

Чебаковъ.

Ну да, разговаривайте! Знаемъ мы васъ. Только послушайте, Бальзаминовъ, вамъ надо башмачникомъ одѣться.

Матрена.

Батюшки!

Бальзаминовъ.

Зачѣмъ же это-съ?

Чебаковъ.

А вотъ я вамъ сейчасъ объясню.

Красавина.

Ну прощай, башмачникъ! Ужь я къ тебѣ больше не пойду; потому, мой другъ, что хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ. *(Уходитъ и Матрена за ней).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бальзаминовъ и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, это сваха должно быть?

Бальзаминовъ.

Такъ точно-съ. Конечно невѣжество...

Чебаковъ.

Такъ вотъ что, Бальзаминовъ: нельзя иначе, надо непремѣнно башмачникомъ. А то какъ же вы къ нимъ въ домъ войдете? А вы надѣньте сертукъ похуже, да фуражку, вотъ хоть эту, которая у васъ въ рукахъ, волосы растреплите, запачкайте лицо чѣмъ-нибудь и ступайте. Позвоните у воротъ, вамъ отопрутъ, вы и скажите, что-молъ башмачникъ, барышнямъ мѣрку снимать. Тамъ ужь знаютъ, васъ сейчасъ и проведутъ къ барышнямъ.

Бальзаминовъ.

А потомъ чтоже-съ?

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ! Вы чудакъ. Какъ же вы спрашиваете, что дѣлать! Вы влюблены или нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Влюбленъ-съ.

Чебаковъ.

Такъ вѣдь надо же вамъ объясниться. И кстати, письмо отдадите. Моей отдайте вотъ это письмо (*отдаетъ письмо*), а своей откройтесь въ любви, скажите, что хотите ее увезти, станьте на колѣни. Да вы послушайте, не перемѣшайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминовъ.

Помилуйте! Какъ можно! А вы, Лукьянъ Лукьянычъ, ужь открылись-съ?

Чебаковъ.

Давно ужь...

Бальзаминовъ.

Мы ихъ, Лукьянъ Лукьянычъ, скоро увеземъ-съ?

Чебаковъ.

Какъ будутъ согласны, такъ и увеземъ.

Бальзаминовъ.

Моя будетъ согласна-съ, потому что она на меня такъ смотритъ, когда мы мимо проходимъ, что даже уму непостижимо-съ.

Чебаковъ.

Послушайте, ну вотъ и прекрасно.

Бальзаминовъ.

Только, Лукьянъ Лукьянычъ, какъ бы намъ не ошибиться насчетъ...

Чебаковъ.

Насчетъ денегъ? Нѣтъ, господинъ Бальзаминовъ, въ этомъ никогда не ошибаюсь.

Бальзаминовъ.

То вы, а то я-съ.

Чебаковъ.

Онѣ сестры, у нихъ поровну капиталъ отъ отца. Братья оттого не отдаютъ ихъ замужъ, что денегъ жаль.

Бальзаминовъ.

Ну, такъ я сейчасъ-съ, только сертукъ надѣну-съ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Чебаковъ *(одинъ)*.

Экой дурачина! Вотъ олухъ-то! Воображаетъ, что въ него влюбятся. А впрочемъ, если смотрѣть на жизнь съ философской точки зрѣнія, такъ и такіе люди полез-

ны. Кого ныньче заставишь башмачникомъ одѣться! А эта штука мнѣ можетъ стоить полтораста тысячъ. Изъ-за этого куша я здѣсь другой годъ живу, нарочно по близости квартиру нанялъ. Только, чортъ ихъ возьми, живутъ очень крѣпко! Не то что видѣться, а и письмо-то передать большихъ трудовъ и издержекъ стоитъ. Если мнѣ этотъ дуракъ поможетъ ее увезти, — я его, голубчика, въ поминанье запишу.

(Входитъ Бальзаминовъ въ сертукѣ).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Чебаковъ и Бальзаминовъ.

Чебаковъ.

Послушайте, вы настоящій сапожникъ.

Бальзаминовъ.

Башмачникъ-съ.

Чебаковъ.

Только послушайте, ну какъ ваше начальство узнаетъ, что вы башмачнымъ мастерствомъ занимаетесь?

Бальзаминовъ.

Да, нехорошо-съ, да и отъ товарищей тоже-съ...

Чебаковъ.

Нѣтъ, я шучу. Помилуйте, кто же это узнаетъ! Послушайте, я вамъ даже завидую. Вы будете разговаривать съ любимой женщиной, а я долженъ страдать въ одиночествѣ.

Бальзаминовъ.

Да-съ. А ужъ какъ я радъ-съ, я хоть плясать-съ готовъ-съ.

Чебаковъ.

Именно на вашемъ мѣстѣ плясать надобно. Послушайте, Бальзаминовъ, а ну какъ васъ тамъ высѣкутъ?

Бальзаминовъ.

Чтоже это, Лукьянъ Лукьянычъ! Я не пойду-съ! Какъ же вы сами посылаете, а потомъ говорите, что высѣкутъ? Начто же это похоже-съ.

Чебаковъ.

Какъ вы, Бальзаминовъ, шутокъ не понимаете!

Бальзаминовъ.

Хорошо какъ шутки, а ежели въ самомъ дѣлѣ-съ?

Чебаковъ.

Ужь будьте покойны! Я бы васъ не послалъ.

Бальзаминовъ.

Покоенъ-то я покоенъ, а все-таки...

Чебаковъ.

Послушайте, ну полноте! Пойдемте! Я за вами буду сзади слѣдить.

Бальзаминовъ.

Пойдемте-съ. *(Подходятъ къ двери)*. Матрена! Скажи маменькѣ, что я ушолъ.

Матрена *(за дверью)*.

Сама увидитъ.

(Уходятъ).

КАРТИНА ВТОРАЯ.

ЛИЦА:

ДОМНА ЕВСИГНЕВНА БѢЛОТѢЛОВА, вдова лѣтъ тридцати-шести, очень полная женщина, пріятнаго лица, говоритъ лѣниво съ разстановкой.

АНФИСА ПАНФИЛОВНА } **РАИСА ПАНФИЛОВНА** } **ПѢЖЕНОВЫ**, дѣвицы лѣтъ подъ тридцать, ни хороши, ни дурны; ни худы, ни толсты; одѣты въ простыхъ ситцевыхъ блузахъ, но въ огромной величины кринолинахъ.

ХИМКА (Афимка), горничная дѣвочка Пѣженовыхъ.

БАЛЬЗАМИНОВЪ.

КРАСАВИНА.

Сцена представляетъ два сада, раздѣленные посерединѣ заборомъ. Направо отъ зрителей садъ Пѣженовыхъ, а налѣво—Бѣлотѣловой. Въ садахъ скамейки, столики и проч.; въ саду Бѣлотѣловой налѣво видны двѣ ступеньки и дверь въ бесѣдку; у забора съ обѣихъ сторонъ кусты.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Въ саду на лѣвой сторонѣ).

Бѣлотѣлова и Красавина (*сидятъ на лавочкѣ*).

Бѣлотѣлова.

Вотъ мы тутъ посидимъ, потомъ пойдемъ въ бесѣдку, тамъ закусимъ, посидимъ. Тамъ закуска приготовлена. Да потомъ опять сюда придемъ, посидимъ.

Красавина.

Еще бы! Своя воля, что хотимъ, то и творимъ.

Бѣлотѣлова.

Чтожъ ты мнѣ жениха, скоро?

Красавина.

Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдругъ! Вѣдь жениховъ у меня много, да все не тотъ сортъ. Для тебя я ужь особенно займусь, хорошаго тебѣ сыщу.

Бѣлотѣлова.

Сыщи хорошаго.

Красавина.

Ужь ты будь покойна, это нашихъ рукъ дѣло. Есть у меня одинъ на примѣтѣ, а рекомендовать боюсь.

Бѣлотѣлова.

А чтоже?

Красавина.

Онъ бы и ничего, да дурашенъ, Богъ съ нимъ.

Бѣлотѣлова.

Очень дурашенъ?

Красавина.

Да таки-порядочно. Да ты объ этомъ дѣлѣ не печалься; безъ мужа не останешься.

Бѣлотѣлова.

Ну хорошо.

Красавина.

Вѣришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на днѣ моря, я со дня моря для твоего удовольствія достану. Да ужь и ты меня не обидь.

Бѣлотѣлова.

Я не обижу, я добрая.

Красавина.

Ктожъ этого не знаетъ! Весь свѣтъ знаетъ. А это я къ тому говорю, красавица ты моя писаная, что отъ кого же намъ и жить-то, бѣднымъ сиротамъ, какъ не отъ васъ, богатыхъ людей? Вамъ жить да нѣжиться, а намъ для васъ служить. Ты сиди только да придумывай, а ужь для тебя все, окромя развѣ птичьяго молока.

Бѣлотѣлова.

Ничего не придумаешь.

Красавина.

Лѣнь тебѣ, красавица моя, а то какъ бы не придумать. Я бы на твоемъ мѣстѣ, да съ твоими деньгами, такое веселье завела, такихъ чудесъ бы натворила, что ни объ чемъ бы, кромѣ меня, и не разговаривали.

Бѣлотѣлова.

А чтожъ бы ты сдѣлала?

Красавина.

Да вотъ тебѣ первое. Коли не хочешь ты никуда ѣздить, такъ у себя дома сдѣлай: позови бабъ побольше, вели приготовить отличный обѣдъ, чтобы вина побольше разнаго, хорошаго; позови музыку полковую: мы будемъ пить, а она чтобъ играла. Потомъ всѣ въ садъ, а музыка чтобъ впереди, да такъ по всѣмъ дорожкамъ маршемъ; потомъ опять домой, да пѣсни; а тамъ опять маршемъ. Да такъ чтобы три дня кряду, а начинать съ утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушолъ никто. Вотъ тебѣ и будетъ весело.

Бѣлотѣлова.

Весело, только хлопотъ много.

Красавина.

А ты мнѣ прикажи, я всѣ хлопоты на себя возьму. Я орелъ на эти дѣла.

Бѣлотѣлова.

Ну хорошо, какъ нибудь сдѣлаемъ.

Красавина.

Да скорѣй бы! Хорошаго дѣла никогда откладывать не должно!

Бѣлотѣлова.

Не пойти ли намъ въ бесѣдку?

Красавина.

Погоди! Посидимъ здѣсь; хорошо на воздухѣ-то. Поговоримъ объ чемъ-нибудь для время-провожденія.

Бѣлотѣлова.

Я ужь не знаю объ чемъ говорить. Нѣтъ ли по Москвѣ разговору какого?

Красавина.

Мало ли разговору, да всему вѣрить-то нельзя. Иногда колоколъ льютъ, такъ нарочно пустую молву пускаютъ, чтобъ звончѣе былъ.

Бѣлотѣлова.

Войны не слыхать ли?

Красавина.

Войны не слыхать. Тихо вездѣ; по всей землѣ замиреніе вышло. Земля трясется мѣстами, объ этомъ слухъ есть; мѣстахъ въ трехъ трясеніе было.

Бѣлотѣлова.

Не хорошо.

Красавина.

Что хорошаго! Сама знаешь, писано есть объ этомъ. Да-вотъ еще, для всякой осторожности, надобно тебѣ сказать: шайка разбойниковъ объявилась.

Бѣлотѣлова.

Откуда-жъ они?

Красавина.

Изъ дикихъ лѣсовъ, говорятъ. Днемъ подъ Каменнымъ Мостомъ живутъ, а ночью ходятъ по Москвѣ, желѣзные когти у нихъ надѣты на руки и всѣ на ходуляхъ; по семи аршинъ ходули, а атаманъ въ турецкомъ платьѣ.

Бѣлотѣлова.

Зачѣмъ на ходуляхъ?

Красавина.

Для скорости, ну и для страху.

Бѣлотѣлова.

Пойдемъ въ бесѣдку, посидимъ, закусимъ!

Красавина.

Пойдемъ! Какой у тебя апетитъ, дай тебѣ Богъ здоровья, меня ижно завидки берутъ. Ужь чего лучше на свѣтѣ, коли апетитъ хорошъ! Значитъ весь человѣкъ здоровъ и душой покоенъ. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

(На правой сторонѣ).

Выходятъ: Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса.

Тоска, Анфиса.

Анфиса.

Тоска.

Раиса.

Ой, батюшки, какъ скучно! *(молчаніе).*

Анфиса.

И нейдетъ и не шлетъ никого!

Раиса.

Да кого же прислать! Ты знаешь, къ намъ ходу нѣтъ.

Анфиса.

Онъ въ прошломъ письмѣ писалъ, что придумаетъ что нибудь. Не послать ли Химку въ лавочку: не дожидается ли онъ тамъ съ письмомъ?

Раиса.

За Химкой-то ужь подсматривать стали. Бабушка все ворчитъ на нее, должно быть что-нибудь замѣтила; да старуха нянька все братцамъ пересказываетъ. Выходи, Анфиса, поскорѣй замужъ и я бы къ тебѣ переѣхала жить: тогда своя воля; а то вѣдь это тоска.

Анфиса.

Еще какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а ужь не пойду за тѣхъ жениховъ, что братцы сватаютъ. Невѣжество-то мнѣ и дома надоѣло. А мы сами немножко виноваты: тогда, какъ тятенька умеръ, ужь мы много себѣ вольности дали.

Раиса.

Вотъ золотое-то было времячко! Есть чѣмъ вспомнить!

Анфиса.

Вотъ братцы-то насъ и присадили. Такая тоска въ этомъ положеніи.

Раиса.

Хоть волкомъ вой! Ахъ, тоска, Анфиса! Ахъ, тоска

Анфиса.

Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Раиса.

Что же ты придумала?

Анфиса *(оглядываясь)*.

Бѣжать съ Лукьянъ Лукьянычемъ.

Раиса.

Что ты сестрица! Какъ это можно!

Анфиса.

А что жъ такое! Жалко что ль мнѣ кого здѣсь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здѣсь живемъ, такъ братья надъ нами власть имѣютъ; а какъ изъ воротъ, такъ и кончено. И деньги свои потребую, какія мнѣ слѣдуютъ.

Раиса.

Это я думаю страшно, сестрица, когда увозятъ.

Анфиса.

Ничего, Раиса, не страшно. Вѣдь ужь меня увозили, ты помнишь?

Раиса.

Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

Анфиса.

Ну что старое вспоминать! Вотъ я теперь и жду отъ Лукьянъ Лукьяныча письма объ этомъ объ самомъ. Только какъ онъ его передастъ?

Раиса.

Ужь какъ-нибудь придумаетъ.

Анфиса.

Тогда тебя къ себѣ жить возьму.

Раиса.

Вотъ мы, Анфиса, заживемъ-то! По всѣмъ гуляньямъ, по всѣмъ дачамъ будемъ ѣздить. Я себѣ тоже военнаго выберу.

Анфиса.

А что же этотъ, твой-то?

Раиса.

Бѣлобрысой-то? Ну что за крайность! Кабы ничего лучше въ предметѣ не было, такъ ужь такъ бы и быть — отъ скуки.

Анфиса.

Развѣ онъ тебѣ не нравится?

Раиса.

Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненекъ кажется.

Анфиса.

Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?

Раиса.

Отъ тоски. Все-таки развлеченіе. Ахъ, тоска! Ахъ, тоска!

Анфиса.

А онъ пожалуй подумаетъ, что ты въ него влюблена.

Раиса.

Пускай его думаетъ, убытку-то мнѣ немного.

Анфиса.

Знаешь, Раиса, что я тебѣ говорила-то, что бѣжать-то съ Лукьянъ Лукьянычемъ? Вѣдь это можетъ-быть очень скоро будетъ. Я ужь что̀ нужно на первый разъ, приготовила; хоть сейчасъ собраться да и была такова.

Раиса.

Вотъ я посмотрю, какъ ты убѣжишь, да и я можетъ тоже сдѣлаю. Не умирать же тутъ съ тоски въ самомъ дѣлѣ! *(Химка вбѣгаетъ, дрожа отъ страха и запыхавшись).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса.

Что ты, Химка?

Химка.

Пришолъ... пришолъ...

Анфиса.

Кто пришолъ?

Химка.

Башмачникъ пришолъ, башмачникъ пришолъ.

Анфиса.

Какой башмачникъ?

Химка.

Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говоритъ знакомые послали, барышнямъ мѣрку снимать, мѣрку снимать.

Раиса.

Это отъ Лукьянъ Лукьяныча должно быть?

Анфиса.

Непремѣнно. Ктожъ его пустилъ?

Химка.

Я пустила, всѣ спятъ, я пустила. Ахъ страсти!

Анфиса.

Гдѣ же онъ?

Химка.

У садовой калитки дожидается. Онъ у калитки...

Анфиса.

Веди его сюда скорѣй, да смотри, чтобъ не увидали.

Химка.

Сейчасъ, сейчасъ! Батюшки! сейчасъ *(убѣгаетъ)*.

Раиса.

Ишь ты какой придумщикъ! Башмачника прислалъ.

Анфиса.

Благороднаго человѣка сейчасъ видно: у него всѣ и поступки благородные. Ну кто придумаетъ башмачника прислать, кромѣ благороднаго человѣка? Никто на свѣтѣ.

Раиса.

Мы этого башмачника на весь домъ шить башмаки заставимъ, онъ намъ и будетъ письма переносить. *(Входятъ Бальзаминовъ и Химка)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анфиса, Раиса, Бальзаминовъ и Химка.

Анфиса *(тихо)*.

Да вѣдь это твой бѣлобрысый.

Раиса.

Вотъ супризъ!

Анфиса.

Бѣги, Химка, постереги у калитки: коли въ домѣ проснутся, такъ ты дай знакъ какой нибудь.

Химка.

Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ страсти-то! *(убѣгаетъ).*

Анфиса.

Однако, какъ вы смѣлы!

Бальзаминовъ.

Любовь все преодолѣваетъ-съ.

Анфиса.

Лукьяна Лукьяныча давно ли видѣли?

Бальзаминовъ.

Даже только сейчасъ-съ. Я отъ нихъ къ вамъ письмо имѣю.

Анфиса.

Такъ давайте!

Бальзаминовъ *(подаетъ письмо).*

Извольте-съ. Они отвѣтъ просили-съ. *(Анфиса отходитъ, распечатываетъ и читаетъ).*

Раиса.

Васъ зовутъ Михайло Дмитричъ?

Бальзаминовъ.

Точно такъ-съ. Это я собственно для васъ-съ.

Раиса.

Что для меня?

Бальзаминовъ.

Въ такомъ видѣ-съ.

Раиса.

Покорно васъ благодарю.

Анфиса.

Раиса, поди сюда! Вы, господинъ Бальзаминовъ, из-

вините: намъ нужно поговорить. Вы посидите на лавочкѣ, подождите. *(Раиса подходитъ къ Анфисѣ).*

Бальзаминовъ *(садится на лавочку у забора).*

Оченно хорошо-съ.

Анфиса *(читаетъ).*

«У меня все готово. Докажите, что вы меня любите не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ. Доказательствъ моей любви вы видѣли много. Для васъ я бросилъ свѣтъ, бросилъ знакомство, оставилъ всѣ удовольствія и развлеченія, и живу болѣе года въ этой дикой сторонѣ, въ которой могутъ жить только медвѣди да Бальзаминовы...

Раиса.

Ахъ, это правда.

Анфиса.

Правда! *(Читаетъ)*: «Кажется этого довольно. Больше я ждать не могу. Изъ любви къ вамъ я рѣшаюсь избавить васъ отъ неволи; теперь все зависитъ отъ васъ. Если хотите, чтобъ мы оба были счастливы, — сегодня, когда стемнѣетъ и ваши улягутся спать, что произойдетъ вѣроятно не позже девятаго часа, выходите въ садъ. Въ переулкѣ, сзади вашего сада, я буду ожидать васъ съ коляской. Заборъ вашего сада, который выходитъ въ переулокъ, въ одномъ мѣстѣ плохъ...

Раиса.

Да, братецъ давно говорилъ объ этомъ. На этой недѣлѣ хотятъ починить.

Анфиса *(читаетъ).*

«Мы разберемъ нѣсколько досокъ, и вы будете на свободѣ. Мы съ вами поѣдемъ верстъ за пятнадцать, гдѣ меня ждутъ мои пріятели, и уже все готово, даже и музыка...

Раиса.

И музыка! Ахъ какъ это весело! А здѣсь-то какая тоска!

Анфиса.

Ахъ, Раиса! Вотъ что значитъ благородный человѣкъ! Увозитъ дѣвушку, все устроилъ отличнымъ маперомъ, и потомъ даже съ музыкой! Кто, кромѣ благороднаго человѣка, это сдѣлаетъ? Никто рѣшительно.

Раиса.

Чтоже, Анфиса, ты поѣдешь?

Анфиса.

Еще бы послѣ этого да я не поѣхала! Это даже было бы неучтиво съ моей стороны. (*Читаетъ*): «Впрочемъ, можетъ-быть вамъ ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается въ томъ, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати разъ мимо вашихъ оконъ? Въ такомъ случаѣ извините, что я предложилъ вамъ бѣжать со мной...

Раиса.

Отчего же онъ объ насъ такъ низко думаетъ?

Анфиса.

Я ему докажу, что я совсѣмъ не такихъ понятій объ жизни. (*Читаетъ*): «Конечно, очень похвально слушаться братцевъ, бабушекъ и тетушекъ...

Раиса.

Анфиса, это онъ въ насмѣшку!

Анфиса.

Разумѣется. (*Читаетъ*): «Но зачѣмъ же губить свою молодость и отказывать себѣ въ удовольствіяхъ? Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта. Если вы сегодня не рѣ-

шитесь, я завтра уѣзжаю на Кавказъ. Цѣлую ваши ручки. Весь вашъ...»

Раиса *(заглядывая въ письмо).*

А это что?

Анфиса.

А это Люди, Червь, значитъ: Лукьянъ Чебаковъ. Ну, Раиса, я пойду напишу ему отвѣтъ, а ты тутъ посиди съ Бальзаминовымъ. Ты мнѣ послѣ скажи, что онъ тебѣ будетъ говорить.

Раиса.

А какъ же Бальзаминовъ выдетъ отсюда? Вѣдь его никто не видалъ, какъ онъ вошолъ?

Анфиса.

Вотъ еще бѣда-то!

Раиса.

Знаешь что, Анфиса: я его какъ-нибудь спроважу черезъ заборъ.

Анфиса.

Ну, хорошо. Отвѣтъ я съ Химкой пришлю. Прощайте, господинъ Бальзаминовъ! *(Уходитъ).*

Раиса *(Бальзаминову).*

Я сейчасъ къ вамъ приду. *(Провожаетъ Анфису).*

Бальзаминовъ.

Вѣдь вотъ теперь надо въ любви открываться, а я ничего не придумалъ, никакихъ словъ не прибралъ. Эка голова! Что ты будешь дѣлать! Будь тутъ столбъ или дерево покрѣпче, — такъ бы взялъ да и разбилъ ее въ дребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дуракъ. Чтожъ въ самомъ дѣлѣ? не стоять же столбомъ! На счастье буду говорить что̀ въ голову придетъ: можетъ быть и хорошо выйдетъ. Вотъ каковы

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS

пріятели! Сколько разъ просилъ, чтобы показали, какъ въ любви объясняться — ни одинъ не показалъ. Все изъ зависти, всякій для себя бережотъ. *(Раиса возвращается)*. Вотъ идетъ! Вотъ, что мы будемъ дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ V.

Бальзаминовъ и Раиса.

Раиса.

Извините, что мы васъ заставили дожидаться!

Бальзаминовъ.

Ничего-съ! Очень пріятно-съ! *(Молчаніе)*. Онѣ куда же пошли-съ?

Раиса.

Она пошла отвѣтъ писать.

Бальзаминовъ.

Онѣ скоро-съ?

Раиса.

Нѣтъ, она очень долго пишетъ. Мы скоро не умѣемъ; для этого привычка нужна, а мы кромѣ писемъ ничего не пишемъ.

Бальзаминовъ.

Я теперича все скучаю-съ.

Раиса.

И мы тоже скучаемъ. Такая тоска, вы не повѣрите!

Бальзаминовъ.

Да вы можетъ быть не оттого-съ.

Раиса.

Оттого что все сидимъ въ заперти, не видимъ никакихъ развлеченій.

Бальзаминовъ.

А я отъ другого-съ.

Раиса.

Отчего же вы?

Бальзаминовъ.

Я даже по ночамъ не сплю-съ.

Раиса.

Можетъ быть днемъ спите?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, совсѣмъ не оттого-съ.

Раиса.

А отчего же?

Бальзаминовъ.

Отъ чувствъ-съ.

Раиса.

Отъ какихъ же это чувствъ?

Бальзаминовъ.

Я такъ чувствую себя, что я самый несчастный человѣкъ въ жизни.

Раиса.

Довольно странно это слышать отъ васъ. Мужчины вообще счастливѣй женщинъ.

Бальзаминовъ.

Но не всѣ-съ.

Раиса.

У женщины несчастіе заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминовъ.

А у мужчины несчастіе заключается отъ любви-съ.

*

Раиса.

Значитъ, надобно такъ полагать, что вы влюблены?

Бальзаминовъ.

Такъ точно-съ.

Раиса.

Кто же эта женщина, которая могла васъ прельстить собою?

Бальзаминовъ.

Я не смѣю вамъ этого открыть-съ.

Раиса.

Отчего же?

Бальзаминовъ.

Вамъ можетъ быть будетъ противно меня слушать-съ.

Раиса.

Нисколько не противно: даже совсѣмъ напротивъ.

Бальзаминовъ.

Въ такомъ случаѣ-съ позвольте вамъ выразить, что эта женщина — вы самыя-съ есть-съ.

Раиса.

Ахъ, скажите! Я этого никакъ не ожидала.

Бальзаминовъ.

Могу я сколько-нибудь надежду имѣть-съ, или нѣтъ-съ?

Раиса.

Я еще ничего не слыхала отъ васъ.

Бальзаминовъ.

Для моей любви нѣтъ словъ-съ. Я бы и желалъ выразить-съ; но никакъ не могу-съ.

Раиса.

Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминовъ.

Одно только я могу сказать-съ, что я самъ себѣ тиранъ.

Раиса.

Какое же въ этомъ тиранство?

Бальзаминовъ.

Самое жестокое тиранство-съ. Ежели человѣкъ влюбленъ-съ и даже не спитъ ночи, и не знаетъ словъ-съ...

Раиса.

Вы давно въ меня влюблены?

Бальзаминовъ.

Въ четвергъ послѣ обѣда, на прошлой недѣлѣ.

Раиса.

Такъ это недавно! Лукьянъ Лукьянычъ любитъ Анфису полтора года.

Бальзаминовъ.

И я могу-съ... даже больше.

Раиса.

Ну это еще неизвѣстно. Можетъ-быть вы непостоянный кавалеръ?

Бальзаминовъ.

Я считаю это въ мужчинахъ за низкость-съ.

Раиса.

Коли вы влюблены, отчего же вы мнѣ письмà не написали? Влюбленные всегда пишутъ письма.

Бальзаминовъ.

Я не смѣлъ-съ. А ежели вы такъ снисходительны, то я первымъ долгомъ почту написать вамъ даже нынче. А вы мнѣ напишите на отвѣтъ-съ?

Раиса.

Отчего же не написать.

Бальзаминовъ.

А ежели бѣжать-съ, — вы согласны будете?

Раиса.

Ужь это очень скоро.

Бальзаминовъ *(становится на колѣни).*

Сдѣлайте такое одолженіе-съ! Лукьянъ Лукьянычъ тоже хотятъ увезти вашу сестрицу, такъ ужь и я-съ, чтобы вмѣстѣ-съ...

Раиса.

Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну увидитъ кто-нибудь? Вонъ Химка бѣжитъ. *(Бальзаминовъ встаетъ. Вбѣгаетъ Химка).*

Химка *(подаетъ Бальзаминову письмо).*

Вотъ письмо, вотъ письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, всѣ проснулись! *(Убѣгаетъ).*

Раиса.

Ахъ, какъ же быть! Куда же мнѣ васъ дѣть? Черезъ дворъ теперь нельзя.

Бальзаминовъ *(оглядывается по сторонамъ и подпрыгиваетъ).*

Что же я-съ? Какже я-съ? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса.

Развѣ черезъ заборъ? Вы умѣете?

Бальзаминовъ.

Разъ, два, три-съ... разъ, два, три—и тамъ-съ.

Раиса.

Такъ ступайте скорѣй!

Бальзаминовъ.

Сейчасъ-съ (*бѣжитъ за кустъ и лѣзетъ на заборъ налѣво*).

Раиса.

Не туда, не туда! Это въ чужой садъ. (*Бальзаминовъ не слушаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*На лѣвой сторонѣ*).

Бѣлотѣлова и Красавина (*выходятъ изъ бесѣдки и останавливаются на ступеняхъ*).

Бѣлотѣлова.

Ты говоришь, что разбойники на ходуляхъ ходятъ? Можетъ-быть это колоколъ льютъ.

Красавина.

Ужь это такъ точно, повѣрь моему слову! Вотъ видишь заборъ. Такъ выше этого забора у нихъ ходули. (*Бальзаминовъ показывается на заборѣ*).

Бѣлотѣлова.

Ахъ! Вотъ они. (*Убѣгаетъ въ бесѣдку. Сваха отъ испуга садится на ступенькѣ*).

Бальзаминовъ (*спрыгнувъ съ забора*).

А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса.

Что съ вами?

Бальзаминовъ.

Въ крапиву-съ.

Раиса.

Ну прощайте! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Красавина и Бальзаминовъ.

Красавина.

Ахъ ты, батюшки мои, какъ перепугалъ окаянный! Все сердце оторвалось. Чтобъ тебѣ пусто было! (*Бальзаминовъ выходитъ изъ-за куста*). Ишь тебя, гдѣ луканька-то (*) носитъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же это я? Вотъ и ты здѣсь!

Красавина.

Я-то здѣсь; ты-то какъ попалъ?

Бальзаминовъ

Я оттуда...

Красавина.

Видно хорошо приняли, да можетъ и угостили чѣмъ-нибудь? Шенпанскимъ что ли, чѣмъ ворота запираютъ! Аль собаками травили?

Бальзаминовъ.

Ты меня выведи какъ-нибудь отсюда.

Красавина.

Тебя-то? Скажи ты мнѣ, варваръ, что ты съ нами сдѣлалъ? Мы дамы тучныя, долго ли до грѣха! Оборвется сердце—и конецъ. Нѣтъ, мы тебѣ руки свяжемъ, да въ часть теперича.

Бальзаминовъ.

Да за что же?

(*) Уменьшительное отъ «лукавый», простонародное слово.

Красавина.

А зато, что не лазій по заборамъ! Развѣ показано по заборамъ: ворамъ дорогу указывать? Ты у меня какъ хозяйку-то испугалъ, а? Какъ? Такъ что теперь неизвѣстно, жива ли она тамъ въ бесѣдкѣ-то! Вотъ что, другъ ты мой!

Бальзаминовъ.

Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человѣкъ!

Красавина.

Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, какъ тебя счесть? За вора?

Бальзаминовъ.

Да какой же я воръ?

Красавина.

А за что за другое,—такъ тебѣ же хуже будетъ. Она честнымъ манеромъ вдовѣетъ пятой годъ, теперь замужъ идти хочетъ, и вдругъ черезъ тебя такая мараль пойдетъ. Она по всѣмъ правамъ на тебя прошеніе за свое безчестье подастъ. Что тебѣ за это будетъ? Знаешь ли ты? А ужь ты лучше: для облегченія себя, скажи, что воровать пришолъ. Я тебѣ по дружбѣ совѣтую.

Бальзаминовъ.

Ахъ, Боже мой! Да какже это, срамъ какой! Акулина Гавриловна, сдѣлай милость, выпусти какъ-нибудь!

Красавина.

Теперь «сдѣлай милость», а давеча такъ изъ дому гнать! Ты теперь весь въ моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу — прощу, захочу — подъ уголовную подведу. Засудятъ тебя и зашлютъ, куда Макаръ телятъ не гонялъ.

Бальзаминовъ.

Долго-ль меня напугать? я человѣкъ робкій. Ужь я тебѣ все, что ты хочешь, только ты не пугай меня.

Красавина *(встаетъ)*.

Ну вотъ что: двѣ тысячи цѣлковыхъ.

Бальзаминовъ.

Гдѣ же я возьму?

Красавина.

Ужь это не твое дѣло. Будутъ. Только ужь ты изъ подъ моей власти ни на шагъ. Что прикажу, то и дѣлай! Какъ только хозяйка выдетъ: говори, что влюбленъ. *(Показывая на заборъ)*. Тамъ тебѣ нечего взять, я вѣдь знаю; а здѣсь дѣло-то скорѣй выгоритъ, да и денегъ-то впятеро противъ тѣхъ.

Бальзаминовъ.

Что же это такое? Я умру. Въ одинъ день столько перемѣнъ со мной! Это съ ума сойдешь! Я тебя золотомъ осыплю.

Красавина.

Завтра приду къ тебѣ, условіе напишемъ; а теперь говори одно, что влюбленъ. (*Заглядываетъ въ бесѣдку*). Домна Евстигневна! выходи, ничего! (*Бѣлотѣлова выходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бальзаминовъ, Красавина и Бѣлотѣлова.

Бѣлотѣлова.

Какъ я испугалась, думала умру.

Красавина.

Ты-бъ выпила чего-нибудь покрѣпче! Отъ испугу это хорошо.

Бѣлотѣлова.

Я выпила.

Красавина.

Ну и ничего, и пройдетъ. Ты не бойся, это знакомый, онъ по ошибкѣ. (*Беретъ Бальзаминова за руку и хочетъ подвести къ Бѣлотѣловой*).

Бальзаминовъ *(тихо)*.

Ужь оченно онѣ полны.

Красавина.

Ты еще разговаривать сталъ! (*Подводитъ*). Вотъ тебѣ Михайло Дмитричъ Бальзаминовъ. (*Бальзаминову*): Цѣлуй ручку! (*Бальзаминовъ цѣлуетъ*).

Бѣлотѣлова.

Зачѣмъ же вы?

Бальзаминовъ.

Влюбленъ-съ.

Красавина.

Ну да, влюбленъ. Такъ точно. Это онъ вѣрно говоритъ. Вотъ и потолкуйте, а я по саду погуляю (*уходитъ за кусты*).

Бѣлотѣлова.

Лучше сядемъ. (*Садятся на скамейку*). Какъ же это вы?

Бальзаминовъ.

Черезъ заборъ-съ.

Бѣлотѣлова.

Отчего черезъ заборъ?

Бальзаминовъ.

Отъ любви-съ. Вы не сердитесь на меня-съ?

Бѣлотѣлова.

Нѣтъ, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что дѣлаете?

Бальзаминовъ.

Я? ничего-съ.

Бѣлотѣлова.

И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе.

Бальзаминовъ.

Какъ же можно-съ, гораздо веселѣе!

Бѣлотѣлова (*кладетъ руку на плечо Бальзаминову*).

Вы хотите вмѣстѣ?

Бальзаминовъ.

Даже за счастіе почту-съ.

Бѣлотѣлова.

Я очень добрая, я всему вѣрю; такъ ужь вы меня не обманите.

Бальзаминовъ.

Какъ же это можно-съ! Я за низкость считаю обманывать.

Бѣлотѣлова.

Ну, хорошо! Вы меня любите, и я васъ буду...

Бальзаминовъ.

Покорнѣйше благодарю-съ. Пожалуйте ручку поцѣловать!

Бѣлотѣлова.

Нате! (*даетъ руку*). А то подвиньтесь поближе: я васъ такъ...

(*Бальзаминовъ подвигается, она его цѣлуетъ. Сваха выходитъ изъ за кустовъ*).

Красавина.

Ну вотъ и прекрасно! Значитъ дѣлу конецъ!

Бѣлотѣлова *(встаетъ).*

Пойдемте въ бесѣдку.

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Мнѣ бы домой-съ.

Красавина.

Мы лучше его отпустимъ. Ты ступай! Поцѣлуй ручку и ступай! Такъ прямо, изъ калитки въ ворота, никто тебя не тронетъ.

Бальзаминовъ *(цѣлуетъ руку у Бѣлотѣловой).*

Прощайте-съ.

Бѣлотѣлова.

До свиданія.

Красавина.

До завтра, до завтра. (*Бальзаминовъ уходитъ*). А мы вотъ съ тобой потолкуемъ. Ну какъ тебѣ?

Бѣлотѣлова.

Онъ мнѣ понравился. Ты мнѣ его!

Красавина.

Ну его, такъ его. Все это въ нашихъ рукахъ. Вотъ у насъ теперь и пированье пойдетъ, — дымъ коромысломъ. А тамъ и вовсе свадьба.

Бѣлотѣлова.

Свадьба долго; а онъ чтобъ и прежде каждый день... ко мнѣ...

Красавина.

Стоитъ объ этомъ толковать. Чтожъ ему дѣлать-то! Такъ же бѣгаетъ. А ужь теперь пущай тутъ съ утра до ночи.

Бѣлотѣлова *(смѣется).*

Вотъ мнѣ теперь гораздо веселѣй.

Красавина (*смѣется*).

Ахъ ты, красавица моя писаная! Ишь ты развеселилась! Вотъ я тебя чѣмъ утѣшила. Еще ты погоди, какое у насъ веселье будетъ! (*Смѣются обѣ*). Пойдемъ въ бесѣдку, я тебя проздравлю какъ слѣдуетъ.

(*Уходятъ*).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

ЛИЦА:

БАЛЬЗАМИНОВА.
БАЛЬЗАМИНОВЪ.
ЧЕБАКОВЪ.
КРАСАВИНА.
МАТРЕНА.

(*Комната у Бальзаминовыхъ та же, что въ первой картинѣ*).

ЯВЛЕНІЕ I.

Бальзаминова (*одна*).

Ахъ, какъ я долго проспала! Ужь смеркается. Въ головѣ такъ тяжело, и сны все такіе снились страшные. Все Мишу воснѣ видѣла. Ужь разумѣется о чемъ думаешь, то и воснѣ видишь. Гдѣ-то онъ теперь? А что-нибудь либо дѣлается съ нимъ, либо сдѣлается необыкновенное. Сна-то никакъ не распутаю; ужь очень много видѣла-то я. Чего-чего не было! Я отроду такихъ сновъ не видала. Вотъ кабы умнаго человѣка найти, сейчасъ бы и посовѣтовалась, а одной не разобрать. Вотъ развѣ какъ вдвоемъ съ Матреной не разберемъ ли. Умъ хорошо, говорятъ, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсѣмъ; пожалуй-что въ снахъ-то понятія-то большого не имѣетъ. Вѣдь простой человѣкъ спитъ крѣпко, а если что и видитъ, такъ ему все равно, у него на это понятія нѣтъ. Матрена!

(*Входитъ Матрена*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Бальзаминова и Матрена.

Бальзаминова.

Ты, Матрена, умѣешь сны разбирать?

Матрена.

Да что ихъ разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова.

Конечно не всякій сонъ къ чему-нибудь; бываютъ сны и пустые, такъ, къ погодѣ. А вотъ ты замѣть, коли чему быть, такъ непремѣнно прежде сонъ увидишь.

Матрена.

Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова.

Разные перевороты могутъ быть съ человѣкомъ: одинъ изъ богатства въ бѣдность приходитъ, а другой изъ бѣдности въ богатство.

Матрена.

Не видать что-то этихъ переворотовъ-то: богатый богатымъ такъ и живетъ, а бѣдный, какъ ни переворачивай его, все бѣдный.

Бальзаминова.

Какъ ты глупо разсуждаешь! Развѣ не бываетъ, что на дорогѣ находятъ значительныя суммы? Ну вотъ Миша жениться можетъ на богатой: вотъ богатъ и будетъ.

Матрена.

Оно точно, что говорить! Чѣмъ чортъ не шутитъ! Только ужь на рѣдкость это дѣло будетъ, какъ нашъ да на богатой женится!

Бальзаминова.

Разумѣется на рѣдкость. А все-таки можетъ случиться; такія ли еще дѣла бываютъ.

Матрена.

Что говорить! Всяко случается. На грѣхъ-то, говорятъ, и изъ палки выстрѣлишь.

Бальзаминова.

Ну вотъ видишь ли! Значитъ, чтожъ мудренаго, что Миша женится на богатой? Вотъ въ этакомъ-то случаѣ сонъ-то и много значитъ, когда ждешь-то чего-нибудь. Такой ужъ я, Матрена, сонъ видѣла, такой странный, что и не знаю чему приписать! Вижу: будто я на гуляньи что ли, только народу, народу, видимо-невидимо...

Матрена.

Это къ снѣгу говорятъ.

Бальзаминова.

Къ какому же снѣгу! Что ты, въ умѣ ли! Въ августѣ-то мѣсяцѣ!

Матрена

Ну такъ къ дождю.

Бальзаминова.

Да и не къ дождю.

Матрена.

Ну, а коли не къ дождю, ужъ я больше не умѣю сказать, къ чему это.

Бальзаминова.

Не умѣешь, такъ и молчи, а то ты только перебиваешь. Я ужъ и такъ половину перезабыла; ужъ очень много со мной во снѣ приключеніевъ-то было. Только тутъ ли, послѣ ли, вдругъ я вижу корабль. Или нѣтъ, корабль послѣ.

Матрена.

Уплыветъ что-нибудь.

Бальзаминова.

Погоди! Сначала я вижу мостъ, и на мосту сидятъ все бабы съ грибами и съ ягодами...

Матрена.

Мостъ — это съ квартиры съѣзжать на другую.

Бальзаминова.

Постой, не перебивай ты меня! Только за мостомъ— вотъ чудеса-то!—будто Китай. И Китай этотъ не земля, не городъ, а будто домъ такой хорошій и написано на немъ: «Китай». Только изъ этого Китая выходятъ не китайцы и не китайки, а выходитъ Миша и говоритъ: «маменька, подите сюда, въ Китай!» Вотъ будто я сбираюсь къ нему идти, а народъ сзади меня кричитъ: «не ходи къ нему, онъ обманываетъ: Китай не тамъ, Китай на нашей сторонѣ». Я обернулась назадъ, вижу, что Китай на нашей сторонѣ, точно такой же, да еще не одинъ. А Миша будто такой веселый, пляшетъ и поетъ: «я поѣду во Китай-городъ гулять!»

Матрена.

Ну ужь это, вотъ рѣжь ты меня сейчасъ на части,— низачто не пойму, къ чему приписать.

Бальзаминова.

Гдѣ тутъ понять! Да это что! Много я еще чудесъ-то видѣла; и все-то Миша въ глазахъ, все-то Миша.

Матрена.

Все сокрушаешься объ немъ, объ его маломъ разумѣ, вотъ и видишь.

Бальзаминова.

То онъ пляшетъ, то догоняетъ кого-то, то за нимъ кто-то гонится. То пропадетъ куда-то, то вдругъ явится.

Матрена.

Да это и на яву все такъ же: то пропадетъ, то явится. Вотъ давеча пропалъ, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его въ судѣ за дѣло за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавалъ.

Бальзаминова.

Какое ужь ему дѣло давать, по его ли разуму?

Матрена.

Да вотъ онъ, на поминѣ-то легокъ.

(*Входитъ Бальзаминовъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Бальзаминовъ.

Бальзаминовъ (*садится*).

Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова.

Значитъ, благополучно.

Бальзаминовъ.

Еще какъ благополучно-то! Такъ, маменька, что я думаю, что не переживу отъ радости. Теперь, маменька, и дрожки бѣговыя, и лошадь сѣрая, и все... Ухъ, усталъ!

Бальзаминова.

А какой я безъ тебя сонъ видѣла!

Бальзаминовъ.

Что сонъ! Со мной на яву то было, что никому ни въ жизнь не приснится. У своей былъ... и у той былъ, что

сваха-то говорила, у Бѣлотѣловой, я фамилію на воротахъ прочелъ, какъ выходилъ оттуда; а туда черезъ заборъ...

Матрена.

Ишь ты, нелегкая-то тебя носитъ!

Бальзаминовъ.

Молчи ты! Ты еще не знаешь, съ кѣмъ ты теперь говоришь! Маменька, вотъ онѣ, мечты-то мои! Анъ вотъ правда выходитъ. Ухъ, духъ не переведу!

Бальзаминова.

Что, богато она живетъ?

Бальзаминовъ.

Богато. Домъ, лошади, садъ, деньги, все...

Бальзаминова.

Значитъ правду сваха-то говорила, что денегъ счету нѣтъ?

Бальзаминовъ.

Правду.

Бальзаминова.

Ну чтожъ ты?

Бальзаминовъ.

Женюсь.

Бальзаминова.

На комъ?

Бальзаминовъ.

На обѣихъ.

Матрена.

Что ты, татаринъ что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова.

Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, такъ ужь

себя не помнишь! Говоришь такія слова, что ниначто не похоже.

Бальзаминовъ.

Погодите, постойте! А то я помѣшаюсь въ мысляхъ. Этакое счастье, и вдругъ, въ одинъ день...

Матрена.

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ!

Бальзаминовъ.

Да замолчи ты! Я, маменька, себѣ человѣка найму, камердинера; а Матрену прочь... за грубость.

Матрена.

И давно бы ты нанялъ. (*Уходитъ*).

Бальзаминова.

Ну, а эта, какъ ее, Пѣженова что ли? У нея сколько?

Бальзаминовъ.

Полтораста тысячъ.

Бальзаминова.

У этой много поменьше, чѣмъ у той.

Бальзаминовъ.

За то эта, маменька, помоложе, а та постарше,—ну такъ у ней побольше.

Бальзаминова.

И согласна она за тебя замужъ идти, Пѣженова-то?

Бальзаминовъ.

Обѣ согласны. Только одна, чтобъ увезти; а другая такъ дома. Не отдохну никакъ.

Бальзаминова.

Ну какъ же ты?

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька, погодите! Вотъ онъ садъ-то я нынче воснѣ-то видѣлъ! Я въ двухъ садахъ былъ.

Бальзаминова.

А я, Миша, Китай видѣла. Ужь не знаю къ чему?

Бальзаминовъ.

У Бѣлотѣловой лавка въ Китай-городѣ, вотъ и весь вашъ сонъ.

Бальзаминова.

И то правда.

Бальзаминовъ *(быстро встаетъ).*

Чтоже это такое! Боже мой! Представьте, маменька....

Бальзаминова.

Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминовъ.

Ахъ, маменька, не мѣшайте! Представьте, маменька, я бѣдный молодой человѣкъ, хожу себѣ по улицѣ, и вдругъ чтоже? И вдругъ теперь поѣду въ коляскѣ! И знаете, что мнѣ въ голову пришло? Можетъ-быть за Пѣженовой садъ отдадутъ въ приданое: тогда можно будетъ заборъ-то разгородить, сады-то у нихъ рядомъ, и сдѣлать одинъ садъ. Разныхъ бесѣдокъ и алей...

Бальзаминова.

Да ты никакъ въ самомъ дѣлѣ на обѣихъ хочешь жениться?

Бальзаминовъ.

Вотъ вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Чтожъ такое! я этимъ никому вреда не дѣлаю. Коли нельзя жениться на обѣихъ, я бы хоть помечталъ по крайней мѣрѣ, а вы меня разстроили.

Бальзаминова.

Ну мечтай, Богъ съ тобой!

Бальзаминовъ *(задумывается. Молчаніе).*

Нѣтъ, маменька, самъ чувствую, что начинаетъ все путаться въ головѣ, такъ даже страшно дѣлается. Плановъ-то много, а обдумать не могу. Сейчасъ я думалъ объ домѣ, ну и представился мнѣ въ умѣ домъ, большой, каменной, и львы на воротахъ; только левъ будто и разѣваетъ ротъ, каменный-то, да и залаялъ, а я объ этомъ и думать не хотѣлъ, обо львѣ-то. Хочу его изъ головы-то выкинуть, никакъ нейдетъ. А отчего это? Оттого что я не привыкъ думать, какъ богатые люди думаютъ; все думалъ такъ, какъ бѣдные думаютъ; вотъ оно теперь богатство-то въ головѣ и не помѣщается. А вотъ привыкну, такъ ничего.

Бальзаминова.

Что́ мудренаго, что не помѣщается! Этакая пропасть! Иной разъ и о пустякахъ думаешь, да умъ за разумъ заходитъ; а тутъ, съ такими деньгами, — просто бѣда!

Бальзаминовъ *(задумавшись).*

Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будетъ тамъ и голубей держать...

Бальзаминова.

Оставь, Миша! Не думай, хуже будетъ!

Бальзаминовъ.

Само думается, маменька. Правду говорятъ, маменька, что съ состояніемъ-то много заботы бываетъ.

Бальзаминова.

А ты давай-ка лучше поговоримъ объ чемъ-нибудь

другомъ! А то сохрани Господи, долго ли до грѣха, пожалуй совсѣмъ свихнешься.

Бальзаминовъ.

Извольте, маменька! Другой бы сынъ, получивши такое богатство-то, съ матерью и говорить не захотѣлъ; а я, маменька, съ вами объ чемъ угодно, я гордости не имѣю противъ васъ. Нужды нѣтъ, что я богатъ, а я къ вамъ съ почтеніемъ. И пусть всѣ это знаютъ. Съ другими я разговаривать не стану, а съ вами завсегда. Вотъ я какой! (*Садится*).

Бальзаминова.

Еще бы! А которая лучше лицомъ-то изъ нихъ?

Бальзаминовъ.

Мнѣ, маменька, всѣ богатыя невѣсты красавицами кажутся; я ужь тутъ лица никакъ не разберу.

Бальзаминова.

Чтоже ты мнѣ не разскажешь, какъ у васъ дѣло-то было?

Бальзаминовъ.

До того ли мнѣ, маменька, помилуйте! Вотъ Красавина придетъ, разскажетъ. (*Задумывается*). У меня теперь въ головѣ, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда, чтобы къ лицу.

Бальзаминова.

Брось, Миша, брось, не думай! Право я боюсь, что ты съ ума сойдешь. Да чтоже это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Ишь какъ смерклось. Пойду: велю огня зажечь.

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька! Не нужно огня, въ потемкахъ лучше.

Бальзаминова.

Ну, что хорошаго въ потьмахъ сидѣть?

Бальзаминовъ.

Въ потьмахъ, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огнѣ, только надобно зажмуриться, а въ потемкахъ можно и такъ, съ открытыми глазами. Я теперь могу себя представить какъ угодно. И въ залѣ могу себя представить въ отличной, и въ каретѣ, и въ саду; а принесите вы свѣчку, — я сейчасъ увижу, что я въ самой бѣдной комнатѣ, мебель скверная, ну и все пропало. Да и на себя-то взгляну, — совсѣмъ не тотъ, какой я въ мечтахъ-то.

Бальзаминова.

Какой же ты?

Бальзаминовъ.

Въ мечтахъ я себя представляю, маменька, что я высокаго роста, полный и брюнетъ.

Бальзаминова.

Разумѣется лучше.

Бальзаминовъ.

Вотъ смотрите, маменька; вотъ я вамъ буду сказывать, что мнѣ представляется. Вотъ будто я сижу въ залѣ у окошка, въ бархатномъ халатѣ; вдругъ подходитъ жена...

Бальзаминова.

Ну, а потомъ чтожъ?

Бальзаминовъ.

«Поѣдемъ, говоритъ, душенька на гулянье!»

Бальзаминова.

Отчегожъ не ѣхать, коли погода хорошая?

Бальзаминовъ.

Отличная, маменька, погода. Я говорю: «поди, душенька, одѣваться, и я сейчасъ одѣнусь». — Человѣкъ! — Приходитъ человѣкъ. «Одѣваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащъ на бархатной подкладкѣ!» Вотъ не нравится мнѣ, маменька, у него улыбка-то какая противная. Какъ точно онъ смѣется надо мной.

Бальзаминова.

Ужь съ этимъ народомъ бѣда!

Бальзаминовъ.

Вотъ и грубитъ. Ну я этого прогоню, я себѣ другого возьму (*что-то шепчетъ про себя*).

Бальзаминова.

Чтожъ ты замолчалъ?

Бальзаминовъ.

Это мы, маменька, съ женой разговариваемъ и цѣлуемся. Вотъ, маменька, садимся мы съ женой въ коляску, я взялъ съ собой денегъ пятьдесятъ тысячъ.

Бальзаминова.

Зачѣмъ такъ много?

Бальзаминовъ.

Какъ знать, можетъ-быть понадобятся!

Бальзаминова.

Ты бы лучше дома оставилъ.

Бальзаминова.

Еще украдутъ, пожалуй. Вотъ ѣдемъ мы дорогой, всѣ намъ кланяются. Прiѣзжаемъ въ Эрмитажъ, и тамъ всѣ кланяются; я держу себя гордо. (*Въ испугѣ вскакиваетъ и ходитъ въ волненiи*). Вотъ гадость-то! Вѣдь

деньги-то у меня, пятьдесятъ-то тысячъ, которыя я взялъ, пропали.

Бальзаминова.

Какъ пропали?

Бальзаминовъ.

Такъ и пропали. Должно быть вытащилъ кто-нибудь.

Бальзаминова.

А ты не бери съ собой!

Бальзаминовъ.

Въ самомъ дѣлѣ не возьму. Все равно и дома украдутъ. Кудажъ бы ихъ дѣть? Въ саду спрятать, въ бесѣдкѣ подъ диванъ? Найдутъ. Отдать кому-нибудь на сбереженіе, пока мы на гулянье-то ѣздимъ? пожалуй зажилитъ, — не отдастъ послѣ. Нѣтъ лучше объ деньгахъ не думать, а то безпокойно очень; объ чемъ ни задумаешь, все онѣ мѣшаютъ. Такъ я безъ денегъ будто гуляю.

Бальзаминова.

Гораздо покойнѣе.

Бальзаминовъ.

Вотъ, маменька, выхожу я изъ саду, жандармъ кричитъ: «каляску Бальзаминову!» (*Входитъ Чебаковъ*). А я будто, маменька, генералъ...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, Бальзаминовъ, это вы-то генералъ?

Бальзаминова.

Ахъ, батюшка, извините! Мы и не видали, какъ вы вошли.

Бальзаминовъ.

Ахъ, я и не зналъ, что вы здѣсь-съ. Я такъ, по домашнему, съ маменькой-съ... а то я при васъ бы не сталъ такихъ глупостей говорить-съ! Впрочемъ чтожъ такое, въ сумеркахъ отчего же и не заняться иногда, не помечтать-съ?

Чебаковъ.

Ужь вы бы лучше объ чемъ-нибудь другомъ, а не объ генеральствѣ.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, отчего же въ сумеркахъ-съ...

Чебаковъ.

Да и въ сумеркахъ нельзя. Нѣтъ, вы бросьте это занятіе!

Бальзаминова.

Чтоже это мы въ потемкахъ-то сидимъ! Извините, батюшка! я сейчасъ пойду огня принесу.

Чебаковъ.

Послушайте, не безпокойтесь, мы и такъ другъ друга знаемъ.

Бальзаминова.

Все-таки лучше, пристойнѣе (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Бальзаминовъ и Чебаковъ.

Чебаковъ.

Послушайте, ваше превосходительство, намъ надо будетъ отправиться.

Бальзаминовъ.

Куда же-съ?

Чебаковъ.

Все туда же. Насъ тамъ ждутъ.

Бальзаминовъ.

Зачѣмъ же это онѣ насъ ждутъ-съ? Вѣдь я вамъ письмо принесъ; а завтра можно опять-съ.

Чебаковъ.

Вотъ въ письмѣ-то и написано, чтобъ мы приходили сегодня.

Бальзаминовъ.

И я-съ?

Чебаковъ.

И вы.

Бальзаминовъ.

Что же мы тамъ дѣлать будемъ-съ?

Чебаковъ.

Вамъ хочется знать? Ну ужь этого я вамъ не скажу. Вотъ пойдемте, такъ сами увидите.

Бальзаминовъ.

А я-то чтожъ буду дѣлать-съ? Вѣдь ужь я теперь въ любви объяснился, ужь послѣ этого что̀ мнѣ дѣлать, я не знаю-съ.

Чебаковъ.

Я васъ научу.

Бальзаминовъ.

Вотъ вы давеча говорили — увезти, а я васъ, Лукьянъ Лукьянычъ, и забылъ спросить: куда же это ихъ увозятъ-съ?

Чебаковъ.

Куда хотите.

Бальзаминовъ.

А на чемъ же я увезу-съ?

Чебаковъ.

Послушайте, я васъ этому всему научу, только пойдемте.

Бальзаминовъ.

Я сейчасъ-съ (*беретъ фуражку*).

(*Входитъ Бальзаминова*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже и Бальзаминова.

Бальзаминова.

Куда же это ты, Миша?

Бальзаминовъ.

Къ Пѣженовымъ-съ.

Бальзаминова.

Развѣ ужь ты рѣшился?

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, маменька, какъ можно рѣшиться! Да вотъ Лукьянъ Лукьянычъ говоритъ, что надо идти.

Чебаковъ.

Послушайте, разумѣется надо.

Бальзаминовъ.

Вотъ видите, маменька! А рѣшиться, я не рѣшился-съ. Потому, извольте разсудить, маменька, дѣло-то какое выходитъ: ежели я рѣшусь жениться на одной-съ, вѣдь я другую долженъ упустить. На которой ни рѣшись — все другую долженъ упустить. А вѣдь эта какая жалость-то! Отказаться отъ невѣсты съ такимъ состояніемъ! Да еще самому отказаться-то.

Чебаковъ.

Послушайте, вы скоро?

Бальзаминовъ.

Сейчасъ-съ.

Бальзаминова.

Такъ зачѣмъ же ты идешь?

Бальзаминовъ.

Ну ужъ, маменька, что будетъ, то будетъ, а мнѣ отъ своего счастія бѣгать нельзя. Все сдѣлано отлично, такъ чтобъ теперь не испортить. Прощайте.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Бальзаминова и потомъ Матрена.

Бальзаминова.

Такія мудреныя дѣла дѣлаются, что и не разберешь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Такъ нужно, такъ нужно, что кажется готова послѣднее отдать, только бы поговорить съ ней. Что безъ ворожеи сдѣлаешь? И будешь ходить какъ въ потьмахъ. Почемъ мы знаемъ съ Мишей, которую теперь невѣсту выбрать? Почемъ мы знаемъ, гдѣ Мишу счастье ожидаетъ въ будущемъ? Съ одной можетъ-быть счастье, а съ другой — несчастье; опять же и домъ: иной счастливъ, а другой нѣтъ; въ одномъ все ко двору, а въ другомъ ничего не держится. А какой — намъ неизвѣстно. Какъ же это такъ наобумъ рѣшиться! Солидные-то люди, которые себѣ добра-то желаютъ, за всякой малостью ѣздятъ къ Ивану Яковличу, въ сумашедшій домъ, спрашиваться; а мы такое важное дѣло да безъ совѣта сдѣлаемъ! Ужь что не порядокъ, такъ не поря-

докъ. Нѣтъ ли тутъ поблизости хоть какой-нибудь дешовенькой? Она хоть и не такъ явственно скажетъ, какъ дорогая ворожея, а все-таки что-нибудь понять можно будетъ. Матрена! *(Входитъ Матрена)*. Нѣтъ ли у насъ тутъ гдѣ, недалеко, ворожеи какой-нибудь?

Матрена.

Какой ворожеи?

Бальзаминова.

Гадалки какой-нибудь.

Матрена.

Вамъ про что спрашивать-то?

Бальзаминова.

Объ жизни, объ счастьѣ, обо всемъ.

Матрена.

Такихъ нѣтъ здѣсь.

Бальзаминова.

А какія же есть?

Матрена.

Вотъ тутъ есть одна: объ пропажѣ гадаетъ. Коли что̀ пропадетъ у кого, такъ сказываетъ. Да и то по именамъ не называетъ, а больше все обинякомъ. Спросятъ у нея: «кто, молъ, укралъ?» А она поворожитъ да и скажетъ: «думай, говоритъ, на чернаго, или на рябаго.» Больше отъ нея и словъ нѣтъ. Да и то, говорятъ, отъ старости что ли, все вретъ больше.

Бальзаминова.

Ну, мнѣ такой не надо.

Матрена.

А другой негдѣ взять.

Бальзаминова.

Вотъ какая у насъ сторона! Ужь самаго необходимаго, и то не скоро найдешь! На картахъ кто не гадаетъ ли, не слыхала ль ты?

Матрена.

Есть тутъ одна, гадаетъ, да ее тепереча увезли.

Бальзаминова.

Куда увезли?

Матрена.

Гадать увезли, далеко, верстъ за шестьдесятъ, говорятъ. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывалъ, который пріѣзжалъ-то, что барыня эта разстроилась съ бариномъ.

Бальзаминова.

Съ мужемъ?

Матрена.

Нѣтъ, оно выходитъ, что не съ мужемъ, а такъ у ней, посторонній. Такъ повезли гадать, когда помирятся. А больше тутъ никакихъ нѣтъ.

Бальзаминова.

Ты не знаешь, а то чай какъ не быть. Такая ты не занимательная женщина: ни къ чему у тебя любопытства нѣтъ.

Матрена.

А на что мнѣ? Мнѣ ворожить не объ чемъ: горъ золотыхъ я ни откуда не ожидаю. И безъ ворожбы какъ-нибудь вѣкъ-то проживу.

Бальзаминова.

Загадаю сама, какъ умѣю. *(Достаетъ карты и гадаетъ).* Вотъ что, Матрена: теперь гляди сваха зайдетъ, такъ поставь-ко закусочки какой-нибудь въ шкапъ. *(Матрена приноситъ закуску и уходитъ. Входитъ Бальзаминовъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Бальзаминовъ.

Бальзаминова.

Что̀ ты такъ скоро?

Бальзами́новъ *(садится).*

Конечно, маменька! Такимъ дуракомъ меня поставили, что легче бы кажется сквозь землю провалиться.

Бальзаминова.

Да какимъ же это манеромъ? Разскажи ты мнѣ.

Бальзаминовъ.

Очень просто. Приходимъ мы съ Лукьянъ Лукьянычемъ къ ихнему саду, гляжу—ужь и коляска тутъ стоитъ. Только Лукьянъ Лукьянычъ и говоритъ мнѣ: «ну, господинъ Бальзаминовъ, теперь наше дѣло къ концу подходитъ». — Та̀къ у меня мурашки по сердцу и пошли! — «Давайте, говоритъ, теперь за работу, заборъ разбирать.» Та̀къ я маменька, старался, даже вспотѣлъ! Вотъ мы три доски сняли, а тѣ ужъ тутъ дожидаются. Вотъ онъ старшую, Анфису, беретъ за руку: «садитесь, говоритъ, въ коляску.» Потомъ, маменька, начинаютъ всѣ цѣловаться: то сестры промежду себя поцѣлуются, то онъ, и ту поцѣлуетъ, и другую. Что̀ мнѣ тутъ дѣлать, маменька, сами посудите? Какъ будто мнѣ и неловко, и точно какъ завидно, и словно что̀ за сердце сосетъ... ужь я не знаю какъ вамъ сказать. Я сейчасъ въ ревность.

Бальзаминова.

Ты это нарочно?

Бальзаминовъ.

Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать

противъ нихъ. Я, маменька, хотѣлъ показать Раисѣ-то, что я въ нее влюбленъ. Я и говорю Лукьянъ Лукьянычу: «какое вы имѣете право цѣловать Раису Панфиловну?» Они какъ захохочутъ всѣ. Я, маменька, не обращаю на это вниманія и говорю Раисѣ Панфиловнѣ: «когда же, говорю, мы съ вами бѣжать будемъ?» А она, маменька, вообразите, говоритъ мнѣ: «съ чего вы это выдумали?» А сама цѣлуется съ сестрой и плачетъ. Потомъ Лукьянъ Лукьянычъ сѣли въ коляску съ Анфисой и уѣхали. А Раиса, маменька, прямёхонько мнѣ такъ и отпечатала: «подите вы отъ меня прочь, вы мнѣ надоѣли до смерти», да, подобравши свой кринолинъ, бѣгомъ домой. Что-жъ мнѣ дѣлать? я и воротился.

Бальзаминова.

Это оттого, Миша, что ты все отъ меня скрываешь, никогда со мной не посовѣтуешься. Разскажи ты мнѣ, какъ у васъ это дѣло было съ самаго начала.

Бальзаминовъ.

Порядокъ, маменька, обыкновенный. Узналъ я, что въ домѣ есть богатыя невѣсты, и началъ ходить мимо. Онѣ смотрятъ да улыбаются, а я изъ себя влюбленнаго представляю. Только одинъ разъ мы встрѣчаемся съ Лукьянъ Лукьянычемъ (я еще его не зналъ тогда), онъ и говоритъ: «за кѣмъ вы здѣсь волочитесь?» Я говорю: «я за старшей.» А и сказалъ-то такъ, наобумъ. Влюбитесь, говоритъ, въ младшую, лучше будетъ. Что-жъ, маменька, развѣ мнѣ не все равно?

Бальзаминова.

Разумѣется!

Бальзаминовъ.

Я и влюбился въ младшую. «Я, говоритъ, вамъ по-

могать буду, потомъ мы ихъ вмѣстѣ увеземъ». Я на него понадѣялся, а вотъ что вышло! Вотъ, маменька, какое мое счастье-то!

Бальзаминова.

Какъ же ты, Миша, не подумалъ, куда ты увезешь невѣсту и на чемъ? Вѣдь для этого деньги нужны.

Бальзаминовъ.

Я, маменька, на Лукьянъ Лукьяныча надѣялся.

Бальзаминова.

Очень ему нужно путаться въ чужія дѣла! Всякой самъ о себѣ хлопочетъ.

Бальзаминовъ.

А впрочемъ, маменька, коли правду сказать, я точно въ туманѣ былъ; мнѣ все казалось, что коли она меня полюбитъ и согласится бѣжать со мной, вдругъ сама собой явится коляска; я ее привезу въ домъ къ намъ...

Бальзаминова.

На эту квартиру-то?

Бальзаминовъ.

Вы не повѣрите, маменька, какъ бывало начну думать, что увожу ее, такъ мнѣ и представляется, что у насъ домъ свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова.

Жаль мнѣ тебя, Миша! Совсѣмъ еще ты дитя глупое.

Бальзаминовъ.

Ужь очень мнѣ, маменька, разбогатѣть-то хочется.

Бальзаминова.

Ничего-то ты въ жизни не сдѣлаешь!

Бальзаминовъ.

Отчего же, маменька?

Бальзаминова.

Оттого что не умѣешь ты ни за какое дѣло взяться. Все у тебя выходитъ не такъ, какъ у людей.

Бальзаминовъ.

Нѣтъ, маменька, не оттого что умѣнья нѣтъ, а оттого что счастья нѣтъ мнѣ ни въ чемъ. Будь счастье, такъ все бы было, — и коляска, и деньги. И съ другой невѣстой тоже будетъ: вотъ посмотрите. Придетъ сваха, да такую вѣсточку скажетъ, что на ногахъ не устоишь. *(Красавина входитъ).* Да вотъ она! Вотъ она! *(Бальзаминовъ и Бальзаминова встаютъ).*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Красавина.

Бальзаминова.

Чѣмъ, матушка, обрадуете? Мы тутъ безъ васъ завяли совсѣмъ.

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Погоди, не говори! я зажмурюсь, все легче будетъ.

Красавина.

Охъ, далеко я ѣхала, насилу доѣхала *(садится).*

Бальзаминова.

Откуда-жъ это, матушка?

Красавина.

Отсюда не видать.

Бальзаминовъ.

Погодите, маменька, погодите!

Красавина.

Ѣхала селами, городами, темными лѣсами, частыми кустами, быстрыми рѣками, крутыми берегами; горлышко пересохло, языкъ призамялся.

Бальзаминовъ.

Хлопочите, маменька! Хлопочите скорѣй! *(Бальзаминова достаетъ изъ шкапа водку и закуску, и ставитъ на столъ)*. Вотъ пей, да и говори, ужь что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливаетъ рюмку)*.

Кушайте на здоровье!

Красавина.

Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминовъ.

Ну, ну, поскорѣе! А то я умру сейчасъ, ужь у меня подъ сердце начинаетъ подступать.

Красавина.

Ишь ты какой скорой! Куда намъ торопиться-то! Надъ нами не каплетъ.

Бальзаминовъ.

Что-жъ она не говоритъ! Маменька, что она не говоритъ? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится)*.

Красавина.

Не умрешь! А и умрешь, такъ и опять встанешь *(беретъ рюмку)*. Ну, честь имѣю поздравить! *(Пьетъ)*.

Бальзаминова.

Съ чѣмъ, матушка, съ чѣмъ?

Красавина.

Какъ съ чѣмъ! А вотъ стрѣлецъ-то твой подстрѣлилъ лебедь бѣлую.

Бальзаминова.

Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминовъ.

Говорите что̀ хотите! я умеръ.

Красавина.

Много онъ маху давалъ, а теперь попалъ,—подъ самое подъ правое крылушко.

Бальзаминова.

Въ послѣднее-то время, знаете ли, много съ нами такихъ несчастныхъ оборотовъ было, такъ ужь мы стали очень сумнительны.

Красавина.

Да что̀ тутъ сумлѣваться-то! Хоть завтра же свадьба! Такъ онъ ей понравился, что говоритъ: «сейчасъ подавай его сюда!» Ну сейчасъ, говорю, нехорошо, а завтра я тебѣ его предоставлю. «А чтобъ онъ не сумлѣвался, такъ вотъ снеси ему, говоритъ, часы золотые!» Вотъ они! Отличные, послѣ мужа остались. Ну что, ожилъ теперь?

Бальзаминовъ *(вскакиваетъ)*.

Ожилъ! Ожилъ! Давай ихъ сюда! *(Беретъ часы)*. Что-жъ это, маменька, я васъ спрашиваю?

Бальзаминова.

Это тебѣ за долгое твое терпѣнье счастье выходитъ.

Красавина.

А ты помнишь нашъ уговоръ? Ты на радостяхъ-то не забудь!

Бальзаминовъ.

Ты просила двѣ?

Красавина.

Двѣ.

Бальзаминовъ.

Ну такъ вотъ ты знай же, какой я человѣкъ! Маменька, смотрите, какой я человѣкъ! Я тебѣ еще пятьдесятъ рублей прибавлю.

Красавина.

Ишь ты расщедрился! Ну да ужь нечего съ тобой дѣлать, и то деньги.

Бальзаминовъ.

Маменька, ужь вы теперь смотрите за мной какъ бы со мной чего не сдѣлалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгаетъ отъ радости)*. Я теперь точно новый человѣкъ сталъ. Маменька, я теперь не Бальзаминовъ, а кто-нибудь другой!

Красавина.

Давай, пляску сочинимъ на радости!

Бальзаминовъ.

Давай! А вы, маменька, говорили, что я сдѣлать ничего не умѣю! А ты говорила, что я дуракъ!

Красавина.

Я, братъ, и теперь отъ своихъ словъ не отступлюсь.

Бальзаминова.

А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говоритъ, что «муракамъ счастье». Ну, вотъ намъ счастье и вышло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ.

Бальзаминовъ.

Еще бы! Начто мнѣ теперь умъ? А давеча, маменька, обидно было, какъ денегъ-то нѣтъ, да и ума-то

нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно.

Красавина

А то вотъ еще есть пословица. Ты долго за невѣстами ходилъ?

Бальзаминовъ.

Долго.

Красавина.

А пословица-то говоритъ: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь».

Бальзаминова.

И то, матушка, правда.

Бальзаминовъ *(Красавиной).*

Ну, давай плясать! Становись! *(Сваха становится въ позу).*

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

СТАРЫЙ ДРУГЪ ЛУЧШЕ НОВЫХЪ ДВУХЪ.

КАРТИНА ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА, мѣщанка, хозяйка небольшаго деревяннаго дома.

ОЛИНЬКА, ея дочь, портниха, 20 лѣтъ.

ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА ГУЩИНА, жена чиновника.

ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ ВАСЮТИНЪ, титулярный совѣтникъ.

(Небольшая комната; направо окно на улицу, подлѣ окна столъ, на которомъ лежатъ разныя принадлежности шитья; прямо дверь; налѣво за перегородкой кровать).

ЯВЛЕНІЕ I.

Олинька *(сидитъ у стола, шьетъ и поетъ вполголоса):*

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна.
И сижу обнакновенно
Близъ камина у огня.

Ахъ, житье, житье! *(Вздыхаетъ)*. Надо опять къ Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прош-

лый разъ онъ мнѣ хорошо сказалъ. По его словамъ выходитъ, что чуть ли мнѣ не быть барыней. А вѣдь что-жъ мудренаго? нешто не бываетъ? На грѣхъ мастера нѣтъ. Прохоръ Гаврилычъ вѣдь обѣщалъ жениться, такъ можетъ и сдержитъ свое обѣщаніе. Хорошо бы было; доходы онъ получаетъ—большіе; можно бы тону задать. Вотъ только развѣ — семья-то у него, а то бы онъ женился, онъ на это простъ. Да вѣдь и всѣ они судейскіе-то такіе. Я прежде сама дивилась, какъ это они, при своихъ чинахъ, да на нашей сестрѣ женятся; а теперь, какъ поглядѣла на нихъ, такъ ничего нѣтъ удивительнаго. Тяжелые все, да лѣнивые, компанію такую водятъ, что имъ хорошихъ барышенъ видѣть негдѣ: ну, да и по жизни по своей они въ хорошемъ обществѣ быть не могутъ,—ему тяжело, онъ долженъ тамъ тяготиться. Ну, а съ нами-то ему ловко, за нимъ ухаживаютъ, а онъ и радъ. Ему безъ няньки одного дня не прожить,— ему и платокъ-то носовой въ карманъ положь, а то онъ забудетъ. Ходитъ только въ свой судъ, да денегъ носитъ, а ужь другимъ чѣмъ заняться ему лѣнь. Пристану-ко я къ Прохору Гаврилычу: «что-жъ, молъ, ты жениться обѣщалъ», разные ему резонты подведу, авось у насъ дѣло-то какъ нибудь и сладится. Ужь какъ я тогда одѣнусь! Вкусу-то мнѣ не занимать стать, — сама портниха. *(Поетъ):*

Я тиха, скромна, уединенна,
Цѣлый день сижу одна, и т. д.

(Татьяна Никоновна входитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Знаешь что, Олинька, я хочу тутъ къ окну-то зана-

вѣску повѣсить. Оно конечно красота небольшая, а все какъ будто лучше.

Олинька.

А я такъ думаю, что не къ чему.

Татьяна Никоновна.

А къ тому, что прохожіе все заглядываютъ.

Олинька.

Что-жъ, вы боитесь, что сглазятъ насъ съ вами?

Татьяна Никоновна.

Сглазить-то не́ сглазятъ, да ты-то все у меня повѣсничаешь.

Олинька.

Вотъ что! Скажите, пожалуйста.

Татьяна Никоновна.

Да, толкуй тутъ себѣ, а я все вижу.

Олинька.

Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будетъ послушать.

Татьяна Никоновна.

А ты бы вотъ меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтовъ найдешь. Ты только знай, что отъ меня ничего не скроется.

Олинька.

Тѣмъ для васъ больше чести: означаетъ, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна.

Да ужь конечно.

Олинька.

А коли вы проницательны, такъ, значитъ, вы знаете моихъ обожателевъ.

Татьяна Никоновна.

Разумѣется, знаю.

Олинька.

А вотъ ошиблись: у меня ихъ нѣтъ!

Татьяна Никоновна.

Ты мнѣ зубы-то не заговаривай.

Олинька

Ну скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна.

Екзаментъ, что ли, ты мнѣ хочешь дѣлать? Сказано, что знаю, вотъ ты и мотай себѣ теперь на усъ. Ты думаешь обмануть мать, — нѣтъ, шалишь: будь ты вдесятеро умнѣй, и то не обманешь.

Олинька.

Коли вы чувствуете себя, что вы такъ длинновидны, пускай это при васъ и останется.

Татьяна Никоновна.

Да-съ, длинновидны-съ; потому что вамъ довѣрія сдѣлать нельзя-съ.

Олинька.

Отчего вы такъ воображаете обо мнѣ, что мнѣ нельзя сдѣлать довѣрія?

Татьяна Никоновна.

Потому что всѣ вы баловницы, вотъ почему; а особенно которыя изъ магазина. Вотъ ты долго ли въ магазинѣ-то пожила, а прыти-то въ тебѣ сколько прибыло!

Олинька.

Когда вы такъ гнушаетесь магазиномъ, отдали бы меня въ пансіонъ.

Татьяна Никоновна.

Въ какой это пансіонъ? Изъ какихъ это доходовъ? Да я такъ думаю, что тебѣ это и не къ лицу, носъ коротокъ! Пожалуй, сказали бы: залетѣла ворона въ высоки хоромы.

Олинька.

Не хуже бы другихъ были, не безпокойтесь. Ну да ужь теперь тосковать объ этомъ поздно.

Татьяна Никоновна.

Да, вотъ, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка васъ спросить: какого вы это чиновника пріучили мимо оконъ шляться?

Олинька.

Никого я не пріучала, а и запретить, чтобы по нашей улицѣ не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушаетъ.

Татьяна Никоновна.

Что ты мнѣ толкуешь! И безъ тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вонъ что говорятъ: что, какъ онъ пройдетъ, ты накинешь что нибудь на плечи да и потреплешься за нимъ.

Олинька.

Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь.

Татьяна Никоновна.

А ты думала перехитрить всѣхъ? Нѣтъ ужь нынче никого не обманешь. Скажи ты мнѣ, сударыня, съ чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Олинька.

Какія шашни?

Татьяна Никоновна.

Да такія же. Ты у меня смотри, я вѣдь гляжу—гляжу, да примусь по своему.

Олинька.

Что же вы со мной сдѣлаете?

Татьяна Никоновна.

Убью до смерти.

Олинька.

Ужь будто и убьете?

Татьяна Никоновна.

Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свѣтѣ, чѣмъ страмить меня на старости лѣтъ.

Олинька.

Не убьете, пожалѣете.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, ужь пощады не жди. Да я и не знаю, что съ тобой сдѣлаю: такъ, кажется, пополамъ и разорву.

Олинька.

Вотъ страсти какія!

Татьяна Никоновна.

Ты меня не серди, я съ тобой не шутя говорю.

Олинька.

А я думала, что вы шутите.

Татьяна Никоновна.

Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

Олинька.

Такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ вы вѣрите нашимъ жильцамъ?

Татьяна Никоновна.

Какъ не вѣрить-то, когда всѣ говорятъ?

Олинька.

Вотъ прекрасно! Какъ же вы обо мнѣ понимаете, послѣ этого? Что же я такое по вашему? Всякій меня можетъ поманить съ улицы, а я такъ и пойду?

Татьяна Никоновна.

Нешто я тебѣ такими словами говорила?

Олинька.

Нѣтъ, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательнаго поведенія, зачѣмъ же вы живете со мной вмѣстѣ? Для чего вамъ себя страмить? Я себѣ вездѣ мѣсто найду, меня во всякой магазинъ съ радостью возьмутъ.

Татьяна Никоновна.

Что ты еще выдумываешь-то! Пущу я тебя въ магазинъ, какъ же!

Олинька.

Однако вы мнѣ столько обиднаго наговорили, что ни одна дѣвушка не можетъ перенесть этого.

Татьяна Никоновна.

Ты, видно, не любишь, когда тебѣ дѣло-то говорятъ.

Олинька.

Какое дѣло? Нешто вы сами видѣли? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тѣхъ поръ нечего вамъ толковать, да казни разныя придумывать.

Татьяна Никоновна.

То-то ужь я и вижу, что ты губы надула. Ну, извините-съ *(присѣдаетъ)*, что объ такой особѣ да смѣли подумать. Извините-съ! Пардонъ, мадмуазель!

Олинька.

Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потомъ и извиняетесь.

Татьяна Никоновна.

Больно ужь ты что-то обидчива стала! Ну да хорошо, изволь, больше не буду объ этомъ говорить. Теперь довольны вы?

Олинька.

Даже очень довольна-съ.

Татьяна Никоновна.

Только все-таки помни ты, что ежели я замѣчу...

Олинька.

Такъ убьете. Я ужь слышала.

Татьяна Никоновна.

Да, и убью.

Олинька.

Ну хорошо, такъ и будемъ ожидать. *(Взглянувъ въ окно)*: Ну, радуйтесь! Теперь вамъ новостей на недѣлю будетъ.

Татьяна Никоновна.

А что?

Олинька.

Пульхерья Андревна идетъ.

Татьяна Никоновна.

Это нашъ телеграфъ; намъ газетъ не нужно полу-

чать. А вѣдь и достается ей бѣдной за сплетни; ну да благо невзыскательна; поругаютъ, прогонятъ: она опять придетъ, какъ ни въ чемъ не бывала. Ужъ я сколько разъ гоняла, а вотъ все идетъ. *(Пульхерія Андревна входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

Пульхерія Андревна.

Здравствуйте, здравствуйте! Сейчасъ нашу трактирщицу встрѣтила, идетъ такая разряженная, платье новое. Я-таки довольно долго ей въ слѣдъ посмотрѣла. Къ чему, думаю, къ чему!... Мужъ-то, вонъ, ужь задолжалъ много, говорятъ. Ну, какъ поживаете? Иду мимо, думаю: какъ не зайти? ну, и зашла.

Татьяна Никоновна.

Садитесь! Что новенькаго?

Пульхерія Андревна.

Какія у насъ новости, въ нашей глуши! Съ тоски пропадешь; словечка перемолвить не съ кѣмъ.

Татьяна Никоновна.

Ужь вамъ еще новостей не знать, такъ кому же! Знакомство у васъ большое.

Пульхерія Андревна.

Да помилуйте, какое знакомство? Народъ все грубый, обращенія никакого не знаетъ; не то, чтобы что нибудь любопытное сказать, а наровятъ все, какъ бы тебя обидѣть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за ихъ обращеніе. Вотъ хотя бы сейчасъ; зашла я къ сосѣдямъ, они приданое шьютъ,

старшую дочь выдаютъ. Отдаютъ-то за лавочника, а приданое сдѣлали графское, ну смѣхъ да и только. Вотъ, говорю: «не родись уменъ, не родись пригожъ, а родись счастливъ; съ нечесаной-то бородой да какое приданое возьметъ». Такъ кабы вы посмотрѣли, какъ онѣ всѣ накинулись на меня, а особенно старуха,—она у нихъ пренасмѣшница и преругательница, да еще какую-то злобу къ нашему благородному сословію имѣетъ. Ужь чего-чего она не прибрала! Да все въ насмѣшку, словами непристойными, да все съ риѳмой. Я просто со стыда сгорѣла, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, какъ прилично благородной дамѣ. А если мнѣ позволить всякому наступить мнѣ на ногу, я должна буду тогда свое званіе уронить.

Татьяна Никоновна.

Ну, конечно, что за аказія ронять себя!

Пульхерія Андревна.

Я вамъ скажу, что во мнѣ гордости даже очень много. Я и въ порокъ этого себѣ не ставлю, потому что моя гордость благородная. Противъ себѣ равныхъ у меня нѣтъ гордости, а противъ такихъ людей, которые, при всемъ ихъ необразованіи, превозносятся своимъ богатствомъ, я всегда стараюсь показать, что я много выше ихъ.

Татьяна Никоновна.

Супругъ вашъ здоровъ ли?

Пульхерія Андревна.

Ахъ, помилуйте, что ему дѣлается! Деревянный человѣкъ, сами знаете, чувствъ не имѣетъ; значитъ, что же его можетъ тревожить въ жизни? Только толстѣетъ. Наградилъ Богъ муженькомъ, ужь нечего сказать!

Татьяна Никоновна.

Ну, вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у васъ добышникъ хорошій.

Пульхерія Андревна.

Оно такъ, Татьяна Никоновна, только онъ по характеру мнѣ совсѣмъ не пара; у меня характеръ легкій, увлекательный, а онъ сидитъ, точно бирюкъ, ни до чего ему дѣла нѣтъ. А все-таки мы живемъ не хуже людей. Возьмемте хоть сосѣдей: у Крутолобыхъ черезъ день драка. У Кумашниковыхъ въ недѣлю разъ, ужь это положеное.

Татьяна Никоновна.

Сохрани Господи!

Пульхерія Андревна.

У насъ хоть, по крайней мѣрѣ, этого нѣтъ. А у Чепчуговыхъ вчера исторія-то вышла: мнѣ кухарка ихъ сегодня на рынкѣ сказывала, — вотъ такъ ужь комедія!

Татьяна Никоновна.

Что же такое?

Пульхерія Андревна.

Сила-то, что ли, у ней не беретъ, такъ она какую же штуку придумала: взяла, да мужу вареньемъ и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна.

Хорошаго немного.

Пульхерія Андревна.

Вотъ такъ-то нынче жены-то съ мужьями живутъ, Татьяна Никоновна, а все люди женятся. Да еще на комъ женятся-то! Наровятъ все выше себя взять. Вотъ

сейчасъ была я у Васютиныхъ. *(Олинька прислушивается).*

Татьяна Никоновна

У какихъ это Васютиныхъ?

Пульхерія Андревна.

Какъ это вы не знаете! Да вотъ Ольга Ивановна его знаетъ.

Олинька.

А мнѣ по чемъ знать?

Пульхерія Андревна.

Полноте, полноте! Еще вы были въ магазинѣ, такъ онъ къ вашей хозяйкѣ ходилъ.

Олинька.

Это бѣлокурый такой, что ли?

Пульхерія Андревна.

Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна *(взглянувъ на дочь).*

Такъ что же такое у Васютиныхъ-то? Разскажите.

Пульхерія Андревна.

Нѣтъ, я къ тому говорю, Татьяна Никоновна, какъ люди возмечтать-то вдругъ могутъ о себѣ! Ну, положимъ, что имъ счастье, да что же ужь такъ возноситься-то! Къ чему это?

Татьяна Никоновна.

Да какое же имъ счастье-то?

Пульхерія Андревна.

Да такое же и счастье, что сыну невѣсту нашли, и съ крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьянъ-то всего тринадцать душъ. Вотъ я и говорю,

Татьяна Никоновна, какъ люди-то не умѣютъ себя вести. Вы бы посмотрѣли только, что съ старухой-то дѣлается. Такъ носъ подняла, что и глядѣть ни на кого не хочетъ. Я тоже не захотѣла себя передъ ней унизить. Мы съ ней въ одинаковомъ чинѣ; съ чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила ее, сколько могла. Такъ это, изволите ли видѣть, ей не понравилось; такую подняла исторію, что я даже думаю совсѣмъ оставить это знакомство. Хоть мнѣ и не хотѣлось съ ней ссориться, ну да что дѣлать? языкъ мой — врагъ мой. *(Олинька, видимо встревоженная, надѣваетъ шляпку и мантилью).*

Татьяна Никоновна.

Куда ты?

Олинька.

Я, маменька, сейчасъ приду; мнѣ нужно. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пульхерія Андревна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Что это съ ней сдѣлалось? Она какъ будто плачетъ.

Пульхерія Андревна.

Знаю я, все знаю; мнѣ только при ней говорить-то не хотѣлось. А вы вотъ ничего не знаете, а еще мать! А я думала, что вамъ все извѣстно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна.

Какъ же, узнаешь отъ нея что нибудь! — она такъ дѣло обдѣлаетъ, что концовъ не найдешь.

Пульхерія Андревна.

Нѣтъ, Татьяна Никоновна, какъ ни остерегайся, а всякое дѣло современемъ все ужь откроется. Вотъ у богатыхъ да у знатныхъ такіе-то пасажи бываютъ,— такъ ужь какъ стараются скрыть! а глядишь, послѣ черезъ людей или черезъ кого-нибудь и выдетъ наружу. Ну, а ужь въ нашей сторонѣ, кажется, муха не пролетитъ, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна.

Да послушайте, Пульхерія Андревна, неужели жъ вы что серьезное про Олиньку знаете?

Пульхерія Андревна.

Серьезное—не серьезное, тамъ какъ разсудите. Конечно для дѣвушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому нибудь кромѣ васъ сказывала. Сохрани меня Господи! Ну, разумѣется, Васютинъ обольстилъ ее тѣмъ, что жениться на ней обѣщалъ; мнѣ ея товарка сказывала.

Татьяна Никоновна.

Ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ-ахъ! Да когда же матушка, когда? *(Плачетъ)*.

Пульхерія Андревна.

А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже гдѣ.

Татьяна Никоновна.

Ну, ужь погоди же, теперь вернись только домой, я тебѣ задамъ! Эко наказанье съ дочерьми! *(Утираетъ слезы)*.

Пульхерія Андревна.

Ужь теперь ни бранью, ни слезами дѣла не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

Татьяна Никоновна

Ужь я ее теперь съ глазъ не спущу.

Пульхерія Андревна.

Однако, прощайте! Заболталась я съ вами, а мнѣ еще надобно кой-куда зайти. Прощайте! *(Цѣлуются. Уходитъ и сейчасъ же возвращается)*. А вѣдь Илья-то Ильичъ вчера опять пьяный домой пріѣхалъ. Скажите, пожалуйста, я васъ спрашиваю, когда это кончится? Вѣдь ты женатый человѣкъ, вѣдь ты обязанъ семействомъ! Коли нѣтъ въ тебѣ стыда передъ людьми-то, ты хоть бы стѣнъ посовѣстился! Сколько у него дѣтей-то? Знаете? Вѣдь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. *(Уходитъ и опять возвращается)*. А я и забыла вамъ сказать. Вѣдь я въ горѣ.

Татьяна Никоновна.

Что за горе у васъ? можетъ такъ, шутите?

Пульхерія Андревна.

Какія шутки! Этакого варварства.... Этакого тиранства.... Нѣтъ, этого нигдѣ не бываетъ. Развѣ только ужь въ самомъ низкомъ классѣ.

Татьяна Никоновна.

Съ мужемъ опять что нибудь?

Пульхерія Андревна.

Вѣдь ужь всѣ ныньче носятъ бурнусы, ужь всѣ; кто же нынче не носитъ бурнусовъ.

Татьяна Никоновна.

Ну такъ что же?

Пульхерія Андревна.

Ну, вотъ одна знакомая и продаетъ бурнусъ, совсѣмъ

новенькій. Я въ надеждѣ-то на своего дурака и говорю ей: «вы, моя милая, не безпокойте себя, не носите ни къ кому, а приносите прямо ко мнѣ: мы его у васъ купимъ». Ну, вотъ она его и приноситъ. Думаю: что дѣлать? И себя-то поддержать передъ ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, какъ онъ при постороннемъ человѣкѣ исторію заведетъ! Подымаюсь я на хитрости. Надѣваю бурнусъ, беру на себя равнодушный тонъ и говорю ему: «поздравь меня, мой другъ, съ обновкой!» Я думала, что хоть послѣ онъ и побранитъ меня, ужь такъ и быть, а все-таки при чужомъ человѣкѣ не захочетъ уронить меня и себя.

Татьяна Никоновна.

А что же онъ?

Пульхерія Андревна.

Что онъ? Обыкновенно что. Для него первое удовольствіе жену унизить; и наровитъ все при постороннихъ людяхъ. И шутки у него, знаете, самыя неприличныя. «Вы, говоритъ, ее не слушайте; это она къ зубамъ грезитъ; съ ней, говоритъ, это бываетъ». — «Но за что же однако, позвольте васъ спросить, такое тиранство?» — говорю я ему. А онъ мнѣ все-таки на это ни одного слова не отвѣтилъ, а продолжаетъ говорить той дамѣ: «она бы, говоритъ, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денегъ не даю». Пошелъ, да и сѣлъ за свои бумаги и двери затворилъ. Острамилъ меня, рѣшительно острамилъ.

Татьяна Никоновна.

Да что вы молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерія Андревна.

Это, Татьяна Никоновна, не отъ лѣтъ, — это бы-

ваетъ врожденный вкусъ въ человѣкѣ; и отъ воспитанія тоже много зависитъ.

Татьяна Никоновна.

Вотъ и съ воспитаніемъ-то бѣда: затѣй-то много, а денегъ нѣтъ.

Пульхерія Андревна.

Кабы вы понимали, что значитъ благородная дама, вы бы такъ не разсуждали; а то вы сами изъ простаго званія, такъ вы и судите.

Татьяна Никоновна.

Я сужу, какъ умѣю; а званіемъ своимъ вамъ передо мной нечего гордиться, не много вы отъ меня ушли.

Пульхерія Андревна.

Далеко вамъ до меня; я изъ вашего-то званія себѣ прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна.

А коли такъ, я и не знаю, что вамъ за охота съ простыми людьми знакомство имѣть! — знались бы только съ благородными.

Пульхерія Андревна.

Да ужь конечно у благородныхъ людей совсѣмъ другія понятія, чѣмъ у васъ.

Татьяна Никоновна.

Ну, и ступайте къ нимъ, а объ насъ ужь вы не безпокойтесь; мы объ васъ плакать не будемъ.

Пульхерія Андревна.

Да-съ, прощайте! Много я отъ васъ обиды видѣла, все переносила; а ужь этого не перенесу; послѣ этихъ словъ я у васъ оставаться не могу.

Татьяна Никоновна.

Вотъ и прекрасно, такъ и запишемъ. Прощайте! И впередъ просимъ не жаловать.

Пульхерія Андревна.

Я еще съ ума не сошла, чтобы съ вами знакомство водить послѣ этого.

Татьяна Никоновна.

И очень рады будемъ.

Пульхерія Андревна *(подходя къ двери)*.

За дочерью-то бы лучше смотрѣли!

Татьяна Никоновна.

Не ваша печаль чужихъ дѣтей качать.

Пульхерія Андревна.

Ужъ теперь ни ногой.

Татьяна Никоновна.

Скажите, какая жалость! *(Пульхерія Андревна уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Татьяна Никоновна и потомъ Олинька.

Татьяна Никоновна.

Какая ехидная бабенка, просто средствъ нѣтъ! А что жъ это у меня Ольга-то дѣлаетъ! Убить ее мало за эти дѣла. Что она нейдетъ-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Бѣда мнѣ съ моимъ характеромъ: расходится сердце, ничѣмъ не удержишь. *(Олинька входитъ, раздѣвается и, плача, садится на свое мѣсто)*. Ты что же это, сударыня, дѣлаешь? Что ты объ своей головѣ думаешь? Гдѣ была, говори сейчасъ?

Олинька.

Ахъ, маменька, оставьте! Мнѣ и безъ васъ тошно.

Татьяна Никоновна.

А! теперь тошно; а то такъ матери не слушаться! Вотъ ты и знай! Да ты еще погоди у меня!

Олинька *(встаетъ и одѣвается).*

Ахъ, Боже мой!

Татьяна Никоновна.

Что ты еще выдумала? Куда это ты?

Олинька.

Пойду, куда глаза глядятъ. Что мнѣ за охота брань-то слушать!

Татьяна Никоновна.

Что жъ, мнѣ тебя хвалить, что ли, за твои дѣла?

Олинька.

Да вѣдь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая ужь я, мнѣ не десять лѣтъ.

Татьяна Никоновна.

Такъ что жъ мнѣ дѣлать-то по твоему?

Олинька *(садясь къ столу и закрывая лицо руками).*

Пожалѣть меня, бѣдную.

Татьяна Никоновна *(нѣсколько взволнованная).*

Да... ну что жъ... ну... *(Молчитъ нѣсколько времени, потомъ подходитъ къ дочери, гладитъ ее по головѣ и садится подлѣ нея).* Ну что жъ тамъ такое у тебя случилось?

Олинька *(плача).*

Да женится.

Татьяна Никоновна.

Да кто женится-то?

Олинька.

Прохоръ Гаврилычъ.

Татьяна Никоновна.

Это Васютинъ-то?

Олинька.

Ну да.

Татьяна Никоновна.

Вотъ видишь ты, вотъ видишь ты, до чего васъ своя-то воля доводитъ, что значитъ безъ присмотру-то жить!

Олинька.

Опять вы за свое.

Татьяна Никоновна

Ну хорошо, ну не буду.

Олинька.

Вѣдь какъ божился-то! Какъ клялся-то!

Татьяна Никоновна.

Божился? А! скажите, пожалуйста! *(Качаетъ головой).*

Олинька.

Какъ же мнѣ было не повѣрить ему? Развѣ я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна.

Гдѣ понимать еще! Какіе года!

Олинька *(прилегая къ матери).*

Зачѣмъ же онъ обманулъ меня?

Татьяна Никоновна.

А ты думаешь, это ему такъ и пройдетъ? Ему самому Богъ счастья не дастъ за это. Вотъ посмотри, что ему это даромъ не пройдетъ.

Олинька (*взглянувъ въ окно*).

Ахъ, бестыжіе глаза! Да онъ еще сюда идетъ,—хватило у него совѣсти-то! Маменька, пускай онъ къ намъ взойдетъ; не идти же мнѣ къ нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна.

Ну что-жъ, пускай войдетъ.

Васютинъ (*въ окно*).

Ольга Петровна, можно войти?

Татьяна Никоновна.

Пожалуйте, пожалуйте!

Олинька (*умоляющимъ голосомъ*).

Маменька!

Татьяна Никоновна.

Что тебѣ еще?

Олинька (*плача*).

Маменька, мнѣ стыдно! Уйдите! Какъ я стану при васъ съ нимъ говорить!

Татьяна Никоновна (*грозя пальцемъ*).

То-то вотъ ты! Охъ ты мнѣ!

Олинька.

Маменька!

Татьяна Никоновна.

Ну, ужь право... ужь! Такъ вотъ только браниться-то не хочется. (*Уходитъ за перегородку*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Олинька и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверяхъ).*

Ты, Вавила Осипычъ, подожди! Я сейчасъ! *(Входитъ).*

Олинька.

Садиться милости просимъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, я вѣдь такъ — на минуточку.

Олинька.

Все-таки присядьте, коли вамъ у насъ непротивно. Или вы, можетъ быть, ужь теперь насъ гнушаетесь.

Прохоръ Гаврилычъ *(садясь).*

Да нѣтъ. Вотъ какого роду дѣло... Вотъ видишь ты, я самъ ей-Богу бы никогда, да маменька...

Олинька.

Что же маменька?

Прохоръ Гаврилычъ.

Все меня бранитъ за мою жизнь. Говоритъ, что я неприлично себя веду, что совсѣмъ дома не живу.

Олинька *(чертитъ ножницами по столу).*

Да-съ. Вамъ неприлично себя такъ вести, вы благородный, служащій...

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, вотъ все и пристаетъ ко мнѣ, чтобы я женился, чтобы я жилъ семейно, какъ порядочному человѣку слѣдуетъ. Ну, понимаешь, все-таки мать.

Олинька

Понимаю-съ, какъ не понять! Такъ вы хотите маменькино желанье исполнить? Что жъ, это очень благородно съ вашей стороны, потому что старшихъ всегда надобно уважать. Вы же такъ свою маменьку любите и во всемъ ея слушаетесь... Ну, такъ что же-съ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну вотъ я...

Олинька.

И женитесь?

Прохоръ Гаврилычъ.

И женюсь.

Олинька.

Честь имѣю васъ поздравить! Что же, вы съ большимъ состояніемъ берете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну нѣтъ, не очень.

Олинька.

Отчего же такъ? Вы, въ надеждѣ на вашу красоту, могли бы за миліонщицу посвататься. Или вы, можетъ быть, хотите облагодѣтельствовать собой какую нибудь бѣдную барышню? Это доказываетъ, что у васъ доброе сердце.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какое же тутъ сердце! Я для маменьки дѣлаю. Конечно, намъ съ маменькой пріятно, что она въ пансіонѣ воспитывалась, по-французски говоритъ.

Олинька.

Ну да какъ же вамъ, съ вашимъ умомъ и образованіемъ, да жениться на невоспитанной! Это для васъ очень низко! Вотъ жéнитесь, будете съ своей супругой по-французски и на разныхъ языкахъ говорить.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да я не умѣю.

Олинька.

Вы притворяетесь, что не умѣете. Вы не хотите только передъ нами, простыми людьми, своего образованія показывать, а передъ барышней вы себя покажете.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ вотъ я и пришелъ къ тебѣ...

Олинька.

Напрасно себя безпокоили.

Прохоръ Гаврилычъ.

Надо же было сказать...

Олинька.

Стоитъ ли вамъ объ насъ думать!

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ же не думать! Кабы я тебя не любилъ; а то вѣдь я люблю тебя.

Олинька.

Очень вамъ благодарна за вашу любовь!

Прохоръ Гаврилычъ.

Ты на меня, Олинька, не сердись: я самъ вижу, что поступаю противъ тебя дурно, даже можно сказать — подло.

Олинька.

Коли вы такъ понимаете объ себѣ, пускай это при васъ и останется.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, право, Олинька, я вѣдь не то, что другіе: бросилъ да и знать не хочетъ.

Олинька.

А вы что же?

Прохоръ Гаврилычъ.

Да я все, что тебѣ угодно. Ты мнѣ скажи, что тебѣ нужно.

Олинька.

Ничего мнѣ отъ васъ не нужно! Вы меня обижать такъ не смѣете. Что же, я васъ изъ-за денегъ любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я васъ любила, потому что всегда знала, что вы на мнѣ женитесь, а иначе я бы ни за что на свѣтѣ...

Прохоръ Гаврилычъ.

Да мнѣ что! Развѣ я бы не женился?—да вотъ семья-то.

Олинька.

Вы должны были это знать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ же мнѣ съ тобой быть, — я, право, ужъ и не знаю.

Олинька.

Это довольно странно для меня. Вы свое дѣло сдѣлали: обманули, насмѣялись, — чего вамъ еще нужно? Остается поклонъ, да и вонъ. Объ чемъ вамъ еще безпокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому нибудь? Такъ я за это не возьму милліона отъ одного только отъ стыда.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я не объ себѣ безпокоюсь; а о тебѣ.

Олинька.

А обо мнѣ — что вамъ безпокоиться! Да и кто вамъ повѣритъ, что вы обо мнѣ думаете сколько нибудь!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, Олинька, ты мнѣ этого не говори! Мнѣ, право, совѣстно. Я вѣдь человѣкъ простой, откровенной...

Олинька.

Тѣмъ лучше для васъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Только характеръ у меня такой, путаной. Вѣдь вотъ я теперь буду мучиться объ тебѣ.

Олинька.

Скажите!

Прохоръ Гаврилычъ.

Мнѣ до смерти жаль тебя... Да ты мнѣ позволь какъ нибудь заходить къ тебѣ хоть на минуту.

Олинька.

Нѣтъ, ужь увольте! Вамъ нужно, чтобы вездѣ слава пошла. Я хочу замужъ идти.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ ужь никогда и не видаться?

Олинька.

Разумѣется, никогда. Вѣдь, кромѣ страму, отъ васъ прибыли-то никакой нѣтъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, такъ простимся безъ сердца по крайней мѣрѣ.

Олинька.

Прощайте! *(Васютинъ хочетъ поцѣловаться)*. Не для чего!

Прохоръ Гаврилычъ *(послѣ непродолжительнаго молчанья)*.

Какъ же это, право... Подло, ужь самъ вижу, что подло! А какъ поправить, не знаю.

Олинька.

Мнѣ даже смѣшно слушать! Ступайте! Васъ товарищъ дожидается.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какой это товарищъ! Это купецъ, кутило. Вотъ ты какая! Тебѣ ничего, а я ночи не сплю. Право.

Олинька.

Смотрите, не захворайте!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, пожалуйста, коли тебѣ что понадобится: деньги или что другое, ты сдѣлай милость — пришли! Для меня даже это будетъ пріятно.

Олинька.

Нѣтъ, ужь я лучше съ голоду умру. За кого вы меня принимаете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Мнѣ, право, такъ жалко тебя; я хоть заплакать готовъ.

Олинька.

Это будетъ очень интересно!

Прохоръ Гаврилычъ.

Позволь ныньче вечеркомъ заѣхать.

Олинька.

Съ чего это вы выдумали!

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, прощай! Богъ съ тобой! *(Уходя)*. Ты, ради Бога, не сердись! А то все и будешь думать объ тебѣ.

Олинька.

Прощайте! Прощайте! *(Васютинъ уходитъ; входитъ Татьяна Никоновна)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна.

Ну что? Ушелъ?

Олинька.

Ушелъ. *(Садится къ столу и плачетъ, закрывшись платкомъ)*. Какъ я выдержала: это только одинъ Богъ знаетъ.

Татьяна Никоновна.

Поплачь, поплачь, легче будетъ. Да и совсѣмъ его изъ головы надо выкинуть, — чтобъ пусто ему было! *(Взглянувъ въ окно)*. Ну, опять Андревна мимо идетъ.

Олинька.

Маменька, покличьте ее.

Татьяна Никоновна.

Да вѣдь я съ ней побранилась.

Олинька.

Помиритесь! Мнѣ нужно, нужно!

Татьяна Никоновна.

Помириться долго ли! *(Въ окно)* Пульхерія Андревна! Пульхерія Андревна! *(Дочери)*: Идетъ. Благо, еще не спѣсива, хоть то хорошо. Только зачѣмъ она тебѣ понадобилась, я ужь этого не придумаю.

Олинька.

А вотъ увидите. *(Пульхерія Андревна входитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Олинька, Татьяна Никоновна и Пульхерія Андревна.

Татьяна Никоновна.

Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерія Андревна: я давеча, по своему глупому характеру, погорячилась.

Пульхерія Андревна.

Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это отъ раскаянія, такъ я на васъ ни въ какомъ случаѣ сердиться не могу. Я очень снисходительна къ людямъ, — даже больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Олинька.

Вы, Пульхерія Андревна, знаете: на комъ Васютинъ женится?

Пульхерія Андревна.

Еще бы мнѣ не знать!

Олинька.

Вы знакомы съ ними?

Пульхерія Андревна.

Нѣтъ, не знакома. Да развѣ долго познакомиться!

Олинька.

Сдѣлайте милость, Пульхерія Андревна, разузнайте хорошенько...

Пульхерія Андревна.

Что разузнать-то?

Олинька *(плача)*.

Хороша ли его невѣста? Любитъ ли онъ ее? Любитъ ли она его?

Пульхерія Андревна.

Только?

Олинька.

Только! *(Садится къ столу и закрываетъ лицо руками).*

Татьяна Никоновна.

Ну, оставимте ее. Богъ съ ней! *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

ГАВРИЛА ПРОХОРЫЧЪ ВАСЮТИНЪ, старикъ, отставной чиновникъ.
АНФИСА КАРПОВНА, жена его.
ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ ВАСЮТИНЪ, сынъ ихъ.
ВАВИЛО ОСИПОВИЧЪ ГУСТОМѢСОВЪ, купецъ, лѣтъ 35-ти, одѣтъ по-русски.
ОРЕСТЪ, лакей, лѣтъ 50-ти, важный, неповоротливый, въ засаленомъ сюртукѣ, часто вынимаетъ табакерку съ генераломъ.

(Гостиная въ домѣ Васютиныхъ: налѣво дверь въ кабинетъ Прохора Гаврилыча; прямо выходная дверь, направо во внутреннія комнаты. Налѣво отъ зрителей диванъ, направо столъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Орестъ *(проводитъ просителя въ кабинетъ)*.

Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дѣло знаемъ: ваше дѣло правое. *(Проситель уходитъ)*. Правда, пословица-то говорится: «у всякаго плута свой разсчетъ!» Вотъ хоть бы нашего барина взять! Ума у него нѣтъ. Съ судейскими со своими или и съ нашимъ братомъ хорошаго разговору отъ него нѣтъ, умнаго *(нюхаетъ табакъ)*, чтобы стоило вниманія. Лепечетъ много языкомъ-то, а ничего не складно, безо всякаго разсудка, что къ мѣсту, что не къ мѣсту — такъ, какъ шелашъ какой. А

вотъ съ просителями такъ онъ свое дѣло знаетъ, — такой тонъ держитъ, что любо на него смотрѣть. Строгость на себя напуститъ, точно въ меланхоліи въ какой сдѣлается и языкъ-то у него не ворочается; такъ проситель-то вздыхаетъ, вздыхаетъ, потъ его прошибетъ; выйдетъ изъ кабинета-то, точно изъ бани; и шинель-то станетъ надѣвать — вздыхаетъ, и по двору-то идетъ — все вздыхаетъ да оглядывается. А съ кѣмъ такъ и лаской: и по плечу треплетъ и по животу гладитъ. Вотъ эту-то политику онъ знаетъ! Нужды нѣтъ, что не уменъ, а на эти дѣла тонокъ. Ну, и живетъ себѣ, какъ сыръ въ маслѣ катается. Такъ-то вотъ и нашъ братъ,—всякій долженъ себя понимать! Кто что умѣетъ, то и дѣлай, а не за свое дѣло не берись! Я теперь... я все могу, а въ хорошій домъ я служить не пойду. Потому, во первыхъ — лѣта, во вторыхъ — болѣзнь во мнѣ: въ ногахъ ломъ стоитъ; опять же по временамъ слабость у меня къ этой дряни *(плюетъ)*, къ этому проклятому вину. Въ хорошемъ домѣ ума не нужно, тамъ ловкость, и чтобы въ струнѣ человѣкъ былъ; потому завсегда ты на виду. А мнѣ теперь нуженъ покой! Мнѣ, по моему характеру, только и жить у подъячихъ! Ни одёжи отъ тебя не требуется, ни чистоты, — знай только обращеніе съ просителями. А коли я умѣю обойтись съ человѣкомъ, такъ мнѣ и жаловаться не нужно. У барина свой доходъ, а у меня свой: потому въ моей власти допустить къ барину и не допустить. И ежели бы я не былъ подверженъ, по своей слабости, этой временной болѣзни дня на три и на четыре въ мѣсяцъ, большіе бы у меня капиталы были; по здѣшнему дому оно конечно сокращать себя не стоитъ,—удовольствія этого лишать; да только вотъ что: какъ наберешься этого угару, такъ много у тебя зря денегъ выходитъ. *(Входитъ Анфиса Карповна).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Орестъ и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна.

Есть кто нибудь у барина?

Орестъ.

Проситель сидитъ.

Анфиса Карповна.

Купецъ или благородный?

Орестъ.

По-нѣмецки, а должно быть купецъ.

Анфиса Карповна.

Я тебѣ, Орестъ, давно говорила, чтобы ты съ купцовъ денегъ не просилъ, а ты все-таки своей привычки не оставляешь. Я вѣдь все вижу. Въ передней помѣшаютъ тебѣ, такъ ты за ворота выскочишь да тамъ пристаешь, словно нищій.

Орестъ.

Эхъ, сударыня!

Анфиса Карповна.

Что: эхъ, сударыня? И для насъ это срамъ; подумаютъ, что вы у насъ нужду терпите.

Орестъ.

Эхъ, барыня! Изъ чего служить-то?

Анфиса Карповна.

Ты жалованье получаешь.

Орестъ.

Какое жалованье, сударыня! Стоитъ ли оно вниманія.

Анфиса Карповна.

Такъ зачѣмъ же ты живешь, коли ты недоволенъ жалованьемъ?

Орестъ.

Эхъ, сударыня! Затѣмъ и живу, что доходъ есть. Ужь это отъ начала вселенной заведено, что у служащаго человѣка камердинеръ свой доходъ имѣетъ. Ну, а которые изъ просителей этого обыкновенія не имѣютъ, тѣмъ и напомнишь.

Анфиса Карповна.

Да все-таки это мараль.

Орестъ.

Никакой, сударыня, марали нѣтъ.

Анфиса Карповна.

А я вотъ Прошенькѣ скажу, чтобъ онъ тебѣ запретилъ.

Орестъ.

Никогда они мнѣ не запретятъ, по тому самому, что они тоже доходомъ живутъ, жалованье тоже небольшое получаютъ. Они могутъ разсуждать правильно, сообразно съ разсудкомъ.

Анфиса Карповна.

А я, по твоему, неправильно разсуждаю, несообразно съ разсудкомъ? Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной?

Орестъ.

Вотъ что, сударыня, извините вы меня: всякій свое дѣло знаетъ. Одно дѣло вы можете разсудить, а другое дѣло мужскаго разсудка требуетъ. Какъ же вы говорите, чтобы не брать! Господи Боже мой! Да съ чѣмъ это

сообразно! Ну, положимъ, не я у васъ буду служить, другой будетъ; такъ нешто онъ не станетъ брать?—тоже станетъ; женщину заставьте служить, и та станетъ брать. Коли есть такое положеніе, чтобы брать деньги съ просителей, какъ же вы мнѣ приказываете не брать? Для чего же мнѣ отъ своего счастья отказываться? Это даже смѣшно слушать!

Анфиса Карповна.

Ты такой грубіянъ, такой грубіянъ сталъ, что просто терпѣнья нѣтъ съ тобой! Я непремѣнно на тебя сыну пожалуюсь.

Орестъ.

Эхъ, сударыня! Какой же я грубіянъ! А что, конечно, которое дѣло до васъ не касающее, такъ скажешь...

Анфиса Карповна.

Какъ не касающее? Все, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

Орестъ.

Все это я, сударыня, понимаю-съ, только никакъ нельзя.

Анфиса Карповна.

Отчего же нельзя? Вотъ онъ теперь женится на барышнѣ образованной, такъ совсѣмъ другой порядокъ въ домѣ пойдетъ.

Орестъ.

Никакъ этого нельзя-съ.

Анфиса Карповна.

Какъ нельзя? Вотъ ты увидишь, что очень можно.

Орестъ.

Развѣ службу оставятъ.

Анфиса Карповна.

И службу оставлять не станетъ, только деликатнѣе вести себя будетъ, ужь и людей такихъ держать будетъ...

Орестъ.

Какихъ хотите, сударыня, держите, все это одно. Хоть теперь баринъ и женится, да ежели не оставитъ службу, такъ кругъ знакомства у нихъ все тотъ же будетъ, все тѣ же служащіе да купечество, таже самая канитель, что и теперь; такъ и люди, глядя на господъ, себя въ строгости содержать не будутъ. И брать деньги тоже будутъ, потому что купцы даже любятъ, когда съ нихъ деньги берутъ. Если съ него не взять, такъ онъ опасается,—ужь у него такой развязности въ разговорѣ нѣтъ, точно онъ чего боится. Съ купечествомъ тоже надо умѣть обойтись! А что насчетъ благородства, такъ этакъ всякій бы, пожалуй, захотѣлъ...

Анфиса Карповна.

Ну, ужь молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашиваютъ.

Орестъ.

Я замолчу; только ужь видно, сударыня, выше лба глаза не ростутъ.

Анфиса Карповна.

Гдѣ твое мѣсто? Твое мѣсто въ передней! Что же ты здѣсь толчешься! Въ комнаты ты долженъ войти, когда тебя позовутъ...

Орестъ.

Извѣстно, въ передней: потому хамъ. А тоже и господа господамъ рознь, и потому только одно это названіе, что онъ господинъ, а по дѣлу совсѣмъ напротивъ выходитъ. Хоть бы теперь баринъ жениться хочетъ...

Анфиса Карповна.

Я тебѣ сказала, чтобъ ты шелъ въ переднюю.

Орестъ.

Я пойду. Эхъ, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказалъ. Тоже смыслимъ кой-что. Надо жену-то по себѣ брать. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Анфиса Карповна и потомъ Гаврило Прохорычъ.

Анфиса Карповна.

Какое наказаніе съ этимъ народомъ! Сколько ужь у насъ людей перебывало, всѣ такіе же. Сначала недѣли двѣ поживетъ ничего, а потомъ и начнетъ грубить, либо пить. Конечно, всякій домъ хозяевами держится. А у насъ какіе хозяева-то! Только сердце болитъ, на нихъ глядя. Съ сыномъ вотъ никакъ не соображу; молодой еще человѣкъ, а какъ себя неприлично держитъ. Знакомства-то, что ли, у него нѣтъ, заняться-то ему не у кого? Или ужь въ отца, что ли, уродился? тоже, знать-пути не будетъ! Хоть бы мнѣ ужь женить-то его поскорѣе! Отецъ отъ безобразной жизни ужь совсѣмъ разсудокъ потерялъ. Ну, вотъ люди-то, глядя на нихъ, и меня не уважаютъ. Всю жизнь я съ мужемъ-то маялась, авось хоть сынъ порадуетъ чѣмъ нибудь! Хоть бы мѣсяцъ пожить, какъ слѣдуетъ; кажется для меня это дороже бы всего на свѣтѣ. А и мнѣ еще люди завидуютъ, что сынъ много денегъ достаетъ. Богъ съ ними и съ деньгами, только бъ жилъ-то поскромнѣе. Есть же такія счастливыя, что живутъ да только радуются на дѣтей-то, а я вотъ... *(Входитъ Гаврило Прохорычъ).* Вотъ еще давно не видались. Зачѣмъ это? Не слыхать-ли?

Гаврило Прохорычъ *(присѣдаетъ, какъ барышня—и шопотомъ):*

За газетами-съ. *(Беретъ со стола газеты).*

Анфиса Карповна.

Сидѣли бы наверху у себя. Кому нужно на васъ глядѣть-то! Тутъ, чай, люди ходятъ. Сына-то только стыдите!

Гаврило Прохорычъ.

Сына стыдите! У! у! *(Дѣлаетъ гримасы).*

Анфиса Карповна.

Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврило Прохорычъ *(злобно).*

Кого я могу стыдить! Я титулярный совѣтникъ.

Анфиса Карповна.

Важное кушанье!

Гаврило Прохорычъ.

Да-съ! Дослужитесь, подите! Что такое титулярный совѣтникъ? Капитанъ-съ! А! Какова штука-то! Вотъ и думайте, какъ знаете!

Анфиса Карповна.

Что думать-то! Думать-то нечего! Много вашего брата по кабакамъ-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лѣтъ съ вами маялась, да и теперь маюсь.

Гаврило Прохорычъ.

Ну, не очень гнѣвайтесь, уйду-съ. А то сына стыдить! Самъ онъ меня стыдитъ. *(Уходитъ, потомъ возвращается и плачетъ).*

Анфиса Карповна.

Это что еще?

Гаврило Прохорычъ.

Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна.

Ну такъ что же?

Гаврило Прохорычъ.

Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна.

Вѣдь это не вы плачете: это вино въ васъ плачетъ. Плачутъ-то, когда дочерей отдаютъ, а когда сыновей женятъ, такъ радуются. Вы забыли.

Гаврило Прохорычъ.

Нѣтъ, такъ что-то чувствительно стало; а то я ничего,—я радуюсь. Онъ ко мнѣ почтителенъ; онъ меня, старика, уважаетъ, къ слабостямъ моимъ нисходитъ.

Анфиса Карповна.

Вы и его-то этимъ слабостямъ выучили. А вы бы вотъ одѣлись, да нынче съ сыномъ къ невѣстѣ съѣздили,—благо, вы въ своемъ видѣ, а то вѣдь не скоро этого дождешься.

Гаврило Прохорычъ.

Хорошо, я пойду одѣнусь.

Анфиса Карповна.

Да веди-то себя приличнѣй.

Гаврило Прохорычъ.

Что вы меня учите! Я знаю, какъ себя вести. Какъ ведутъ себя благородные люди, такъ и я себя стану вести *(Уходитъ)*.

Анфиса Карповна.

Какъ же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, какъ благородные люди ведутъ! Ну, да съ старика-то не взыщутъ. *(Входитъ купецъ съ кулькомъ въ рукахъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Анфиса Карповна и Купецъ.

Анфиса Карповна

А, Вавило Осипычъ!—Вы къ Прошенькѣ?

Купецъ.

Точно такъ-съ.

Анфиса Карповна.

Онъ занятъ теперь.

Купецъ.

Подождемъ-съ.

Анфиса Карповна.

Садитесь, пожалуйста!

Купецъ.

Покорнѣйше благодаримъ-съ. Не извольте безпокоиться-съ *(Садится)*.

Анфиса Карповна.

Что это такое у васъ? Вино, должно быть?

Купецъ.

Оно самое-съ.

Анфиса Карповна.

Что это вы все вино носите?

Купецъ.

Потому завсегда требуется-съ.

Анфиса Карповна.

Да ужь часто вы его носите-то, да и помногу.

Купецъ.

Изойдетъ-съ. Для дому вещь необходимая-съ.

Анфиса Карповна.

Что ваше дѣло?

Купецъ.

Прикончено-съ.

Анфиса Карповна.

Что-жъ, вы довольны?

Купецъ.

Не то что довольны, а такъ надобно сказать, что должны вѣкъ Бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дѣло я теперича, кажись, по гробъ моей жизни все, что только имъ угодно. Скажи они мнѣ: Вавила Осипычъ!... меня, сударыня, Вавила Осипычъ зовутъ... достань птичьяго молока! Всю вселенную пѣшкомъ обойду, а ужь достану.

Анфиса Карповна.

Да, ему многіе благодарны.

Купецъ.

Отмѣнный человѣкъ-съ.

Анфиса Карповна.

Его купечество очень любитъ.

Купецъ.

Нельзя не любить-съ; потому, первое дѣло, человѣкъ дѣловой-съ, всякому нужный; а второе дѣло, невзыскательны-съ. Съ нашимъ братомъ компанію водитъ, все равно что съ равнымъ, безобразія нашего не гнушается; даже я такъ замѣчаю, что имъ очень нравится. Ну, и выпить ежели, такъ какъ у насъ этотъ порядокъ заведенъ,—я вамъ доложу, сударыня, мы временемъ бываемъ довольно безобразны, такъ намъ для этого нужна

компанія, — такъ они никогда отъ этого не прочь, а завсегда съ нами по душѣ. И не то, чтобъ отставать или компанію ломать, а могутъ посидѣть вплотную и со всѣми равняются. Да другой и изъ нашихъ противъ нихъ не выстоитъ. Ну, и значитъ, человѣкъ стоитъ уваженія. Вѣдь и у насъ тоже не всякаго полюбятъ, а съ разборомъ-съ, кто чего стоитъ.

Анфиса Карповна.

Только ужь онъ много пьетъ-то съ вами.

Купецъ.

Нѣтъ, что за много-съ! Соразмѣрно пьютъ.

Анфиса Карповна.

Нѣтъ, ужь не очень соразмѣрно.

Купецъ.

Оно точно, кто рѣдко, такъ, можетъ быть, и много покажется-съ; а ежели пить постепенно, вотъ какъ мы-съ, такъ оно ничего. На все привычка-съ.

Анфиса Карповна.

Знаете ли, Вавила Осипычъ, я его женить собираюсь.

Купецъ.

Оченно прекрасно-съ.

Анфиса Карповна.

Онъ теперь въ такихъ лѣтахъ.

Купецъ.

Въ самомъ разѣ-съ.

Анфиса Карповна.

Ну, а я стара стала; вѣдь не знаешь, когда Богъ по́ душу пошлетъ, такъ хочется его устроить при жизни.

Познакомилась я недавно съ одной барыней, у ней дочка только что изъ пансіона вышла; поразговорились мы съ ней, я ей сына отрекомендовала; такъ у насъ дѣло и пошло. Я ей какъ-то и намекнула, что вотъ бы, молъ, хорошо породниться! «Я, говоритъ, не прочь! Какъ дочери понравится!» Ну, ужь это, значитъ, почти кончено дѣло. Долго ли дѣвушкѣ понравиться? Она еще и людей-то не видала. А съ состояніемъ, и деньги есть, и имѣніе.

Купецъ.

Самое настоящее дѣло-съ.

Анфиса Карповна.

Я вамъ скажу, Вавила Осипычъ, я никакъ не думала, что онъ такой дѣльный будетъ. Ученье ему не давалось, — понятія ни къ чему не было, такъ что черезъ великую силу мы его грамотѣ выучили,—большихъ хлопотъ намъ это стоило. Ну, а ужь въ гимназіи и совсѣмъ ничего не могъ понять; такъ изъ втораго класса и взяли. Къ этому же времени отецъ-то его совсѣмъ ослабъ. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вамъ не могу! Опредѣлила я его въ судъ, тутъ у него вдругъ понятіе и открылось. Что дальше, то все лучше; да вотъ теперь всю семью и кормитъ. Да еще что говоритъ! Я, говоритъ, маменька, службой не дорожу; я и безъ службы, только частными дѣлами состояніе себѣ составлю. Вотъ какое понятіе ему вдругъ открылось.

Купецъ.

И теперича ихъ работа самая дорогая и самая тяжелая; потому что все надо мозгами шевелить. Безъ мозговъ, я такъ полагаю, ничего не сдѣлаешь. (*Входятъ изъ кабинета: Прохоръ Гаврилычъ и проситель. Купецъ встаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Прохоръ Гаврилычъ и Проситель.

Прохоръ Гаврилычъ *(провожая просителя до двери).*

Я вамъ сказалъ, что хлопотать буду; ну, а тамъ, что Богъ дастъ.

Проситель.

Сдѣлайте милость, Прохоръ Гаврилычъ! *(Уходитъ въ дверь).*

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверь).*

Хлопотать я буду, ужь я вамъ сказалъ; а тамъ, какъ взглянутъ.

Проситель *(изъ передней).*

Ужь похлопочите, Прохоръ Гаврилычъ. Прощенья просимъ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Прощайте! *(Къ купцу)*: А, другъ! Что это ты, вина принесъ?

Купецъ.

Особеннаго.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну вотъ спасибо! Такъ попробовать надо. Орестъ! *(Входитъ Орестъ).* Откупори, да подай рюмокъ! *(Орестъ беретъ кулекъ).*

Купецъ.

Ты двухъ сортовъ откупори. А тѣ, что съ долгимъ горлышкомъ-то, для другаго разу оставь. Да постой, я покажу тебѣ. *(Купецъ и Орестъ уходятъ).*

Анфиса Карповна.

Ты вѣдь къ невѣстѣ хотѣлъ ѣхать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я и поѣду.

Анфиса Карповна.

А зачѣмъ же вино-то пить?

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ, маменька, что-то я нынче въ расположенiи. Все сидѣлъ за дѣломъ, такъ хочется голову освѣжить, чтобы фантазія была. *(Входятъ Купецъ и Орестъ съ бутылками и рюмками на поднось и ставятъ его на столъ).*

Купецъ *(Оресту).*

А ты, братецъ, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемѣни, свѣженькую подставь. Не все же тебя кликать. *(Орестъ уходитъ).*

Прохоръ Гаврилычъ *(садится).*

Ну, вотъ теперь сядемъ да потолкуемъ.

Купецъ.

Сейчасъ-съ! *(Наливаетъ вино въ рюмки и подноситъ Прохору Гаврилычу).* Пожалуйте-съ! *(Прохоръ Гаврилычъ беретъ и пьетъ).* Васъ, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна.

Я его и видѣть-то не могу.

Купецъ.

Какъ будетъ угодно; неволить не смѣю-съ. Вотъ теперь самъ выпью-съ. *(Наливаетъ себѣ).* Желаю вамъ быть здоровымъ, сударыня!

Анфиса Карповна.

Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

Купецъ *(пьетъ).*

Теперь развѣ вдругъ по другой? А то съ одной-то не разберешь.

Прохоръ Гаврилычъ.

Наливай! *(Купецъ наливаетъ).*

Анфиса Карповна.

Будетъ вамъ!

Прохоръ Гаврилычъ.

Полноте, маменька! Что мы, дѣти, что ли! Я себя знаю.

Купецъ *(подавая рюмки).*

Пожалуйте-съ! Честь имѣю поздравить! *(Пьетъ самъ).*

Прохоръ Гаврилычъ.

Съ чѣмъ?

Купецъ.

Какъ съ чѣмъ! Да ныньче что?

Прохоръ Гаврилычъ.

А что?

Купецъ.

Первая пятница на этой недѣлѣ. Ну, вотъ и честь имѣемъ поздравить.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ахъ ты, голова! Маменька, каковъ молодецъ!

Анфиса Карповна.

Поѣзжай ты поскорѣе!

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я понимаю. Вотъ сейчасъ и поѣдемъ.

Купецъ.

Прикажете?

Прохоръ Гаврилычъ.

Наливай!

Анфиса Карповна.

Этому конца не будетъ! *(Прохоръ Гаврилычъ и Купецъ пьютъ).*

Прохоръ Гаврилычъ *(встаетъ и подходитъ къ матери; въ это время купецъ еще наливаетъ по рюмкѣ).*

Маменька, я вижу, что вы обо мнѣ заботитесь и чувствую это. Пожалуйте ручку! *(Цѣлуетъ руку).* Я грязную жизнь веду, — я это понимаю; какой же матери это пріятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вамъ не угодно, чтобы я такую жизнь велъ: ну, я и оставлю. *(Опять цѣлуетъ руку).* Я для васъ все, что вамъ угодно.

Анфиса Карповна.

Дай-то Богъ!

Прохоръ Гаврилычъ *(подходитъ къ столу и пьетъ).*

Я ужь сказалъ, маменька! У меня сказано—сдѣлано.

Купецъ.

А я тебя, баринъ, вчера долго ждалъ. Я съ вашимъ сынкомъ теперь, сударыня, все равно, что неизмѣнное копье: куда онъ, туда и я. Вотъ ужь другую недѣлю съ нимъ путаемся, разстаться не могу, все и ѣздимъ вмѣстѣ. Коли онъ по дѣлу куда зайдетъ, я на дрожкахъ подожду, либо въ трактирѣ посижу. А глядишь, къ вечеру-то кулечекъ захватимъ, да и за городъ махнемъ, на травкѣ полежать. Подъ кустикомъ-то оно пріятно.

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы и ныньче съ тобой вмѣстѣ поѣдемъ.

Анфиса Карповна.

Ты съ отцемъ поѣдешь.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, чтожъ! Онъ за нами поѣдетъ. Ты подожди въ трактирѣ! Я оттуда скоро. Что тамъ долго-то дѣлать? Посидимъ, поговоримъ, да и кончено дѣло. Тамъ вѣдь сухо; кромѣ чаю, ничѣмъ не поподчуютъ. Да и разговаривать-то съ ними, изъ пустаго-то въ порожнее пересыпать, тоже скука возьметъ.

Купецъ.

Канитель... *(Наливаетъ себѣ и Прохору Гаврилычу).*

Прохоръ Гаврилычъ *(пьетъ).*

Ужь именно, братъ, канитель.

Анфиса Карповна *(умоляющимъ голосомъ).*

Проша!

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я чувствую. Что у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я вѣдь понимаю, что вамъ эта жизнь не нравится, — и мнѣ она не нравится. Вы находите, что грязно,—и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вамъ не нравится, ну я и оставлю: я для васъ это удовольствіе сдѣлаю.

Анфиса Карповна.

Что же не оставляешь?

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, оставлю. Ужь будьте покойны, оставлю, и въ ротъ не буду брать.

Купецъ *(наливая).*

Зачѣмъ совсѣмъ оставлять!

Прохоръ Гаврилычъ *(беретъ и пьетъ).*

Нѣтъ, я, братъ, совсѣмъ оставлю. Только, маменька, нельзя же вдругъ.

Купецъ.

Даже вредъ можетъ быть отъ этого.

Анфиса Карповна.

Какъ же ты къ невѣстѣ-то поѣдешь?

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, я себя знаю. Надобно такъ къ невѣстѣ ѣхать,—не то, чтобы пьянъ, это ужъ скверно; а чтобы фантазія въ головѣ была. Что я безъ фантазіи буду съ ними, маменька, разговаривать? Объ чемъ? Кабы я зналъ что нибудь, или читалъ книги какія, тогда бы другое дѣло. Значитъ, мнѣ фантазія и нужна.

Купецъ.

Съ фантазіей лучше.

Прохоръ Гаврилычъ.

Я безъ фантазіи съ женщинами никогда и не разговариваю; мнѣ какъ-то робко подойти. А какъ есть маленькая фантазія, такъ откуда смѣлость возьмется! *(Входитъ Орестъ, ставитъ бутылку на столъ, а пустую уноситъ).*

Анфиса Карповна.

Сходи на верхъ, скажи барину, что пора ѣхать.

Орестъ.

Они не могутъ.

Анфиса Карповна.

Отчего?

Орестъ.

Я изъ передней-то отлучился не на долго, а они унесли бутылку, да должно быть, ее и кончили.

Анфиса Карповна.

Тиранитъ онъ меня! Хоть вы-то поѣзжайте.

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы, маменька, сейчасъ. Ну-ка, на дорожку. Орестъ, вели лошадь подавать! *(Орестъ уходитъ).*

Купецъ.

И по закону слѣдуетъ. (*Наливаетъ*).

Прохоръ Гаврилычъ.

А гдѣ такой законъ? Гдѣ онъ написанъ? *(Пьетъ).*

Купецъ.

Да хоть онъ и не написанъ, а всякій его исполняетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, какіе же у тебя планы? Куда мы съ тобой нынче вечеромъ?

Купецъ.

А какіе планы? Планы у меня вотъ какіе: перво-наперво въ Марьину рощу съѣздить за-свѣтло; а оттуда по дорогѣ въ Ельдораду.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятаго, не больше.

Анфиса Карповна.

Да поѣзжайте! Лошадь дожидается.

Прохоръ Гаврилычъ.

Сейчасъ, маменька. Надобно же столковаться-то; а то тамъ разсуждай послѣ, куда ѣхать, а время-то идетъ.

Купецъ.

Это настоящее дѣло-съ.

Прохоръ Гаврилычъ *(встаетъ).*

Ну, поѣдемъ! Прощайте, маменька! *(Цѣлуетъ руку).* Видите, маменька, я ѣду. Я для васъ все... Что прика-

жете, то я и сдѣлаю. Вотъ теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. Я теперь объ чемъ хотите... А безъ фантазіи просто смерть, ротъ боишься разинуть. *(Нагибается къ матери)*. А вы, маменька, не безпокойтесь на счетъ того; тамъ все кончено. Ну, то есть насчетъ Олиньки... Вамъ Пульхерія Андревна насплетничала, вы огорчились этимъ; я сейчасъ же понялъ, что вамъ это непріятно, ну, и кончилъ все. Я изъ вашего лица замѣтилъ, что вамъ непріятно, ну, я и кончилъ.

Анфиса Карповна.

Ну, и хорошо.

Прохоръ Гаврилычъ.

Кончилъ, кончилъ. Прощайте! *(Цѣлуетъ руку)*.

Купецъ.

И посошокъ на дорогу. *(Наливаетъ)*.

Анфиса Карповна.

Какой еще посошокъ?

Купецъ.

Ужь безъ этого нельзя-съ. *(Пьютъ)*.

Прохоръ Гаврилычъ *(взявъ шляпу)*.

Маменька, прощайте!

Купецъ.

Прощенія просимъ, сударыня! Вы насъ извините; потому, какъ собственно, мы изъ расположенія, а не съ тѣмъ, чтобы что нибудь дурное. *(Кланяется)*.

Прохоръ Гаврилычъ *(уходя)*.

А вы, маменька, насчетъ того не безпокойтесь. Я вамъ сказалъ,—такъ оно и есть. Кончилъ я все,—кончилъ. *(Уходятъ)*.

Анфиса Карповна.

Ну, слава Богу, уѣхали! Ну, вотъ надо бы прогнать этого купца, а какъ его прогонишь? нужный человѣкъ! Что дѣлать, должность такая. Она бы служба-то и нетрудна, да вотъ этимъ-то ужъ очень тяжела, — знакомствомъ-то. Тяжелая служба! Ты его стараешься, какъ на путь наставить; а по службѣ-то онъ долженъ вотъ этакую компанію водить. Не водить компанію, не имѣть доходу; а водиться съ ними, такъ сопьешься съ кругу. Вотъ тутъ, какъ хочешь, и раскидывай умомъ. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даромъ не достаются. *(Входитъ Пульхерія Андревна)*. Это еще какими судьбами!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анфиса Карповна и Пульхерія Андревна.

Пульхерія Андревна.

Вы не удивляйтесь! Хоть мы съ вами и поссорились, но я все-таки всегда желала вамъ добра, и никогда васъ не могу промѣнять на мѣщанку какую нибудь. А теперь выходитъ такое дѣло, что я должна васъ предупредить; потому я и думаю, что лучше мнѣ позабыть все, что между нами было. По крайней мѣрѣ вы изъ словъ моихъ увидите, сколько во мнѣ благородства противъ васъ.

Анфиса Карповна.

Покорно васъ благодарю.

Пульхерія Андревна.

Потому что, какъ бы мы съ вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званію, какой нибудь мѣщанки.

Анфиса Карповна.

Въ чемъ дѣло-то? Я васъ не пойму.

Пульхерія Андревна.

Дѣло въ томъ, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всемъ своемъ ничтожествѣ, много объ себѣ думаютъ и много себѣ позволяютъ. Но по глупости своей, которая въ ихъ кругѣ врожденная, не могутъ никакъ скрыть своихъ хитростей.

Анфиса Карповна.

Вы ужь очень мудрено говорите.

Пульхерія Андревна.

Кажется, вамъ бы можно понять; теперь же у васъ такое дѣло, которое требуетъ съ вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна.

Что же такое за дѣло? Что я хочу сына женить, такъ это дѣло очень обыкновенное.

Пульхерія Андревна.

А ежели есть люди, которымъ это очень не нравится?

Анфиса Карповна.

А мнѣ-то что за дѣло!

Пульхерія Андревна.

Ежели бы не было дѣла, развѣ бы я къ вамъ пришла?

Анфиса Карповна.

Пустяки какіе нибудь.

Пульхерія Андревна.

Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вамъ скажу, что не пустяки. Еслибъ пустяки, я бы къ вамъ не по-

шла. Я должна была переломить себя, чтобы идти къ вамъ; а ежели бы были пустяки, для чего бы мнѣ переламывать себя и идти къ вамъ?

Анфиса Карповна.

Ну такъ скажите, коли знаете что.

Пульхерія Андревна.

Разумѣется, знаю.

Анфиса Карповна.

Что же такое?

Пульхерія Андревна.

Я вамъ говорила про одну дѣвушку.

Анфиса Карповна.

Помню, помню.

Пульхерія Андревна.

Ну, такъ онѣ хотятъ помѣшать вашему намѣренію. Я у нихъ нынче была, онѣ мнѣ объ этомъ говорили. Я притворилась, что ихъ слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я стерпѣть, чтобы какая нибудь мѣщанка сдѣлала такую непріятность благородной дамѣ? Онѣ воображаютъ, что я могу быть съ ними заодно; но онѣ очень ошибаются.

Анфиса Карповна.

Да чѣмъ же онѣ могутъ помѣшать?

Пульхерія Андревна.

Ахъ, Боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдутъ къ невѣстѣ въ домъ, ну,—и разскажутъ все.

Анфиса Карповна.

Да что же все-то?

Пульхерія Андревна.

Какого Прохоръ Гаврилычъ поведенія, и разные другіе поступки.

Анфиса Карповна.

Да кто же имъ повѣритъ?

Пульхерія Андревна.

Отчего же не повѣрить?

Анфиса Карповна.

Да стоитъ только взглянуть на моего сына, чтобъ не повѣрить никакимъ сплетнямъ. А они его часто видятъ; вотъ онъ и теперь къ нимъ поѣхалъ.

Пульхерія Андревка.

Что же ужь вы такъ очень высокаго мнѣнія объ вашемъ сынѣ?

Анфиса Карповна.

Да если онъ этого стоитъ.

Пульхерія Андревна.

Ну, а на счетъ крѣпкихъ напитковъ-то, что вы скажете?

Анфиса Карповна.

Кто же его видѣлъ пьянымъ?

Пульхерія Андревна.

Вотъ прекрасно! Да я думаю, всѣ видали. Трезвымъ-то рѣдко видятъ, а пьянымъ-то чуть не каждый день.

Анфиса Карповна.

Такъ затѣмъ-то вы пришли, чтобъ моего сына мнѣ въ глаза позорить?

Пульхерія Андревна.

Хотя и не затѣмъ; но что же дѣлать, когда вы такъ

ослѣплены? Должна же я вамъ выразить то, что всѣ объ немъ знаютъ.

Анфиса Карповна.

Вы можете это про себя знать, а я впередъ этого слушать не желаю и покорнѣйше васъ прошу...

Пульхерія Андревна *(встаетъ).*

Не безпокойтесь, не безпокойтесь! Я ужь давно сама себя внутренно проклинаю, что мнѣ пришло въ мысль зайти къ вамъ. Я хотѣла для вашей пользы...

Анфиса Карповна.

Да сдѣлайте одолженіе, не нужно...

Пульхерія Андревна.

И если же послѣ этого, когда нибудь нога моя...

Анфиса Карповна.

Очень, очень будемъ рады.

Пульхерія Андревна *(уходя).*

Не пришлось бы и мнѣ кланяться.

Анфиса Карповна *(провожая ее).*

Да дай-то, Господи!

Пульхерія Андревна *(изъ двери).*

Осыпь меня, кажется, золотомъ, такъ ужь я къ вамъ никогда! *(Скрывается).*

Анфиса Карповна *(въ дверяхъ).*

Я молебенъ отслужу.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.
ОЛИНЬКА.
ПУЛЬХЕРІЯ АНДРЕВНА.
ПРОХОРЪ ГАВРИЛЫЧЪ.
ВАВИЛА ОСИПЫЧЪ.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Татьяна Никоновна и Олинька *(сидятъ за столомъ и шьютъ)*.

Олинька.

Нейдетъ что-то наша Пульхерія Андревна.

Татьяна Никоновна.

Мало ли у ней дѣла-то! У ней вѣдь опека большая, не однѣ мы съ тобой. Развѣ скоро всю нашу Полестину-то обходишь! А она ужь какъ вышла изъ дому, такъ всѣхъ знакомыхъ навѣститъ.

Олинька.

Ужь она, чай, все разнюхала; хоть бы разсказала пришла.

Татьяна Никоновна.

Что-то ты ужъ очень слободно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердцѣ скребутъ....

Олинька.

Ровнехонько таки-ничего.

Татьяна Никоновна *(взглянувъ въ лицо Олиньки).*

Повѣрю я тебѣ, какъ же! Такъ только куражишь себя.

Олинька.

Да, пожалуй, не вѣрьте; мнѣ-то какая надобность! Вы, можетъ быть, по тому такъ заключаете, что я вчера плакала?

Татьяна Никоновна.

А хоть бы и потому.

Олинька.

Такъ это только одна глупость была съ моей стороны. Не стоитъ вниманія жалѣть-то его. Вообразила я себѣ съ дуру-то, что онъ на мнѣ женится: оттого и обидно стало. А такъ-то не велика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчасъ.

Татьяна Никоновна.

Ты что еще придумываешь? Смотри у меня!

Олинька.

Ничего. Не безпокойтесь!

Татьяна Никоновна.

То-то ничего! Я тебя замужъ выдамъ и таки-скорёхонько.

Олинька.

За кого это, позвольте спросить? За мастероваго за какого нибудь?

Татьяна Никоновна.

А хоть бы и за мастероваго.

Олинька.

Нѣтъ, ужь увольте, сдѣлайте милость. Идти ли, нѣтъ ли — за благороднаго; а то такъ и не надо.

Татьяна Никоновна.

Мало бы ты чего захотѣла! А коли благородныхъ-то не припасено для тебя...

Олинька.

Не припасено, такъ и не надо. Проживу и такъ.

Татьяна Никоновна.

Да я-то не хочу, чтобъ ты такъ жила да вѣтреничала.

Олинька.

Все будетъ по вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мнѣ рисунокъ, какъ жить, такъ точно я и буду.

Татьяна Никоновна.

Рисовать нечего. Потому что узоры не мудреные. *(Входитъ Пульхерія Андревна и садится).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

Пульхерія Андревна.

Ну, можете себѣ представить, какъ я узнала...

Татьяна Никоновна.

Здравствуйте!

Олинька.

Какъ дѣла?

Пульхерія Андревна.

А вотъ сейчасъ разскажу все по порядку. Ну, вотъ-съ: вѣдь была я тамъ, у невѣсты-то...

Олинька.

Были?

Пульхерія Андревна.

Была. Даже только сейчасъ отъ нихъ.

Олинька.

Какимъ же это манеромъ?

Пульхерія Андревна.

А вотъ какимъ: у сосѣдки нашей продается шаль, презентъ, — понимаете ли. Такъ какъ много ей этихъ презентовъ дѣлаютъ, такъ она половину продаетъ. Ну, вотъ подхватила я эту шаль въ охапку, да и маршъ къ Шишанчиковымъ. Шишанчиковы имъ фамилія-то. Направляю это туда стопы свои да и думаю: приду будто продавать, а тамъ распущу разговоръ, не выгонятъ же. Мнѣ только бы въ домъ взойдти! Такъ точно и случилось! Прихожу, докладываютъ; выходитъ ко мнѣ сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговоръ: я, говорю, сама благородная дама, наслышана объ васъ, что вы дочку отдаете, такъ пріятно будетъ для меня услужить вамъ. Повѣрьте, говорю, что я не изъ интересу, а собственно для васъ; ну, и пошла дальше да больше, ужь я за словомъ въ карманъ не полѣзу. Просятъ меня кофеемъ, я располагаюсь, какъ дома. Только мнѣ старуха-то и говоритъ: «это точно, я было, говоритъ, дочь просватала, да теперь у насъ, кажется, это дѣло должно разойтись».

Татьяна Никоновна и Олинька.

Какъ такъ? Что вы говорите?

Пульхерія Андревна.

А вотъ слушайте! «Вчерашній, говоритъ, день насъ женихъ въ большое сомнѣніе ввелъ». А онъ, знаете ли, какую штуку откололъ! Поѣхалъ изъ дому-то ужь выпивши, съ пріятелемъ со своимъ, съ подрядчикомъ, да видно имъ мало показалось, такъ они еще по разнымъ мѣстамъ заѣзжали. Гдѣ ужь они тамъ плутали, это не извѣстно; только къ невѣстѣ-то онъ явился ужь часу въ одинадцатомъ и все съ этимъ Вавилой Осипычемъ. Ну, можете себѣ представить, каковы соколы налетѣли! Старуха-то мнѣ и говоритъ: «поглядимъ на нихъ съ дочерью, поглядимъ, да выдемъ, говоритъ, въ другую комнату, потолкуемъ—потолкуемъ, да опять придемъ, поглядимъ; да опять выдемъ—потолкуемъ. Нѣтъ, видимъ, дѣло не годится, такъ и ушли къ себѣ и легли спать; какъ ужь они уѣхали, и не знаемъ». Ну ужь, Татьяна Никоновна, и напѣла же я имъ! Я, говорю, ваши рѣчи послушала, теперь слушайте моихъ! Да ужь и отчитала его, друга милаго! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такія слова, самыя поразительныя! Онѣ тутъ же при мнѣ написали записку съ отказомъ и послали ему съ человѣкомъ. Сегодня суббота: онъ въ присутствіе не ходитъ, такъ ужь теперь онъ ее и получилъ давно; я таки у нихъ еще съ полчаса послѣ этого посидѣла.

Татьяна Никоновна.

Теперь вѣдь гляди, сюда придетъ.

Олинька.

Сегодня же придетъ, ужь я его знаю. *(Задумывается).*

Татьяна Никоновна.

Что ты задумалась?

Олинька.

Да надобно язвительныхъ словъ побольше придумать.

Татьяна Никоновна.

Придумывай, придумывай! И я послѣ подбавлю. Что, дурочка, рада, небось?

Олинька.

Да разумѣется рада; только погодите, маменька, не мѣшайте! Слова-то въ головѣ, одно за другимъ, такъ и вьются клубкомъ, только бы не забыть.

Пульхерія Андревна.

А ужь какъ я довольна, Татьяна Никоновна, что имъ форсъ-то сбили! А то бы съ ними и не сговорилъ. Теперь спѣси-то у нихъ поубудетъ вершка на два.

Татьяна Никоновна (*взглянувъ въ окно*).

Никакъ, ѣдетъ? Онъ! Онъ! Да и съ купцомъ.

Пульхерія Андревна.

Вы меня спрячьте куда нибудь! Не хотѣлось бы мнѣ, чтобъ онъ меня здѣсь видѣлъ.

Татьяна Никоновна.

А вотъ пожалуйте за перегородку! (*Пульхерія Андревна уходитъ*). Ну, Олинька, теперь поругать его хорошенько да и прогнать. Поставить на порогъ, да въ три шеи до воротъ.

Олинька.

Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успѣемъ.

Татьяна Никоновна.

А что же?

Олинька.

А надобно его жениться заставить, вотъ что!

Татьяна Никоновна.

Ужь ты, дѣвка, больно ловка хочешь быть!

Олинька.

Чего жъ зѣвать-то! Дураковъ-то ужь нынче, говорятъ, меньше стало; еще жди, скоро ли другой-то набѣжитъ. *(Васютинъ входитъ и останавливается въ дверяхъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Татьяна Никоновна, Олинька и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ *(въ дверяхъ).*

Смотри же, Вавило Осипычъ, ты подожди!

Олинька.

Я даже, маменька, не могу понять, какъ это могутъ люди не имѣть совсѣмъ совѣсти! Надѣлаютъ въ жизни столько гадостей, и не стыдно имъ людямъ въ глаза смотрѣть!

Татьяна Никоновна.

Разные люди-то бываютъ. У иного стыдъ есть, а другому хоть ты колъ на головѣ теши, такъ ему все равно.

Прохоръ Гаврилычъ *(садится).*

Ну да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ-то?

Олинька.

Намъ и знать-то не нужно. Мы и думать-то про васъ забыли.

Татьяна Никоновна.

Непрошенный гость хуже татарина.

Прохоръ Гаврилычъ.

А вѣдь я жениться-то раздумалъ.

Олинька.

Какое же намъ до этого дѣло! Женитесь вы или не женитесь, намъ рѣшительно все равно.

Татьяна Никоновна.

Да полно, сами ли раздумали?

Олинька.

Не карету ли подали?

Прохоръ Гаврилычъ.

Кому это карету? Мнѣ-то? Посмотрѣлъ бы я! Я самъ не захотѣлъ. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я еще всегда успѣю. Невѣстъ, что ли, мало въ Москвѣ-то!

Татьяна Никоновна.

Да-съ, да-съ! Что вамъ за охота себя связывать! *(Обѣ хохочутъ).*

Прохоръ Гаврилычъ.

Да вы что смѣетесь-то! Вы, значитъ, человѣка цѣнить не умѣете. Почемъ вы знаете, можетъ быть я изъ любви къ ней *(показываетъ на Олиньку)* не женился?

Татьяна Никоновна.

Не захотѣли дѣвушку обидѣть. Это очень хорошо съ вашей стороны. *(Хохочутъ).*

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, да! Что жъ такое! Оттого и не женился. Тебя не захотѣлъ обидѣть, оттого и не женился. Вотъ я каковъ! Захотѣлъ тебѣ доказать, что люблю тебя, и доказалъ. Ужь какая была невѣста,—прелесть! Не хочу, говорю, да и все тутъ. Олинька, говорю, дороже для меня всего на свѣтѣ.

Олинька.

Очень много вамъ за это благодарна!

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ маменькѣ и говорю: «невѣста влюблена въ меня; ну, и пускай она страдаетъ! А я Олиньку ни на кого не промѣняю».

Татьяна Никоновна.

Такъ вы мою дочку очень любите?

Прохоръ Гаврилычъ.

Да нельзя ее и не любить, Татьяна Никоновна! Я вамъ вотъ что скажу: никого я такъ не любилъ, да никогда и любить не буду. Ее озолотить надо: вотъ какая она дѣвушка!

Олинька.

Какія вы жестокости говорите.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что за жестокости! У меня ужь такой характеръ. Коли я кого полюбилъ, я ужь ничего не пожалѣю. Что только душѣ угодно, я сейчасъ. Деньги я считаю ни за что.

Олинька.

Нѣтъ, ужь это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вамъ отвѣчать на такія нѣжности. Помилуйте, стою ли я такой любви отъ васъ?

Татьяна Никоновна.

Чего добраго, ты, смотри, къ нему на шею не кинься за такія благодѣянья!

Олинька.

Да ужь и то, маменька, на силу могу совладать съ своими чувствами! *(Хохочетъ)*. Вотъ какъ насъ любятъ, маменька!

Татьяна Никоновна.

Очень вамъ, батюшка, благодарны. *(Кланяется)*.

Олинька.

Вы всю свою любовь выразили, или еще что-нибудь осталось?

Прохоръ Гаврилычъ.

Я могу и на дѣлѣ доказать.

Олинька.

Очень сожалѣемъ, что ваша любовь пришла не ко времени.

Прохоръ Гаврилычъ.

Отчего же не ко времени?

Олинька.

Немного поздно вы хватились. Я выхожу замужъ.

Татьяна Никоновна.

Да, батюшка, я ей жениха нашла.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ замужъ? За кого?

Татьяна Никоновна.

Ужь это, батюшка, наше дѣло.

Прохоръ Гаврилычъ.

Не можетъ быть! Вы, должно быть, нарочно.

Татьяна Никоновна.

Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ,—это дѣло ваше. Только, батюшка, вотъ что: вы ужь не безпокойте себя, не ходите къ намъ.

Олинька.

Да, ужь сдѣлайте такую милость, я васъ прошу.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да когда жъ вы это успѣли?

Татьяна Никоновна.

Долго ли, батюшка! Олинька, тебѣ одѣться надо!

Олинька.

Да, маменька. Я думаю, скоро женихъ придетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Такъ у васъ, значитъ, кончено?

Татьяна Никоновна.

Кончено, батюшка, кончено. Да и въ комнатѣ-то нужно прибрать.

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, какъ хотите, а я не пойду отсюда.

Татьяна Никоновна.

Такъ благородные люди не дѣлаютъ. Пришли неизвѣстно зачѣмъ, усѣлись, какъ дома, и выгнать васъ нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что хотите, требуйте отъ меня, берите съ меня, что хотите, только не выходи замужъ. Я ни за чѣмъ не постою. Ты знаешь, какъ я привыкъ къ тебѣ; я безъ тебя съ ума сойду.

Олинька.

Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочетъ.

Татьяна Никоновна.

Отчего бы ты не пошла?

Олинька.

Вы сами знаете.

Татьяна Никоновна.

Знаю, знаю. Противъ тебя подлости дѣлаютъ, а ты все готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься объ немъ, а онъ и взгляду-то твоего не стоитъ. Прощайте, батюшка!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, постойте! Развѣ она плачетъ обо мнѣ?

Татьяна Никоновна.

Разумѣется, плачетъ. Это она при васъ нарочно виду не подаетъ, веселой прикидывается; а безъ васъ, посмотрите-ко, что дѣлаетъ... Да вы насъ когда же въ покоѣ-то оставите?

Прохоръ Гаврилычъ.

Сейчасъ, сейчасъ! Такъ, значитъ, ты меня любишь? Да это я всегда зналъ.

Олинька.

Конечно люблю; но маменька, узнавши все это, непремѣнно хочетъ, чтобы я шла замужъ. Я изъ воли маменькиной не выйду; я и такъ чувствую себя, что я противъ нея много виновата.

Татьяна Никоновна.

Да, ужь я теперь ее ни на шагъ не отпущу отъ себя, пока замужъ не выдамъ.

Олинька.

Само собою, что я по своей любви къ тебѣ не могу тебя равнодушно оставить; кажется бы вѣкъ не разсталась...

Татьяна Никоновна.

На то я и мать, чтобы смотрѣть за тобой! Да что жъ вы нейдете! Будетъ ли этому конецъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Не пойду я отъ васъ, и свадьбы вашей не бывать; я самъ женюсь на ней.

Татьяна Никоновна.

А когда это случится? Послѣ дождичка въ четвергъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, черезъ мѣсяцъ.

Татьяна Никоновна.

Долго ждать, батюшка! Въ мѣсяцъ много воды утечетъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, да ужь вы повѣрьте мнѣ.

Олинька.

Повѣрить-то нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Отчего же?

Олинька.

Оттого, что ты все врешь. Вѣдь ты намъ тутъ что наговорилъ; а мы все знаемъ. Знаемъ, какъ ты вчера къ невѣстѣ пьяный прiѣзжалъ, какъ тебѣ нынче поутру записку прислали.

Татьяна Никоновна.

Вотъ, значитъ, вамъ вѣрить-то и нельзя.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну да вотъ что: съ отцомъ мнѣ нечего много толковать, мнѣ только маменьку уговорить. Значитъ, я вамъ черезъ полчаса дамъ отвѣтъ. Коли маменька согласна, какъ хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна.

Черезъ полчаса—ужъ очень скоро; зачѣмъ такъ торопиться? А вотъ если къ вечеру вы намъ не дадите отвѣту, такъ мы ее вечеромъ образомъ благословимъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, такъ до свиданья! Прощай, Олинька! *(Цѣлуетъ ее).*

Олинька *(провожая его).*

Ты только никуда съ купцомъ-то не заѣзжай!

Прохоръ Гаврилычъ.

Нѣтъ, я прямо домой. *(Уходитъ).*

Татьяна Никоновна.

Ужъ теперь, должно быть, не сорвется.

Олинька.

Да, похоже на то. А вѣдь я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна.

Еще бы! Только, охъ — какъ пустъ малый-то!

Олинька.

Все-таки лучше мастероваго.

Татьяна Никоновна.

Что говорить!

Олинька.

А вотъ я его послѣ свадьбы-то къ рукамъ приберу. *(Входитъ Пульхерія Андревна).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Пульхерія Андревна.

Пульхерія Андревна.

Ну что, прогнали?

Татьяна Никоновна.

Зачѣмъ гнать! Добрыхъ людей не гоняютъ.

Пульхерія Андревна.

Давно ли это онъ сталъ для васъ добрый человѣкъ?

Олинька.

Онъ всегда былъ добрый человѣкъ, только онъ немножко разсѣянъ.

Пульхерія Андревна.

Изъ вашихъ словъ я замѣчаю, что вы съ нимъ помирились. Это для меня очень странно! Послѣ всего того, что онъ противъ васъ сдѣлалъ, я бы на вашемъ мѣстѣ его и на глаза къ себѣ не пустила.

Олинька.

Ужь повѣрьте, что я бы тоже сдѣлала. Но онъ показалъ себя очень съ благородной стороны противъ меня. Даже въ нынѣшнемъ свѣтѣ очень не много такихъ людей.

Пульхерія Андревна.

Я ужь не пойму этого, извините меня.

Татьяна Никоновна.

Что жъ тутъ не понять-то! Очень просто. Онъ женится на Олинькѣ.

Пульхерія Андревна.

Онъ! На Олинькѣ! Вы шутите, или смѣетесь надо мной?

Татьяна Никоновна.

Нисколько не думаемъ. Да и что же это для васъ такъ удивительно! Что вы тутъ такого страннаго находите, хотѣла бы я знать?

Пульхерія Андревна.

Да что же онъ, помѣшался, что ли, отъ пьянства-то?

Татьяна Никоновна.

Изъ чего это вы заключаете, что онъ помѣшался?

Пульхерія Андревна.

Да изо всего.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, однако?

Пульхерія Андревна.

Да развѣ въ здравомъ умѣ можно такія дѣла сдѣлать?

Олинька.

Хотѣлъ же онъ жениться на другой; отчего жъ ему на мнѣ не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже другихъ.

Пульхерія Андревна.

Все-таки онъ не долженъ марать своего званія.

Олинька.

Да чѣмъ же это марать-то?

Татьяна Никоновна.

Да васъ-то мужъ взялъ, развѣ вы были лучше Олиньки?

Пульхерія Андревна.

Тогда были совсѣмъ другія понятія объ жизни, чѣмъ теперь.

Татьяна Никоновна.

Значитъ, вамъ не нравится, что Васютинъ женится на моей дочери?

Пульхерія Андревна.

Разумѣется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна.

Ну, извините, что, не спросясь васъ, дѣло сдѣлали! Впередъ будемъ спрашиваться. Какъ это мы оплошали, я ужь и не знаю! Съ такой умной дамой да не посовѣтовались! Да и онъ-то какъ осмѣлился безъ вашего позволенія, для меня удивительно! Ему бы къ вамъ придти, да спросить: что, молъ, мнѣ, Пульхерія Андревна, жениться на Олинькѣ или нѣтъ?

Пульхерія Андревна.

Вы мнѣ колкостей не говорите! Я отъ васъ ихъ слушать не желаю.

Татьяна Никоновна.

А мы-то, вы думаете, желаемъ васъ слушать? Да съ чего вы взяли намъ свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то передъ нами!

Олинька.

Оставьте, маменька! Пущай говорятъ, что хотятъ.

Татьяна Никоновна.

Нѣтъ, погоди! Я тебя въ обиду никому не дамъ. Это ужь и на свѣтѣ жить не надо, коли у себя въ домѣ да надъ собой же ругаться позволить.

Пульхерія Андревна (*встаетъ*).

Вы, по своему необразованію, можете ругаться; а я никогда себѣ этого не позволю, потому что считаю за невѣжество. А я все-таки вамъ скажу и всегда буду го-

ворить, что ваша дочь никакимъ образомъ не пара Васютину.

Татьяна Никоновна.

Говорить вамъ никто не запрещаетъ. Говорите, что хотите, только гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а не у насъ.

Пульхерія Андревна.

Вамъ только такихъ дураковъ и опутывать, какъ Васютинъ.

Олинька.

Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна.

Экъ, вамъ чужое-то счастье поперекъ горла становится. Да еще погодите, мы вамъ то ли покажемъ! Вотъ мы съ дочерью-то разодѣнемся, да будемъ въ коляскѣ на своихъ лошадяхъ разъѣзжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерія Андревна.

Вы и сидѣть-то въ коляскѣ не умѣете.

Татьяна Никоновна.

Къ вамъ учиться не пойдемъ, не безпокойтесь!

Пульхерія Андревна.

Не объ чемъ мнѣ безпокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна.

А покойны, такъ и прекрасно. Вы бы и насъ-то тоже въ покоѣ оставили!

Пульхерія Андревна.

И оставлю. Я секунды не могу остаться послѣ такихъ оскорбительныхъ для меня словъ.

Татьяна Никоновна.

Да ужь и напредки-то...

Пульхерія Андревна.

Само собою. (*Подходя къ двери*). Нѣтъ, какова нынче благодарность! Вѣдь это если людямъ сказать, такъ не повѣрятъ. По чьей милости Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна

Небось, по вашей? Да если бы и по вашей, такъ все-таки вы не для насъ дѣлали; да никто васъ объ этомъ и не просилъ, а такъ, свое сердце тѣшили. Развѣ вы можете жить безъ кляузовъ?

Пульхерія Андревна.

Что же я, аспидъ, по вашему? Покорно васъ благодарю за такое мнѣніе.

Татьяна Никоновна.

Не стоитъ бладодарности. Чего другаго, а за этимъ у меня дѣло не станетъ.

Пульхерія Андревна.

Нѣтъ, ужь это нестерпимо даже, какъ вы себѣ много воли даете!

Татьяна Никоновна.

Да кого жъ мнѣ въ своемъ домѣ бояться! Кто чего стоитъ, такъ я и цѣню.

Пульхерія Андревна.

Я всегда дороже васъ была и буду.

Татьяна Никоновна.

Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходили, гдѣ васъ высоко-то цѣнятъ! А мы народъ неблагодарный, вашихъ благодѣяніевъ не чув-

ствуемъ, благородствомъ вашимъ не нуждаемся,--такъ что вамъ за охота съ нами знакомство водить!

Пульхерія Андревна.

Ну, ужь теперь кончено! Теперь я васъ очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна.

И слава Богу!

Пульхерія Андревна.

Такъ поняла, что даже считаю ваше знакомство низкимъ для себя!

Татьяна Никоновна.

Ну, а низко, такъ и танцуйте отъ насъ!

Пульхерія Андревна.

Вотъ воспитаніе!

Татьяна Никоновна.

Извините! Въ другой разъ придете, такъ поучтивѣе прогонимъ.

Пульхерія Андревна.

До чего я себя довела! Гдѣ я? Боже мой! Сколько еще въ нашей сторонѣ невѣжества, такъ это и описать нельзя! И съ такими-то понятіями люди, да еще находятъ жениховъ изъ благороднаго званія! Должно быть, конецъ свѣта скоро будетъ. (*Въ дверяхъ*). Хотя я себя никакъ съ вами не равняю, но все-таки я вашей обиды не забуду. (*Уходитъ*).

Татьяна Никоновна (*подойдя къ двери*).

Танцуйте, танцуйте! (*Дочери*): Ну, ужь теперь долго не придетъ. Отчитала я ее, будетъ помнить!

Олинька.

Сами безъ нея соскучитесь. (*Глядитъ въ окно*).

Татьяна Никоновна.

Ну, нѣтъ, не скоро. Грѣшная я: точно поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мнѣ есть съ кѣмъ разговоры развести; да ужь ехидствомъ-то своимъ она меня доѣхала. Съ ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

Олинька.

Такъ, смотрю.

Татьяна Никоновна.

Что скрывать-то! Друга милаго поджидаешь. А онъ, гляди, кантуетъ теперь гдѣ-нибудь съ купцомъ съ этимъ, и думать о тебѣ забылъ.

Олинька.

А вотъ ошиблись. Идетъ.

Татьяна Никоновна.

Ужь-ли идетъ?

Олинька.

Право!

Татьяна Никоновна.

Ну, что-то Богъ дастъ! У меня, дѣвушка, сердце такъ и застучало.

Олинька.

И у меня тоже, маменька. (*Васютинъ входитъ. Обѣ молча глядятъ на него*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Прохоръ Гаврилычъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Что вы на меня такъ смотрите?

Татьяна Никоновна.

Ждемъ, что скажешь. Развѣ не видишь: у насъ духъ захватило?

Прохоръ Гаврилычъ.

Что говорить-то! Теперь ужь вашъ, хоть въ телегу запрягайте! (*Олинька бросается къ нему на шею*).

Татьяна Никоновна.

Поцѣлуй ужь и меня, старуху. (*Цѣлуетъ его*). Ну, вотъ и ладно! Ныньче же мы васъ и благословимъ; а черезъ недѣльку и свадьбу сыграемъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Какъ хотите. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ для меня лучше. Обвѣнчался да и къ сторонѣ, чтобъ меньше разговору было.

Татьяна Никоновна.

Ужь само собой. Ну что, какъ дома-то уладилъ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Насилу маменьку уговорилъ. Ужь чего-чего я не прибиралъ! Да послѣ вчерашняго-то голова болитъ, такъ мыслей никакъ не соберу; а то бы я ей не то наговорилъ. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я въ тоску впалъ. Знаете, говорю, что̀ отъ тоски человѣкъ дѣлаетъ, къ чему его тянетъ?». Ну, и испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

Олинька.

Да это еще лучше.

Прохоръ Гаврилычъ.

Да и для меня свободнѣе. Ну, потомъ разсмѣшилъ ее, ручки у ней расцѣловалъ. Благословила она меня, я къ вамъ и пошелъ.

Татьяна Никоновна.

Ахъ, голубчикъ мой! Ну ужь я за тобой теперь стану ухаживать что твоя родная мать.

Олинька.

Надо бъ тебя поругать, надо бы; ну, да ужь Богъ съ тобой.

Прохоръ Гаврилычъ.

А за что это?

Олинька.

А за то, что ты мнѣ измѣнить хотѣлъ. Вѣдь что ты выдумалъ-то! На образованной барышнѣ жениться! Вопервыхъ, ты всю мою душу истерзалъ, а во-вторыхъ, глупость-то какая съ твоей стороны! Маменька, ужь какъ мнѣ обидно было, что онъ меня обманываетъ, какъ досадно, что онъ дурака изъ себя разыгрываетъ. Нѣтъ, погоди, я тебѣ еще это вымещу. Вѣдь куда и лѣзетъ-то! Ну, пара ли она тебѣ?

Прохоръ Гаврилычъ.

Чтожъ такое! Я самъ...

Олинька.

Что ты самъ? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты баринъ? Съ которой стороны? Только денегъ-то награбили, да ужь и думаете объ себѣ, что вамъ всѣ покоряться должны.

Прохоръ Гаврилычъ.

Коли ты такъ обо мнѣ думаешь, какая же можетъ быть у тебя любовь ко мнѣ! Да и мнѣ чтожъ за охота...

Олинька.

Погоди, не перебивай! Дай ты мнѣ высказать-то все: сердце свое облегчить, чтобы зла не оставалось, а потомъ ужь всѣ цѣловаться будемъ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Ну, болтай, пожалуй, коли языкъ чешется!

Олинька.

Ну, положимъ, что ты женился бъ на ней; чтожъ бы вышло изъ этого хорошаго? Если у ней вольный духъ, такъ она смѣялась бы надъ тобой да любовника завела; а если смирная, такъ изсохла бы, глядя на тебя. А вѣдь ужь я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умѣю, и гостей твоихъ знаю, какъ принимать, да еще и вкусу тебя научу, какъ одѣваться и какъ вести себя благороднѣй. А ты-было меня совсѣмъ бросить хотѣлъ! Ну, какой же ты человѣкъ послѣ этого! (*Плачетъ*).

Прохоръ Гаврилычъ.

Прости! Вѣдь по нашей жизни замотаешься; а тутъ еще маменька пристаетъ.

Олинька.

Ну, Богъ съ тобой! Разстроила только я себя. Давай, помиримся. (*Цѣлуются*).

Татьяна Никоновна.

Вотъ такъ-то лучше! Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!

Прохоръ Гаврилычъ.

Что это, Вавило Осипычъ нейдетъ? (*Вавила Осипычъ входитъ съ кулькомъ вина*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Вавила Осипычъ.

Купецъ.

А вотъ и я здѣсь! Хозяюшкѣ наше почтеніе! Барышня, желаю здраствовать. (*Кланяется*).

Прохоръ Гаврилычъ.

Что ты замѣшкался?

Купецъ.

А я забѣжалъ, кулечикъ винца захватилъ. Хозяюшка, нѣтъ ли какой посудины? Коли бокальчиковъ нѣтъ, такъ изъ чайной чашки можно; намъ случалось не разъ, мы народъ бывалый.

Татьяна Никоновна.

Какъ бокальчиковъ не быть! (*Уходитъ за перегородку*).

Купецъ.

А ужь штопоръ, барышня, я завсегда съ собой ношу. У меня складной, съ ножичкомъ, да теперь его и не требуется. Только ножичекъ нужно. Я, баринъ, велѣлъ и смолку сбить и проволоку отвернуть; только веревочки подрѣзать — и конецъ. (*Вынимаетъ изъ кармана штопоръ.*)

Татьяна Никоновна (*приноситъ стаканы на подносѣ*).

Вотъ, батюшко, стаканчики!

Купецъ.

Стаканчикомъ-то оно еще способнѣе! (*Откупориваетъ, наливаетъ и подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ*). Честь имѣемъ поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

Татьяна Никоновна.

Охъ, много!

Купецъ.

Пожалуйте, безъ церемоніи-съ!

Татьяна Никоновна (*беретъ стаканъ*).

Ну, дай вамъ Богъ всякой радости. (*Цѣлуется съ Васютинымъ и дочерью, отпиваетъ немного*).

Купецъ (*не принимая стакана*).

Просимъ обо всей-съ!

Татьяна Никоновна.

Тяжело, батюшка!

Купецъ.

Ничего-съ. Не хмѣльное, пройдетъ. (*Татьяна Никоновна допиваетъ и отдаетъ стаканъ. Онъ наливаетъ и подноситъ Олинькѣ*). Пожалуйте-съ.

Олинька.

Я не пью.

Купецъ.

Нельзя-съ!

Олинька.

Право, не могу.

Купецъ.

Никакъ невозможно-съ.

Татьяна Никоновна.

Выпей немножко! (*Олинька цѣлуется съ Васютинымъ и отпиваетъ немного.*)

Купецъ.

Этого нельзя-съ. Зла не оставляйте-съ!

Олинька.

Я васъ увѣряю, что не могу.

Купецъ.

Пожалуйте! Не задерживайте-съ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Выпей, поневолься! (*Олинька допиваетъ*).

Купецъ (*наливаетъ и подноситъ Васютину*)

Пожалуйте-съ.

Прохоръ Гаврилычъ.

Маменька, за ваше здоровье! Олинька, за твое здоровье! (*Цѣлуется и пьетъ.*)

Купецъ (*наливаетъ*).

Вотъ теперь я самъ выпью-съ! Честь имѣемъ, на многія лѣта! Чтобы вамъ богатѣть, а намъ на васъ радоваться, да завсегда компанію водить! (*Пьетъ и цѣлуется со всѣми*). Очненно пріятно-съ! Ужь мы теперь, хозяюшка, къ вамъ каждый вечеръ.

Татьяна Никоновна.

Милости просимъ, батюшко!

Прохоръ Гаврилычъ.

Мы, маменька, теперь ужь ваши гости.

Купецъ.

Мы здѣсь гнѣздушко совьемъ! Только вы, хозяюшка, на счетъ провіанту не безпокойтесь на будущее время, — это ужь моя забота. Я къ вамъ завтрашняго числа заразъ побольше привезу, чтобъ надолго хватило. (*Откупориваетъ еще бутылку и наливаетъ.*)

Прохоръ Гаврилычъ.

Опять тѣмъ же порядкомъ!

Купецъ.

Какъ водится. Сначала дамамъ.

Татьяна Никоновна.

Батюшко, увольте!

Купецъ.

Ужь это, Прохоръ Гаврилычъ, такъ чинъ чиномъ по порядку у насъ линія и пойдетъ. (*Подноситъ Татьянѣ Никоновнѣ.*)

Татьяна Никоновна.

Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

Купецъ.

Не задерживайте-съ!

ВОСПИТАННИЦА.

ВОСПИТАННИЦА.

ЛИЦА:

УЛАНБЕКОВА, старуха лѣтъ подъ 60, высокаго роста, худая, съ большимъ носомъ, черными, густыми бровями; типъ лица восточный, небольшіе усы. Набѣлена, нарумянена, одѣта богато, въ черномъ. Помѣщица 2000 душъ.

ЛЕОНИДЪ, ея сынъ, 18-ти лѣтъ, очень красивъ, немного похожъ на мать. Одѣтъ по лѣтнему. Учится въ Петербургѣ.

ВАСИЛИСА ПЕРЕГРИНОВНА, приживалка, дѣвица 40 лѣтъ. Волосъ мало, проборъ косой, коса зачесана высоко, съ большой гребенкой. Постоянно коварно улыбается и страдаетъ зубами; желтая шаль около самаго горла заколота булавкой.

ПОТАПЫЧЪ, старый дворецкій. Галстухъ и жилетъ бѣлые, фракъ черный. Съ виду важенъ.

НАДЯ, 17-ти лѣтъ, любимая воспитанница Уланбековой, одѣта, какъ барышня.

ГАВРИЛОВНА, ключница, пожилая женщина, полная, съ открытымъ лицомъ.

ГРИША, мальчикъ лѣтъ 19-ти, любимецъ барыни, одѣтъ франтомъ часы съ золотой цѣпочкой. Красивъ, волосы кудрявые, выраженіе лица глупое.

НЕГЛИГЕНТОВЪ, приказный, очень грязный молодой человѣкъ.

ЛИЗА, горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; въ бѣломъ платьѣ, лифъ котораго коротокъ и сидитъ неловко, на шеѣ маленькій красный платочекъ, волосы очень напомажены.

КРЕСТЬЯНСКАЯ ДѢВУШКА, ЛАКЕЙ и **ГОРНИЧНАЯ** безъ рѣчей.

(*Дѣйствіе происходитъ весной, въ подгородной усадьбѣ Уланбековой*).

I.

Часть густаго сада, съ правой стороны скамейки, на заднемъ планѣ рѣшетка, отдѣляющая садъ отъ поля.

ЯВЛЕНІЕ I.

Входятъ Надя и Лиза.

Надя.

Нѣтъ, Лиза, ты этого не говори: какое же можетъ быть сравненіе жить въ деревнѣ али въ городѣ!

Лиза.

Какая же такая особенная жизнь въ городѣ?

Надя.

Тамъ ужь все другое; и люди не тѣ, да и порядокъ совсѣмъ другой. (*Садится на скамью*). Когда мы были съ барыней въ Петербургѣ, такъ это только поглядѣть надобно было, какіе къ намъ господа ѣздили, и какъ у насъ было убрано въ комнатахъ; опять же барыня вездѣ брала меня съ собой, даже и въ Петергофъ мы ѣздили на пороходѣ и въ Царское Село.

Лиза.

То-то, я думаю, хорошо!

Надя.

Ужь такъ прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, какъ хочешь тебѣ разсказывай, если ты

сама не видала, такъ ничего не поймешь. Еще тогда у насъ гостила барышня, племянница барыни, такъ я съ ней по цѣлымъ вечерамъ разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Лиза.

Объ чемъ же вы съ ней разговаривали?

Надя.

Ну, разумѣется, все больше про благородное обращеніе, объ кавалерахъ тамъ, да объ гвардейцахъ. Такъ какъ они часто бываютъ на балахъ, такъ и разсказывали, какіе у нихъ тамъ разговоры бываютъ, и кто имъ больше нравится. Только ужь какія эти барышни?

Лиза.

А что?

Надя.

Бойки очень. И откуда онѣ это все знаютъ? А потомъ мы цѣлую зиму жили въ Москвѣ. Видя все это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Ужь и держишь себя не такъ, и разговоръ стараешься имѣть особенный.

Лиза.

Да къ чему же намъ себя облагораживать-то! Кому это нужно!

Надя.

Какъ къ чему? А вотъ барыня обѣщали меня выдать замужъ, такъ я стараюсь такъ себя образовать, чтобъ меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какія жены у нашихъ чиновниковъ, ну, на что это похоже? Я въ десять разъ лучше ихъ понимаю жизнь и обращеніе. У меня теперь только одна и надежда выйти за хорошаго человѣка, чтобы мнѣ быть полной хозяйкой. По-

смотри тогда, какой я порядокъ въ домѣ заведу; у меня не хуже будетъ, чѣмъ у дворянки у какой-нибудь.

Лиза.

Дай тебѣ Богъ! А замѣчаешь, какъ за тобой баринъ молодой ухаживаетъ?

Надя.

Напрасно онъ ухаживаетъ. Чтожъ, конечно, онъ мальчикъ хорошенькій, даже, можно сказать, красавецъ; только отъ меня ему ничего не дождаться; потому что я совсѣмъ не такихъ правилъ и, напротивъ того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурнаго разговору не было. У меня только одно и на умѣ, что выйти замужъ.

Лиза.

И замужемъ иногда тоже житье-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи Господи!

Надя.

Чтожъ мнѣ за радость идти за такого! Я, слава Богу, могу въ людяхъ разобрать: кто хорошъ, кто дуренъ. Это сейчасъ по обращенію и по разговору видно. А вотъ барыня такъ напрасно это дѣлаютъ, что насъ въ такой строгости держатъ, и безпрестанный присмотръ за нами имѣютъ. Мнѣ даже обидно! Я такая дѣвушка, что безъ всякаго присмотра могу хорошо себя понимать.

Лиза.

Кажется, баринъ идетъ.

Надя.

Такъ пойдемъ.

(Встаютъ и уходятъ. Входитъ Леонидъ съ ружьемъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Леонидъ и потомъ Потапычъ.

Леонидъ.

Погодите! Куда вы, куда вы! Что это онѣ все отъ меня бѣгаютъ? Никакъ ихъ не поймаешь. *(Стоитъ задумавшись. Молчаніе).*

Дѣвушка *(поетъ за рѣшоткой).*

Никакъ не возможно безъ печали жить!
Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонидъ *(подбѣгая къ рѣшоткѣ).*

Какая ты хорошенькая!

Дѣвушка.

Хороша, да не ваша.

Леонидъ.

Поди сюда!

Дѣвушка.

Куда?

Леонидъ.

Ко мнѣ въ садъ.

Дѣвушка.

А пошто я къ тебѣ пойду?

Леонидъ.

Я поѣду въ городъ, тебѣ сережки куплю.

Дѣвушка.

Молоденекъ еще! *(Громко смѣется и уходитъ. Леонидъ стоитъ, повѣся голову и задумавшись. Входитъ Потапычъ въ охотничьемъ платьѣ, съ ружьемъ).*

Потапычъ.

За вами, сударь, не поспѣешь; у васъ ножки-то молоденькія.

Леонидъ (*все еще задумавшись*).

Вѣдь все это, Потапычъ, мое будетъ.

Потапычъ.

Все, сударь, ваше и мы всѣ ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны... Потому одна кровь... Ужь это прямое дѣло. Конечно, продли Богъ вѣку вашей маменькѣ...

Леонидъ.

Я ужь тогда, Потапычъ, служить не стану, прямо въ деревню пріѣду, здѣсь и буду жить.

Потапычъ.

Нельзя, сударь, вамъ не служить.

Леонидъ.

Ну да, какъ же! Нужно мнѣ очень. Еще писать заставятъ! (*Садится на скамейку*).

Потапычъ.

Нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужь это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ — самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины ужь сами собой пойдутъ.

Леонидъ.

Развѣ вицъ-губернаторомъ сдѣлаютъ, либо въ предводители выберутъ!

Потапычъ.

Чтожъ мудренаго!

Леонидъ.

А что, какъ я буду вицъ-губернаторомъ, ты меня будешь бояться?

Потапычъ.

Чего же мнѣ бояться? Это другіе точно должны раболѣпствоваться, а намъ все равно, вы нашъ баринъ; для насъ даже еще чести больше.

Леонидъ (*не слушая*).

А что, Потапычъ, много у насъ хорошенькихъ дѣвушекъ?

Потапычъ.

Вотъ видите ли, сударь, если взять въ разсужденіе, такъ оно точно, какъ дѣвушекъ не быть! Есть и въ вотчинѣ, и въ дворнѣ: только при томъ же надобно сказать, что у насъ на счетъ этого строгости большія. Наша барыня, по ихъ строгой жизни, и по своему богомольству, очень за этимъ наблюдаютъ. Теперича возьмите то: воспитанницъ и горничныхъ, которыхъ любятъ, сами замужъ отдаютъ. Коли гдѣ имъ человѣкъ понравится, за того и отдаютъ, и приданое даютъ, не большое—этого нельзя сказать. У насъ всегда воспитанницы двѣ или три не переводятся. Возьмутъ у кого нибудь дѣвочку, воспитаютъ ее; а какъ минетъ лѣтъ 17 или 18, такъ, безъ всякаго разговора, и отдаютъ замужъ, за приказнаго или за мѣщанина въ городъ, какъ имъ вздумается, а иногда и за благороднаго. Да, сударь, да! Только какое житье этимъ воспитанницамъ, сударь! Бѣда!

Леонидъ.

А что?

Потапычъ.

Ужь очень строго. Скажутъ: я тебѣ нашла жениха, и вотъ, скажутъ, тогда-то свадьба, ну и конецъ, тутъ ужь разговаривать ни одна не смѣй! За кого прикажутъ, за того и ступай. Потому что, сударь, я разсуждаю такъ, кому же пріятно, давши воспитаніе, да ви-

дѣть непокорность. А бываетъ, сударь, и такъ, что и женихъ невѣстѣ не нравится, и невѣста жениху: такъ ужь тутъ очень гнѣваются. Такъ даже изъ себя выходятъ. Пожелали онѣ одну воспитанницу отдать за лавочника въ городъ, а онъ, человѣкъ неполированный, вздумалъ было сопротивляться. Мнѣ, говоритъ, невѣста не нравится, да я и жениться-то не хочу еще. Такъ въ тѣ поры и городничему жаловались и отцу протопопу: ну, и уломали дурака.

Леонидъ.

Вотъ какъ.

Потапычъ.

Да-съ. Онѣ даже и у знакомыхъ у кого, если увидятъ дѣвушку, такъ сейчасъ и ищутъ ей жениха. Наша барыня такъ разсуждаютъ, что онѣ глупы; если теперича надъ ними попеченія не имѣть, такъ онѣ, зря, и проживутъ, безъ всякаго порядка. Точно такъ, сударь. Нѣкоторые даже, по своей глупости, прячутъ дѣвокъ-то отъ барыни, чтобъ онѣ какъ нибудь на глаза не попались; потому тутъ имъ ужь конецъ.

Леонидъ.

Такъ она и чужихъ точно также?

Потапычъ.

И чужихъ. На всѣхъ свою заботливость простираютъ. Такое доброе сердце имѣютъ, что обо всѣхъ безпокоются. И ужь очень сердятся, когда безъ ихъ спросу дѣлаютъ. А ужь какъ о своихъ воспитанницахъ заботятся, такъ это на рѣдкость. Одѣваютъ ихъ, какъ бы истинно своихъ родныхъ дочерей, и иногда съ собой кушать сажаютъ, и работать ничего не заставляютъ. Пускай, говорятъ, смотрятъ всѣ, какъ у меня живутъ воспитанницы; хочу, говорятъ, чтобъ всѣ имъ завидовали.

Леонидъ.

Чтожъ, это хорошо, Потапычъ.

Потапычъ.

И какое трогательное поученіе дѣлаютъ, когда замужъ отдаютъ! Вы, говоритъ, жили у меня въ богатствѣ и въ роскоши, и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго, и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй. И позабудь, говорятъ, какъ ты у меня жила, потому что не для тебя я это дѣлала: я себя только тѣшила, а ты не должна никогда объ такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество, и изъ какого ты званія. И такъ чувствительно, даже у самихъ слезки.

Леонидъ.

Чтожъ, это хорошо.

Потапычъ.

Не знаю, какъ сказать, сударь. Какъ-то все скучаютъ замужствомъ-то потомъ, сохнутъ больше.

Леонидъ.

Отчего же, Потапычъ, сохнутъ?

Потапычъ.

Должно быть не сладко, коли сохнутъ.

Леонидъ.

Странно это.

Потапычъ.

Мужья-то больше все разбойники попадаются.

Леонидъ.

А, вотъ что!

Потапычъ.

Ужь очень всѣ льстятся на нашихъ воспитанницъ, потому что барыня сейчасъ свою протекцію оказываютъ. Теперь, которыхъ отдали за приказныхъ, такъ ужь мужьямъ-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотятъ изъ суда, или и вовсе выгнали, онъ сейчасъ къ барынѣ къ нашей съ жалобой, и онѣ ужь за него горой, даже самаго губернатора безпокоютъ. И ужь этотъ приказный въ тѣ поры можетъ и пьянствовать, и все; и ужь никого не боится; только развѣ когда сами поругаютъ, или ужь проворуется очень...

Леонидъ.

А скажи, Потапычъ, отчего это дѣвушки бѣгаютъ отъ меня?

Потапычъ.

Какъ же имъ не бѣгать, имъ нельзя не бѣгать, сударь!

Леонидъ.

Да отчего жъ нельзя?

Потапычъ.

Хмъ! Отъ чего? Потому самому, какъ вы еще въ малолѣтствіи, такъ барыня хотятъ васъ соблюсти, какъ должно; ну, и ихъ тоже соблюдаютъ.

Леонидъ.

Соблюдаетъ, ха-ха-ха!

Потапычъ.

Да-съ! Ужь это вѣрно! Разговоръ былъ объ этомъ. Вы какъ есть ребенокъ, все равно, что голубь, ну а дѣвки глупы. (*Молчаніе*). Да чтожъ, сударь: маменька ваша обыкновенно должны строгость наблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что на нихъ смотрѣть! Вы

сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужь вамъ порядку этого терять не должно. Чтожъ вамъ отъ другихъ-то отставать! Это будетъ къ стыду, къ вашему.

Леонидъ.

Такъ-то такъ, да не умѣю я съ дѣвушками разговаривать.

Потапычъ.

Да вамъ что съ ними разговаривать-то долго! Объ чемъ это? Объ какихъ наукахъ вамъ съ ними разговаривать? Нешто онѣ что понимаютъ! Обыкновенно вы баринъ, ну, вотъ и конецъ.

Леонидъ *(смотритъ въ сторону).*

Кто это тамъ идетъ? Это Надя, кажется. Ахъ, Потапычъ, какая она хорошенькая!

Потапычъ.

Она, сударь, мнѣ сродственница доводится, племянница. Ея отецъ еще покойнымъ бариномъ былъ на волю отпущенъ; онъ въ Москвѣ при кондиторской должности находился. Какъ мать у нея померла, ее барыня и взяли на воспитаніе и оченно любятъ. А потомъ у ней и отецъ теперича померъ, значитъ, сирота теперича выходитъ. Дѣвушка хорошая.

Леонидъ.

Онѣ, кажется, сюда идутъ.

Потапычъ.

Ну, чтожъ, пущай.

(*Входятъ Гавриловна и Надя*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна.

Здравствуйте, баринъ хорошій!

Леонидъ (*кланяется*).

Здравствуйте!

Гавриловна.

А что, баринъ, чай вамъ скучно въ деревнѣ-то?

Леонидъ.

Нѣтъ, ничего.

Гавриловна.

Ну, ужь какъ чай не скучать! Ишь, вѣдь, у насъ точно монастырь, въ сто глазъ смотрятъ. Ну, а вы, извѣстное дѣло, молодой человѣкъ, и позабавились бы чѣмъ нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то утокъ стрѣлять! (*Смѣется*).

Леонидъ (*подходя къ Гавриловнѣ*).

Да, да, Гавриловна.

Надя (*Гавриловнѣ*).

Пойдемъ.

Гавриловна.

Куда это идти-то? Ты бы, вотъ, благо барыни-то дома нѣтъ, побалагурила бъ съ молодымъ бариномъ. Молодымъ людямъ то́ и надобно. А какая она у васъ умная, баринъ! И поговорить, и все.

Надя.

Ну, что хорошаго!

Гавриловна.

Да и дурнаго-то ничего нѣтъ! Я молода была, отъ господъ не бѣгала, да вотъ не съѣли же меня. Авось и

онъ тебя не укуситъ. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, баринъ хорошій! (*Уходитъ*).

Леонидъ.

Отчего вы не хотѣли со мной остаться?

Потапычъ.

Что это вы баринъ, ей *вы* говорите, точно барышнѣ.

Леонидъ.

Чего же ты боялась? (*Надя молчитъ*).

Потапычъ.

Говори, чтожъ ты молчишь! А я, сударь, пойду, мнѣ также къ чаю одѣться надобно. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Леонидъ, Надя и потомъ Лиза.

Надя.

Конечно, я дѣвушка простаго званія, а вѣдь и намъ тоже не хочется, чтобъ объ насъ дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня послѣ такихъ разговоровъ замужъ возьметъ?

Леонидъ.

Ты развѣ замужъ выходишь?

Надя.

Да-съ. Какая же дѣвушка не надѣется когда нибудь выдти замужъ?

Леонидъ.

А у тебя ужъ есть женихъ?

Надя.

Еще нѣтъ-съ.

Леонидъ *(робко)*.

Если нѣтъ жениха, такъ ты, можетъ быть, влюблена въ кого нибудь.

Надя.

Ужъ вы очень любопытны. Да нѣтъ, нечего на себя и лгать, ни въ кого я не влюблена-съ.

Леонидъ *(съ большею радостью)*.

Полюби меня!

Надя.

Насильно сердце заставить нельзя-съ.

Леонидъ.

Отчего же? Развѣ я тебѣ не нравлюсь.

Надя.

Нѣтъ-съ, какъ можно, чтобъ вы не нравились! Да вы намъ не ровня! Какая ужъ это любовь! видимая погибель. Вотъ Лиза бѣжитъ, должно быть за мной! Прощайте. Счастливо оставаться! (*Уходитъ, Лиза входитъ*).

Лиза.

Баринъ, пожалуйте!—маменька пріѣхала.

Леонидъ.

Лиза!

Лиза *(подходя)*.

Что вамъ угодно?

Леонидъ *(обнимаетъ Лизу, она вздрагиваетъ отъ удовольствія)*.

Отчего Надя меня любить не хочетъ?

Лиза *(жеманясь)*.

Какъ вы, баринъ, разсуждаете! Наша сестра, ужь извѣстно, себя беречь должна!

Леонидъ.

Какъ беречь?

Лиза (*смотритъ ему въ лицо и улыбается*).

Уже извѣстно какъ. Что это, словно вы маленькій.

Леонидъ (*печально*).

Что же мнѣ теперь? Я ужъ и не знаю. Всѣ отъ меня бѣгаютъ.

Лиза.

А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько. Вѣдь сердце-то у насъ тоже не каменное.

Леонидъ.

Да что ужъ! Я у нее спрашивалъ: она говоритъ, что не любитъ.

Лиза.

Ахъ, вы какой чудно̀й баринъ! Да ктожъ у дѣвушекъ прямо спрашиваетъ, любятъ или нѣтъ. Хоть бы другая наша сестра и любила, такъ не скажетъ.

Леонидъ.

Отчего же?

Лиза.

Потому стыдно. Однако пустите баринъ! (*освобождается*). Вонъ нинфа-то (*) идетъ.

Леонидъ.

Приходите ужо въ садъ послѣ ужина, какъ маменька спать ляжетъ.

Лиза.

Ишь вы какіе проворные!

(*) Нимфа (нинфа) въ простонародіи имѣетъ значеніе злой женщины, фуріи.

Леонидъ.

Пожалуйста, приходите.

Лиза.

Ну, ужь тамъ видно будетъ. *(Входитъ Василиса Перегриновна)*. Баринъ, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается.

Леонидъ.

Хорошо, сейчасъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна.

Видѣла, мой другъ, видѣла.

Лиза.

Нечего видѣть-то было. *(Уходитъ)*.

Леонидъ.

Ну чтожъ, что видѣли? Жаловаться, что ли станете? Такъ я скажу, что вы лжете. Кому больше повѣрятъ: вамъ или мнѣ? (*Дѣлаетъ гримасу и уходитъ*).

Василиса Перегриновна.

Вотъ всѣ-то такъ со мной. Моченьки моей нѣту! Все сердце изболѣло. Мученица я на этомъ свѣтѣ. (*Срываетъ съ сердцемъ цвѣтокъ и обрываетъ листики*). Кажется, кабы моя власть, вотъ такъ бы васъ всѣхъ! Такъ бы васъ всѣхъ! Такъ бы васъ всѣхъ! Погоди жъ ты, мальчишка. Ужь я тебя поймаю. Кипитъ мое сердце, кипитъ, ключемъ кипитъ. А вотъ теперь, иди, улыбайся передъ барыней, точно дура какая! Эка жизнь! эка жизнь! Грѣшники такъ въ аду не мучаются, какъ я въ этомъ домѣ мучаюсь. (*Уходитъ*).

II.

Гостинная. Прямо отворенная дверь въ садъ, по сторонамъ двери, по серединѣ круглый столъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изъ боковой двери выходятъ: лакей съ самоваромъ и дѣвка съ чайнымъ приборомъ, ставятъ то и другое на столъ и уходятъ. Гавриловна и Потапычъ входятъ за ними. Гавриловна приготовляетъ чай. Василиса Перегриновна выходитъ изъ саду.

Василиса Перегриновна.

Вы мнѣ, моя милая, всегда только одной воды наливаете.

Гавриловна.

Крѣпкій-то чай вамъ нездорово пить, сударыня.

Василиса Перегриновна.

Не ваше дѣло обо мнѣ заботиться!

Гавриловна.

Онъ грудь сушитъ, а вы ужь и такъ совсѣмъ высохли.

Василиса Перегриновна.

Эка жизнь! Эка жизнь! Не отъ чаю я, милая, высохла, отъ обиды людской я высохла.

Гавриловна.

Обидишь васъ! Вы сами всѣхъ обижаете, точно васъ что поджигаетъ.

Василиса Перегриновна.

Не смѣешь ты такъ со мной разговаривать! Ты помни, кто ты. Я сама была помѣщица; у меня такія-то, какъ ты, пикнуть не смѣли, по ниточкѣ ходили. Не давала я вашей сестрѣ зазнаваться.

Гавриловна.

Были да сплыли. То-то вотъ бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ.

Василиса Перегриновна.

Изверги вы мои, злодѣи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствуетъ душа моя скорую мою кончину! (*Поднимая глаза къ небу*). Закрой меня отъ людей, гробовая доска! Прими меня къ себѣ, сырая земля! То-то вамъ радость будетъ, то-то веселье!

Потапычъ.

Намъ чтожъ! Намъ какая оказія!... Живите себѣ!

Гавриловна.

Пока Богъ грѣхамъ терпитъ.

Василиса Перегриновна.

За свои грѣхи ужъ я здѣсь намучилась; чужіе грѣхи теперь оплакиваю.

Гавриловна.

Лучше бы вы чужихъ-то грѣховъ не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужіе грѣхи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна.

Чего бояться? Чего мнѣ бояться?

Гавриловна.

А того, что съ крючкомъ-то сидитъ. Ужь онъ чай поджидаетъ.

Василиса Перегриновна.

Гдѣ я! Гдѣ я! Боже мой! Точно я въ омутѣ какомъ, изверги... *(Входятъ съ лѣвой стороны: Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна.

Помолиться, благодѣтельница наша, изволили?

Уланбекова.

Да, къ вечернѣ ѣздила въ городъ, праздникъ нынче тамъ.

Василиса Перегриновна.

Много благодѣяній разсыпали нестоющимъ людямъ.

Уланбекова.

Нѣтъ, только въ Пустую улицу заѣзжала, къ старику Неглигентову. Просилъ меня устроить его племянника: крестникъ вѣдь онъ мнѣ. Жаль этихъ людей!

Василиса Перегриновна.

Ужь вы, матушка, всѣмъ благодѣтельница. Всѣм таки, всѣмъ! Которые и взгляду-то вашего не стоятъ, вы и тѣмъ благодѣтельствуете.

Уланбекова (*садится*).

Нельзя же, душа моя! Нужно дѣлать ближнимъ добро.

Василиса Перегриновна.

Да чувствуютъ ли они это добро-то? Могутъ ли они

понять, безчувственныя животныя, сколько вашего для нихъ снисхожденія?

Уланбекова.

А мнѣ все равно, милая! Для себя надо добро дѣлать, для своей души. Заѣзжала потомъ къ исправнику, просила, чтобъ Неглигентова столоначальникомъ сдѣлалъ.

Василиса Перегриновна.

Да, благодѣтельница, стоитъ ли...

Уланбекова.

Не перебивай! Странный человѣкъ у насъ исправникъ; я его прошу, а онъ говоритъ: мѣста нѣтъ. Я ему говорю: вы, кажется, не понимаете, кто васъ проситъ? Чтожъ, говоритъ, не выгнать же мнѣ хорошаго человѣка для вашего крестника. Грубый человѣкъ! Однако обѣщалъ!

Василиса Перегриновна.

Еще бы онъ смѣлъ! Я и понять не могу, какъ это у него языкъ-то перевернулся противъ васъ. Вотъ ужь сейчасъ необразованіе-то и видно. Положимъ, что Неглигентовъ, по жизни своей, не стоитъ, чтобы объ немъ разговаривать много, да по васъ-то онъ долженъ сдѣлать для него все на свѣтѣ, какой бы онъ тамъ ни былъ негодяй.

Уланбекова.

Ты не забывай, что онъ мой крестникъ.

Василиса Перегриновна.

Я про то вамъ и докладываю, благодѣтельница: крестникъ онъ вамъ, ну, и кончено дѣло, онъ никакихъ и разговоровъ не долженъ слушать. А то, мало ли что говорятъ! Вотъ говорятъ, что онъ безпутный совсѣмъ, что дядя его въ судъ опредѣлилъ, а онъ оттуда скрывается; цѣлую недѣлю пропадалъ, говорятъ, гдѣ-то вер-

сты за четыре на большой дорогѣ, подлѣ кабака, рыбу ловилъ. Да что пьянствуетъ не по лѣтамъ. Да кому жъ какое дѣло, значитъ, онъ стоитъ того, когда вы за него просите!

Уланбекова.

Я этого не слыхала, и пьянымъ его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что онъ мой крестникъ. Я ему вмѣсто матери.

Василиса Перегриновна.

Знаю, благодѣтельница, знаю; всѣ это знаютъ, что вы, если захотите, такъ можете изъ грязи человѣкомъ сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семи пядей во лбу, такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ, отчего не умѣлъ заслужить!

Уланбекова.

Я, кажется, никому зла не сдѣлала.

Василиса Перегриновна.

Какое же зло? Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно конечно, всѣ мы люди не безъ грѣха, дѣлъ же у васъ много; на всѣхъ нельзя угодить! Коли правду говорить, такъ, благодѣтельница вы моя, довольно-таки народу и на васъ плачутся.

Уланбекова.

Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

Василиса Перегриновна.

Вамъ, благодѣтельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоитъ вамъ, по вашей барственности, о всякой дряни безпокоиться. А хоть и плачутся, что на нихъ смотрѣть, стоютъ ли они того? Вы ужь другимъ-то много благодѣяній дѣлаете, такъ вамъ, нашей благодѣтельницѣ, Богъ проститъ.

Уланбекова.

Я все-таки желаю знать, кого я обидѣла?

Василиса Перегриновна.

Есть-таки, благодѣтельница.

Уланбекова (*строго*).

Да кто же, говори!

Василиса Перегриновна.

Не гнѣвайтесь, благодѣтельница! Это я такъ сказала, потому что, сами знаете, какой нынче народъ сталъ обидчивый, ничѣмъ недовольный.

Уланбекова.

Это ты сказала для того, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь непріятность.

Василиса Перегриновна.

Лопни глаза мои!

Уланбекова.

Ну, ужь я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего нибудь обиднаго не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожнѣй; а то ты меня когда нибудь выведешь изъ терпѣнія, тебѣ жъ будетъ хуже. *(Молчаніе)*. Давайте чаю.

Гавриловна.

Сейчасъ, сударыня. *(Наливаетъ двѣ чашки. Потапычъ подаетъ Уланбековой и Василисѣ Перегриновнѣ)*.

Уланбекова.

Налей и Гришѣ: онъ нынче ѣздилъ со мной, усталъ.

Гавриловна.

Налью, сударыня. *(Наливаетъ и подаетъ Гришѣ)*.

Гриша.

Что-жъ молока-то мало налила? Жаль тебѣ, что ли!

Гавриловна *(подливаетъ молока).*

И такъ тебя, какъ теленка, ужь отпоили. *(Гриша беретъ чашку и уходитъ за дверь въ садъ).*

Уланбекова.

Я думала вотъ Надю отдать за Неглигентова, — съ приличнымъ награжденьемъ, разумѣется. Ты говоришь, что онъ дурную жизнь ведетъ; такъ надобно будетъ свадьбой поторопиться. Она у меня дѣвушка хорошихъ правилъ, будетъ его удерживать, а то онъ отъ холостой жизни совсѣмъ избалуется. Холостая жизнь ужасно портитъ молодыхъ людей.

Надя *(Лизѣ).*

Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой!

Лиза.

Вотъ и слушай, а говорить нельзя.

Василиса Перегриновна.

Давно, благодѣтельница, пора отдать ее; что ей болтаться-то! Теперь же сынокъ-то вашъ, нашъ ангельчикъ, сюда пріѣхалъ.

Уланбекова.

Ахъ перестань, что ты еще выдумываешь? Онъ ребенокъ совсѣмъ.

Василиса Перегриновна.

Ребенокъ, благодѣтельница! Ужь нечего сказать, далъ вамъ Богъ сына на радость, да на утѣшеніе. И мы-то всѣ на него не нарадуемся. Словно солнце какое у насъ показалось. Такой добрый, такой веселый, такой ко всѣмъ ласковый! А ужь за дѣвушками такъ и бѣ-

гаетъ; проходу нигдѣ не даетъ; а онѣ-то дуры рады радехоньки, такъ и ржутъ.

Уланбекова.

Врешь ты, мнѣ кажется, ему дѣвушекъ и видѣть негдѣ, онѣ весь день на своей половинѣ, да и не ходятъ никуда.

Василиса Перегриновна.

Ахъ, благодѣтельница, да дѣвку никакими замками не удержишь, коли она что сдѣлать задумаетъ.

Уланбекова.

Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за дѣвками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всѣмъ строго на̀ строго. *(Василисѣ Перегриновнѣ)*: Да нѣтъ, этого быть не можетъ. Ты меня только разстроиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на языкъ! Очень нужно тебѣ было болтать! Теперь у меня изъ головы не выйдетъ. Смотри же, Гавриловна!

Гавриловна.

Что вы, сударыня, ее слушаете!

Василиса Перегриновна.

Да что жъ, благодѣтельница, развѣ я что дурное говорю! Смѣю ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, еще ребенокъ, поиграть ему хочется; а здѣсь товарищей ему нѣтъ: онъ съ дѣвушками и играетъ.

Уланбекова.

Ядъ у тебя на языкѣ. (*Задумывается. Потапычъ принимаетъ чашки. Гавриловна наливаетъ и подаетъ. Гриша приходитъ изъ саду, толкаетъ Гавриловну и дѣлаетъ знакъ головой, чтобы налила еще. Гавриловна на-*

ливаетъ. Гриша уходитъ). А Надю все-таки нужно за мужъ отдать.

Надя (*почти плача*).

Сударыня, я вами такъ была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смѣю теперь вамъ говорить: но, по вашему ко мнѣ расположенію, я отъ васъ совсѣмъ не такой милости ждала. Чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланбекова.

Ты, милая, объ этомъ разсуждать не можешь: ты дѣвушка. Ты должна во всемъ положиться на меня, на свою благодѣтельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что онъ мой крестникъ. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вотъ еще я тебѣ скажу одинъ разъ на всегда: я не люблю, когда разсуждаютъ, просто не люблю, да и все тутъ. Этого позволить я не могу никому. Я съ молоду привыкла, чтобъ каждаго моего слова слушались; тебѣ пора это знать! И мнѣ очень странно, моя милая, что ты осмѣливаешься возражать мнѣ. Я вижу, что избаловала тебя; а вы вѣдь сейчасъ зазнаетесь. (*Надя плачетъ*).

Василиса Перегриновна.

Благодѣтельница, чувство нужно человѣку имѣть, чувство. А какое жъ въ нихъ можетъ быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланбекова.

Не съ тобой говорятъ! Что ты вмѣшиваешься во всякое дѣло! (*Надѣ строго*): Это что за новости, ты плакать еще! Чтобы этихъ слезъ не было! (*Надя плачетъ*). Я тебѣ говорю. (*Привстаетъ*). Для меня ваши слезы

ровно ничего не значатъ! Когда я захочу что нибудь сдѣлать по своему, ужъ я поставлю на своемъ, никого въ мірѣ не послушаюсь! (*Садится*). И впередъ знай, что упрямство твое ни къ чему не поведетъ; только ты разсердишь меня.

Надя (*плача*).

Сирота я, сударыня! Ваша воля во всемъ.

Уланбекова.

Еще бы! разумѣется, моя воля; потому что я тебя воспитала; это все равно, что жизнь дала. (*Леонидъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Леонидъ.

Леонидъ.

Здраствуйте, мамаша.

Уланбекова.

Здраствуй, мой другъ! Гдѣ ты былъ?

Леонидъ.

Ходили на охоту съ Потапычемъ; я, мамаша, двухъ утокъ убилъ.

Уланбекова.

Не жалѣешь ты матери; ну, съ твоимъ ли здоровьемъ, мой другъ, на охоту ходить! Захвораешь еще, сохрани Господи, тогда ты меня просто убьешь! Ахъ, Боже мой, сколько я страдала съ этимъ ребенкомъ! (*Задумывается*).

Гавриловна.

Баринъ, угодно чаю?

Леонидъ.

Нѣтъ, не хочу.

Уланбекова (*Василисѣ Перегриновнѣ*).

Когда я родила его, я была очень долго больна; потомъ онъ все хворалъ, такъ и росъ все хворый. Сколько я надъ нимъ слезъ пролила! Бывало гляжу на него, а у самой такъ слезы и катятся: нѣтъ, не придется мнѣ его видѣть въ гвардейскомъ мундирѣ. Но тяжелѣй всего мнѣ было, когда отецъ, по болѣзни, долженъ былъ его опредѣлить въ штатскую школу. Чего мнѣ стоило, моя милая, отказаться отъ мысли, что онъ будетъ военный! Я полгода больна была. Ты представь только себѣ, моя милая, когда онъ кончитъ курсъ, ему дадутъ такой же чинъ, какой даютъ приказнымъ изъ поповичей! На что это похоже? Въ военной службѣ, особенно въ кавалеріи, всѣ чины благородны; даже юнкеръ, ужь сейчасъ видно, что изъ дворянъ. А что такое губернскій секретарь или титулярный совѣтникъ? Всякій можетъ быть титулярный совѣтникъ: и купецъ, и семинаристъ, и мѣщанинъ, пожалуй. Только стоитъ поучиться, да послужить. Другой и изъ мѣщанъ способенъ къ ученью-то, такъ онъ еще пожалуй чиномъ-то обгонитъ. Какъ это заведено! Какъ это заведено! Ну ужь! *(Махнувъ рукой, отворачивается)*. Не люблю я ничего осуждать, что отъ высшаго начальства установлено, и другимъ не позволяю, а ужь этого не похвалю. Всегда буду въ слухъ говорить, что это несправедливо, несправедливо.

Леонидъ.

Отчего это у Нади глаза заплаканы?

Василиса Перегриновна.

Не бита давно.

Уланбекова.

Это, мой другъ, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебѣ нечего здѣсь дѣлать. *(Надя уходитъ).*

Леонидъ.

А я знаю объ чемъ: вы ее замужъ хотите выдать.

Уланбекова.

Отдаю я ее замужъ или нѣтъ, это, мой другъ, ужь мое дѣло. Да я и не люблю, кто въ мои распоряженія вмѣшивается.

Василиса Перегриновна.

Какой вы у насъ умный, все-то знаете, во все-то входите!

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, я и не вмѣшиваюсь въ ваши распоряженія. Только онъ пьяница.

Уланбекова.

Опять-таки это не твое дѣло. Предоставь объ этомъ судить матери.

Леонидъ.

Мнѣ только, мамаша, жалко ее.

Уланбекова.

Все это прекрасно, мой другъ; но желала бы я знать, отъ кого ты слышалъ, что я выдаю Надю замужъ. Если это изъ дворни кто нибудь...

Леонидъ.

Нѣтъ, мамаша, нѣтъ.

Уланбекова.

Откуда же тебѣ знать иначе? Когда это передать успѣли! (*Гавриловнѣ*): Узнать непремѣнно!

Леонидъ

Да нѣтъ, мамаша, мнѣ самъ женихъ ея сказывалъ.

Уланбекова.

Какой женихъ?

Леонидъ.

Я не знаю какой! Онъ говоритъ, что чиновникъ,—такая мудреная фамилія: Неглигентовъ. Какой онъ смѣшной! Онъ говоритъ, что вашъ крестникъ и никого не боится. Теперь пляшетъ пьяный въ саду.

Уланбекова.

Пьяный, въ моемъ домѣ!

Леонидъ.

Хотите, я его позову. Потапычъ, позови Неглигентова! Онъ говорилъ, что вы ныньче были у его дяди и обѣщали отдать за него Надю. Онъ теперь ужь заранѣе разсчитываетъ, сколько доходовъ будетъ получать въ судѣ, или холтуры, какъ онъ говоритъ. Какой онъ смѣшной! Онъ мнѣ представлялъ, какъ его учили въ училищѣ. Хотите, я при васъ его заставлю? (*Потапычъ и Неглигентовъ входятъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Неглигентовъ и Потапычъ.

Уланбекова.

Ахъ, ахъ, какой противный! Не подходи ко мнѣ!

Неглигентовъ.

Посланъ отъ дяди возблагодарить за щедроты ваши.

Леонидъ.

Онъ говоритъ, мамаша, что его много учили, только никакъ нельзя было выучить.

Неглигентовъ.

Не возможно, отъ рожденія не имѣлъ способностей къ наукамъ; верберовъ по 50 и по 100 получалъ почти ежедневно; но понятія не прибавлялись.

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, какъ онъ смѣшно разсказываетъ про свое ученье! Вотъ послушайте. Ну, а какъ ты по латыни учился?

Неглигентовъ.

Турписсиме!

Уланбекова (*пожимая плечами*).

Что-то это такое?

Неглигентовъ.

Весьма гнусно.

Леонидъ.

Нѣтъ, постойте, а что учитель съ тобой дѣлалъ?

Неглигентовъ (*хохочетъ*).

Смѣха достойно. Однажды, послѣ жестокаго истязанія, приказалъ двумъ ученикамъ привязать меня за шею кушакомъ и водить по базару для посмѣянія.

Уланбекова.

Какъ же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился?

Неглигентовъ.

По ходатайству сильныхъ лицъ.

Леонидъ.

Ну, а изъ училища тебя выгнали?

Неглигентовъ.

Не выгнали; но исключили за великовозрастіе.

Леонидъ.

Какъ за великовозрастіе?

Неглигентовъ.

А такъ какъ я въ продолженіе ученія и истязаній, оставаясь въ однихъ классахъ, возмужалъ и возросъ болѣе всѣхъ своихъ сверстниковъ, то и былъ исключенъ за великовозрастіе. Болѣе же я пострадалъ отъ мздоимства начальствующихъ. Нашъ ректоръ любилъ приношенія, и передъ экзаменами за недѣлю разсылалъ насъ всѣхъ по родителямъ за подарками. По количеству сихъ подарковъ мы и переводились въ высшіе классы.

Леонидъ.

А поведенія ты былъ какого?

Неглигентовъ.

Предосудительнаго.

Уланбекова.

Что это такое! Боже мой! Поди вонъ, любезный, поди вонъ!

Леонидъ.

Ахъ, мамаша, онъ очень смѣшонъ, погодите его гнать. Неглигентовъ, пляши!

Неглигентовъ (*пляшетъ и поетъ*).

Я пойду, пойду косить
Во зеленый лугъ.

(*Гриша хохочетъ*).

Уланбекова.

Перестань, перестань! (*Неглигентовъ перестаетъ. Гришѣ*): Чему ты смѣешься?

Гриша.

Да ужь очення смѣшно членъ пляшетъ.

Уланбекова.

Какъ членъ?

Гриша.

Да онъ намъ всѣмъ говоритъ, что онъ въ судѣ членъ, а не писарь. Такъ его членомъ и зовутъ.

Неглигентовъ.

Членомъ я называю себя, хотя и ложно, но собственно для уваженія отъ дворовыхъ челядинцевъ и чтобъ избѣжать глумленія и обидъ.

Уланбекова.

Поди вонъ, и не смѣй никогда ко мнѣ являться.

Неглигентовъ.

Дядя говоритъ, что я впалъ въ развратъ отъ холостой жизни, и что я могу погрязнуть въ ономъ, если вы меня необлагодѣтельствуете.

Уланбекова.

Нѣтъ, нѣтъ, никогда.

Неглигентовъ (*на колѣняхъ*).

Дядя велѣлъ мнѣ слезно умолять васъ, потому что я человѣкъ потерянный, подверженный многимъ порокамъ, и, безъ вашихъ благодѣяній, терпимъ быть на службѣ не могу.

Уланбекова.

Скажи своему дядѣ, что благодѣтельствовать я вамъ буду всегда; а ты объ невѣстѣ и не думай. Поди, поди!

Неглигентовъ.

Благодаримъ за неоставленіе! (*Гришѣ*): Просись на гулянку у барыни, и догоняй! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже безъ Неглигентова.

Уланбекова.

Какъ можно ошибиться въ людяхъ! Хлопочешь объ нихъ, заботишься, а они даже и не чувствуютъ. Я было хотѣла устроить счастіе для этаго мальчика, а онъ лѣзетъ въ домъ пьяный. Ужь если онъ подверженъ этой слабости, такъ, по крайнѣй мѣрѣ, старался бы скрывать ее отъ меня. Пей онъ тамъ, гдѣ хочетъ, да чтобъ я-то не видала! Я бы тогда знала, по крайнѣй мѣрѣ. что онъ меня уважаетъ. Какое невѣжество! Какая дерзость! Кого же онъ побоится, если не боится меня?

Леонидъ.

Ахъ, какой онъ смѣшной! Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узналъ, что вы хотите отдать за него Надю, мнѣ стало ее жалко. Вы у насъ такая добрая! (*цѣлуетъ у ней руку*). Мнѣ не хотѣлось, чтобъ вы сдѣлали несправедливость.

Уланбекова.

Съ этимъ народомъ не согрѣша, согрѣшишь! (*цѣлуя его*). Прекрасную душу ты имѣешь, мой другъ! (*Василисѣ Перегриновнѣ*): Вотъ я всегда вѣрила, что иногда самъ Богъ говоритъ устами младенцевъ. Лиза! поди скажи Надеждѣ, чтобъ она не плакала, что я прогнала ея жениха.

Лиза.

Слушаю-съ. (*Уходитъ*).

Гриша (*подходитъ, раскачиваясь, и становится въ непринужденную позу*).

Сударыня!

Уланбекова.

Что тебѣ?

Гриша

Позвольте мнѣ въ городъ сходить: ныньче тамъ праздникъ.

Уланбекова.

За чѣмъ это ты пойдешь? На пьяныхъ смотрѣть?

Гриша (*заложивъ руки назадъ*).

Позвольте-съ.

Уланбекова.

Незачѣмъ, незачѣмъ.

Гриша.

Ужь позвольте, сударыня.

Уланбекова.

Говорю тебѣ, что незачѣмъ. На этихъ гуляньяхъ только нравственность портится. Тамъ всякихъ мерзостей наслушаешься! Ты еще мальчикъ, нечего тебѣ тамъ дѣлать!

Гриша.

Нѣтъ, ужь вы позвольте-съ!

Уланбекова.

Останься. Выкинь изъ головы эти глупости!

Гриша.

Чтожъ это такое! Служи, служи, а ужь и погулять никогда нельзя.

Василиса Перегриновна.

Ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ! До чего ты избалованъ! До чего ты избалованъ!

Уланбекова.

Что ты раскудахталась! Молчи!

Василиса Перегриновна.

Да какъ же, благодѣтельница, молчать-то? Такое безчувствіе! Такая неблагодарность! Сердце надрывается.

Уланбекова.

Я тебѣ приказываю молчать, такъ ты и должна молчать.

Гриша.

Ужь вы позвольте-съ.

Василиса Перегриновна.

Его-ль не любятъ, его-ль не ласкаютъ, кажется, больше сына роднаго.

Уланбекова (*топнувъ ногой*).

Сс...ъ! Я тебя прогоню.

Гриша.

Мнѣ очень хочется на гулянку-то, ужь позвольте-съ!

Уланбекова.

Ну, ступай, только приходи раньше!

Гриша.

Слушаю-съ!

Василиса Перегриновна.

Ручку-то поцѣлуй, дуракъ!

Гриша.

Что вы меня учите, я свое дѣло знаю. (*Цѣлуетъ руку у барыни и уходитъ*).

Уланбекова.

А тебя, моя милая, если я еще услышу когда нибудь подобное, я велю съ двора метлами согнать. (*Уходитъ. Василиса Перегриновна стоитъ въ оцѣпененіи*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже, безъ Уланбековой и потомъ Лиза.

Леонидъ.

Что, дождались? Ну, и подѣломъ!

Василиса Перегриновна.

Будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. (*Лиза входитъ*).

Лиза (*тихо Леониду*).

Надя велѣла вамъ сказать, что мы ужо прійдемъ въ садъ.

Леонидъ.

Поцѣлуй ее отъ меня.

Гавриловна.

Дай вамъ Богъ здоровья, баринъ, что за насъ заступаетесь. Обидѣть-то насъ всякая дрянь умѣетъ, заступиться только за насъ некому. За много это вамъ, баринъ, на томъ свѣтѣ сочтется.

Леонидъ.

Я всегда за васъ готовъ. (*Уходитъ, припрыгивая, на право*).

Гавриловна.

Спасибо тебѣ, батюшка! (*Уходитъ, съ Лизой на лѣво*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Василиса Перегриновна и Потапычъ.

Василиса Перегриновна.

Чтожъ ты меня не обижаешь? Онѣ обижаютъ, а ты чтожъ? Слышалъ, сама-то ужь бить хочетъ; метлами, говоритъ, велю. Чтобъ ее лопнуло!

Потапычъ.

Я чтожъ... Мнѣ человѣка обидѣть чтожъ! А что тамъ господа... это я не знаю, можетъ оно такъ и нужно.

Василиса Перегриновна.

Видишь-ты, что въ домѣ-то дѣлается? Видишь? Понятно тебѣ или нѣтъ? Какъ я давича стала про Гришу-то говорить, слышалъ; какъ сама-то зарычала? Слышалъ, какъ зашипѣла?

Потапычъ.

Мнѣ что! Я, по милости барыни, при своей должности... я всѣ порядки произвожу... А какое мнѣ дѣло? Что не мое дѣло, я того не знаю.

Василиса Перегриновна.

А видѣлъ, какъ Надька-то съ Лизкой смотрѣли на меня? Видѣлъ, какъ аспидски смотрѣли? Охъ, нужно глядѣть за ними, охъ, нужно. (*Потапычъ, махнувъ рукой, уходитъ*). У, ты, старый дуракъ! Экой народецъ! Экой народецъ! Не съ кѣмъ и поговорить-то, душу отвести. (*Уходитъ*).

III.

Часть сада; на заднемъ планѣ прудъ, у берега лодка. Свѣтлая ночь. Вдали слышится хороводная пѣсня. Сцена нѣсколько времени пуста.

ЯВЛЕНІЕ I.

Выходятъ Надя и Лиза.

Лиза.

Ахъ, Надя, что это мы дѣлаемъ! Ну, какъ барыня узнаетъ, тогда и не живи на свѣтѣ.

Надя.

Коли ты боишься, такъ ступай домой.

Лиза.

Нѣтъ ужь я подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, дѣвушка! Сохрани Господи, какъ узнаютъ.

Надя.

Наладила одно! Волка бояться,—такъ въ лѣсъ не ходить.

Лиза.

Да что это съ тобой сдѣлалось? Ты прежде не такъ разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь къ нему.

Надя.

Да, прежде бѣгала отъ него, теперь не хочу. (*Стоитъ задумчиво*). Теперь и сама не знаю, что со мной вдругъ сдѣлалось! Какъ только барыня давеча сказала, чтобъ не смѣла я разговаривать, а шла за кого прикажутъ, такъ у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи! (*плачетъ*). Что въ томъ проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только отъ слова отъ какого, а и отъ взгляду-то! Такъ меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мнѣ беречь-то себя? Вотъ не хочу-жъ, не хочу! А у самой такъ сердце замерло: кажется, еще скажи она слово, я-бъ умерла на мѣстѣ.

Лиза.

Что ты говоришь! я вѣдь думала, что ты, шутя, къ барину-то вышла.

Надя.

Какія шутки! Не могу я обиды переносить! немогу! (*Молчаніе*). Эхъ, Лиза, будь жизнь получше, не пошла бъ я ночью въ садъ. Помнишь бывало, какъ я объ себѣ раздумывала, да и тебѣ самой чай тоже въ голову приходило, что вотъ ты дѣвушка честная, живешь ты себѣ какъ птичка какая, вдругъ тебѣ понравился нѣкоторый человѣкъ, онъ за тебя сватается, ходитъ къ тебѣ часто, цѣлуетъ тебя... тебѣ и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идетъ порядкомъ. Хоть и не богато, хоть, можетъ быть, сидишь ты съ женихомъ въ людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздникъ. Потомъ обвѣнчаютъ, всѣ тебя поздравляютъ. Ну, тамъ хоть и трудно будетъ замужемъ жить, можетъ быть работы много будетъ, да за то живешь ты, какъ въ раю; словно ты гордишься чѣмъ!

Лиза.

Разумѣется, дѣвушка.

Надя.

А какъ тебѣ скажутъ: ступай за пьянаго, да еще и разговаривать не смѣй, и поплакать-то о себѣ не смѣй... Ахъ, Лиза!... Да какъ подумаешь, что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ такъ, ни за что! Не живя ты за нимъ, состаришься! (*плачетъ*). Говорить-то только свое сердце надрывать! (*махнувъ рукой*). Такъ ужь право, молодой баринъ лучше.

Лиза.

Ахъ. Надя! Не ты-бъ говорила, а не я бъ тебя слушала.

Надя.

Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя баринъ полюбилъ?

Лиза (*заминаясь*).

Да, какъ знать! ужь, конечно, что говорить... врагъ-то силенъ.

Надя.

То-то вотъ!... (*Молчаніе*). Я тебѣ вотъ что, Лиза, хотѣла сказать, вотъ какая премудрость со мной сдѣлалась: какъ пошли мнѣ такія мысли въ голову, и какъ стала это я, Лиза, думать объ баринѣ,—и такъ онъ мнѣ милъ сдѣлался!... такъ милъ, что я ужь и не знаю!... Прежде, когда онъ ухаживалъ за мной, мнѣ было ничего; а теперь словно что меня тянетъ къ нему.

Лиза.

Ахъ, дѣвушка! Ну вотъ поди-жъ ты! знать ужь такъ судьба!

Надя.

И такой во мнѣ духъ сдѣлался: ничего я не боюсь!

Кажется, вотъ рѣжь меня на части, я все-таки на своемъ поставлю. И отъ чего это такъ, не знаю. (*Молчаніе*). Жду, не дождусь ночи-то! Такъ, кажется, на крыльяхъ бы къ нему полетѣла. То одно держу въ умѣ, что не даромъ я, по крайнѣй мѣрѣ, собой хороша, будетъ чѣмъ вспомнить молодость. (*Задумчиво*): Думаю себѣ: молодой такой, да хорошій! Еще стою ли я дура, чтобъ онъ любилъ-то меня? Заглохнуть бы мнѣ здѣсь, въ этомъ захолустьѣ, кабы не онъ.

Лиза.

Что это, Надя, ты словно какъ не въ себѣ?

Надя.

Да и то не въ себѣ. Пока она баловала меня, да ласкала, такъ и я думала, что я такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди: и мысли у меня совсѣмъ другія были объ жизни. А какъ начала она мной командовать, какъ куклой; да какъ увидѣла я, что никакой мнѣ воли, ни защиты нѣтъ: такъ отчаянность на меня, Лиза, напала Куда страхъ, куда стыдъ дѣвался—не знаю. Хоть день, да мой, думаю, — а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замужъ отдавай за пастуха, хоть въ какой замокъ за тридесять замковъ запри, — мнѣ все равно.

Лиза.

Кажется, баринъ идетъ. (*Леонидъ выходитъ съ противоположной стороны, въ плащѣ*).

Надя.

Ну, не красавецъ что-ль это, а? Лиза!

Лиза.

Ахъ, перестань! Ты точно больная, либо полоумная.

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Леонидъ.

Леонидъ (*подходя*).

А я думалъ, что ты обманешь меня—не придешь.

Надя.

Отчего вы такъ думали?

Леонидъ.

Да вѣдь ты говорила, что не любишь меня.

Надя.

Мало ли что дѣвушки говорятъ, а вы имъ не вѣрьте. Какъ васъ не любить, красавца этакого.

Леонидъ (*удивленный*).

Что ты, Надя! (*Беретъ ея руку, нѣсколько времени держитъ, потомъ цѣлуетъ*).

Надя (*въ испугѣ отнимаетъ руку*).

Ахъ! что вы это дѣлаете! Голубчикъ, баринъ! Какъ вамъ не стыдно?

Леонидъ.

Ужь я тебя очень люблю, Надя!

Надя.

Любите? Ну что-жъ, вы бы такъ меня поцѣловали.

Леонидъ.

Можно, Надя, а? ты позволишь?

Надя.

А чтожъ такое за бѣда!

Леонидъ (*оборотившись*).

Ахъ, и ты, Лиза, здѣсь...

Лиза.

Уйду, уйду!... Мѣшать не буду.

Леонидъ (*сконфуженный*).

совсѣмъ не потому. Съ чего это ты выдумала.

Лиза.

Ну ужь, не хитрите. Мы тоже знаемъ... (*отходитъ за кусты*).

Леонидъ.

Такъ ты мнѣ позволишь поцѣловать тебя (*робко цѣлуетъ*). Да нѣтъ, дай мнѣ руку поцѣловать.

Надя (*прячетъ руку*).

Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Что это вы!...

Леонидъ.

Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свѣтѣ.

Надя.

Будто и правда?

Леонидъ.

Вѣдь меня еще никто не любилъ.

Надя.

Не обманываете вы?

Леонидъ.

Нѣтъ, право!... Право, никто не любилъ, Ей Богу.

Надя.

Не божитесь: я и такъ повѣрю.

Леонидъ.

Пойдемъ, сядемъ на лавочку.

Надя.

Пойдемте. (*Садятся*).

Леонидъ.

Что ты такъ дрожишь?

Надя.

А развѣ я дрожу?

Леонидъ.

Дрожишь.

Надя.

Такъ, должно быть, озябла немножко.

Леонидъ.

Позволь, я тебя одѣну. (*Одѣваетъ ее полой плаща и обнимаетъ. Надя беретъ его руки и держитъ*).

Надя.

Ну, вотъ и давайте такъ сидѣть, да разговаривать.

Леонидъ.

Да объ чемъ же мы будемъ разговаривать? Я только одно и буду говорить тебѣ, что люблю тебя.

Надя.

Вы будете говорить, а я буду слушать.

Леонидъ.

Да, вѣдь, это надоѣстъ одно и тоже.

Надя.

Вамъ, можетъ быть, надоѣстъ, а мнѣ никогда не надоѣстъ.

Леонидъ.

Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька. (*Встаетъ и цѣлуетъ ее*).

Надя.

Чтожъ это вы! А вы сидите смирно, какъ уговоръ былъ.

Леонидъ.

Такъ, сложа руки и сидѣть?

Надя (*смѣясь*).

Такъ и сидѣть. Вотъ слышите, въ рощѣ соловей поетъ. А вы сидите, да слушайте. Какъ хорошо такъ слушать.

Леонидъ.

Какъ такъ?

Надя.

Да вотъ такъ, какъ мы съ вами сидимъ. Кажется, всю жизнь такъ бы и сидѣла, да слушала. Ужь чего еще лучше, чего еще надобно...

Леонидъ.

Наденька, да вѣдь это, право, скучно.

Надя.

Вотъ вы каковы, мужчины-то! Вамъ ужь сейчасъ и скучно сдѣлается. А я, вотъ, готова всю ночь просидѣть, да глядѣть на васъ, не спуская глазъ. Кажется, про весь свѣтъ забуду! (*У нея навертываются слезы, она нагибаетъ голову, потомъ смотритъ на Леонида пристально и задумчиво*).

Леонидъ.

Теперь бы хорошо на лодкѣ покататься; погода теплая, мѣсяцъ свѣтитъ.

Надя (*разсѣянно и почти машинально*).

Чего-съ?

Леонидъ.

Покататься бы на лодкѣ; я бы тебя перевезъ на островокъ. Тамъ такъ хорошо, на островкѣ. Ну, чтожъ, пойдемъ. (*Беретъ ее за руку*).

Надя (*въ задумчивости*).

Куда же-съ?

Леонидъ.

Куда, куда? Я тебѣ говорилъ, развѣ ты не слыхала?

Надя.

Ахъ, извините, голубчикъ баринъ. Я задумалась и не слыхала ничего. Баринъ миленькій, простите. (*Кладетъ голову ему на плечо*).

Леонидъ.

Я говорю: поѣдемъ на островокъ.

Надя (*прилегая*).

Ахъ, да, куда вамъ угодно! Хоть на край свѣта! Только бы съ вами... Ведите, куда хотите.

Леонидъ.

Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мнѣ кажется, я заплачу, глядя на тебя. (*Подходятъ къ лодкѣ*).

Леонидъ.

Прощай, Лиза.

Лиза (*выходя изъ кустовъ, грозитъ*).

Смотрите вы! (*Леонидъ и Надя садятся въ лодку и уѣзжаютъ*).

Лиза.

Вотъ и уѣхали! Дожидайся ихъ тутъ! Страсти вѣдь это, да и только! Ночью, въ саду-то, да еще и одна! Эко наше дѣло — всего-то бойся и... (*Оглядывается*). Смерть, вѣдь, это! Человѣкъ-то бы еще ничего, все какъ нибудь сговорить можно... Батюшки! Идетъ кто-то! (*Смотритъ*). Ну, ничего; это наши старики съ гулянья (*прячется*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Выходятъ Потапычъ въ шинели и въ шляпѣ съ широкими полями и съ тростью; немного подъ хмѣлькомъ, Гавриловна въ старомодной шляпкѣ. Садятся на скамью.

Потапычъ.

Нѣтъ, ты, Гавриловна, не то... ты не говори!... Барыня у насъ такая... барыня добрая!... Вотъ попросились мы на гулянье, ну, говоритъ, ступайте... А что про нее говорятъ... это я не знаю: не мое дѣло, ну, я и не знаю.

Гавриловна.

Еще бъ насъ-то не пустить, Потапычъ! Мы съ тобой не молоденькіе, не избалуемся.

Потапычъ.

Молодыхъ нельзя, потому на все, Гавриловна, примѣры. Какіе человѣкъ предъ собой имѣетъ примѣры, такъ и онъ все можетъ... подобно какъ...

Гавриловна.

Ну, а вотъ зачѣмъ Гришку пустили? Сказала, не пущу, — ну, и не пущала бы.

Потапычъ.

Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень на счетъ Гришки... очень смущала, а я не знаю. Не мое дѣло, ну, я и не знаю.

Гавриловна.

То-то вотъ, ты говоришь, примѣры-то? Лучше бы она сама хорошій примѣръ показывала! А то только и кричитъ: смотри, да смотри за дѣвками! А что за ними смотрѣть-то? Малолѣтныя онѣ, что ли? У всякаго чело-

вѣка свой умъ въ головѣ. Пущай всякой самъ о себѣ и думаетъ. Смотрятъ-то только за пятилѣтними, чтобъ они не сбаловали чего нибудь. Эка жизнь дѣвичья! Нѣтъ-то хуже ея на свѣтѣ! А не хотятъ того разсудить: много ли дѣвка въ жизнь-то радости видитъ! Ну, много ли?—скажи.

Потапычъ *(вздыхаетъ)*.

Желтенькая жизнь.

Гавриловна.

То-то вотъ и есть! Стало быть, ихъ пожалѣть надо, а не то что обижать на каждомъ шагу. А то, на что это похоже! Ужь имъ и вѣры нѣтъ, словно онѣ и не люди! Только куда дѣвка носъ высунула, такъ ужь сторожа и ходятъ.

Потапычъ.

Вѣдь нельзя же...

Гавриловна.

Чего нельзя-то? Все можно. Полно ты, Потапычъ! Ты привыкъ съ чужихъ словъ, какъ сорока, болтать, а ты самъ подумай.

Потапычъ.

А я не знаю... Я ничего не знаю.

Гавриловна.

Строгостью ничего не возьмешь! Хоть скажи имъ, пожалуй, что вотъ, молъ, за то-то и то-то вѣшать будутъ — все-таки будутъ дѣлать. Гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше. Надо судить по человѣчеству. Нужды нѣтъ, что у нихъ разумъ-то купленый, а у насъ свой дешевый, да и то мы такъ не разсуждаемъ. На словахъ-то ты прикажи строго-на́-строго, а на дѣлѣ не всякаго виноватаго казни, а инаго и помилуй. Иное дѣло бываетъ отъ баловства, а иной бѣдѣ и самъ не радъ.

Потапычъ.

Теперь, если меня спросить... Такъ что я на это отвѣчать могу? Ну, что я тебѣ отвѣчу?

Гавриловна.

Ну, что?

Потапычъ.

А вотъ что: я этого не знаю, потому это не мое дѣло... это дѣло барыни.

Гавриловна.

Ахъ ты, старина—старина!—совсѣмъ-то ты изъ ума выжилъ.

Потапычъ.

Я чтожъ... я, по милости барыни, теперича у своей должности... Я всѣ порядки свои веду... а я не знаю.

Гавриловна.

Пойдемъ-ка домой. Какъ бы и про насъ съ тобой чего не подумали. *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лиза *(выходитъ)*.

Вотъ опять одна! Что же это голубки-то мои? Они чай и забыли про меня! Да ужь гдѣ теперь имъ обо мнѣ помнить! Батюшки, скоро разсвѣтать станетъ. Ишь ты, ночи-то нынче короче воробьинаго носу. Какъ тогда домой-то пойти? Эка эта Надя, безстрашная. *(Входитъ Василиса Перегриновна)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна.

Ты, милушка, тутъ что дѣлаешь?

Лиза.

Развѣ не видите? — гуляю.

Василиса Перегриновна.

Вижу! Какъ не видать! А что это за гулянье у васъ по ночамъ.

Лиза.

А когда же намъ гулять-то? Днемъ работаемъ, да господамъ служимъ, а по ночамъ гуляемъ. Вотъ на васъ такъ я дивлюсь! Неужто вы днемъ-то не нагуляетесь, что вамъ еще хочется по ночамъ бродить да людей пугать, словно какъ...

Василиса Перегриновна.

Что словно какъ?.. Ну, говори, говори.

Лиза.

Что?—Ничего.

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ты сказала: словно какъ... Ну, такъ говори жъ теперь, словно какъ кто?

Лиза.

Ну, сказала, такъ сказала.

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ты увертываться не смѣй! Ты говори!

Лиза.

Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Какъ кикимора.

Василиса Перегриновна.

Что, что! Какъ кикимора!.. Какъ ты смѣешь, дрянная дѣвчонка, а! Да что-жъ это такое! Вы меня живую въ гробъ вогнать хотите! А вотъ я найду здѣсь твоего любовника, да къ барынѣ васъ и приведу. Вотъ посмотрю я тогда, что ты запоешь.

Лиза.

Нѣтъ у меня любовника! Нечего вамъ и искать. Пожалуй хоть весь садъ обыщите! А хоть бы и былъ, такъ не ваше дѣло. Вамъ стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это къ стыду вашему относится!

Василиса Перегриновна.

Пой, пой, милая, хорошо ты поешь, гдѣ-то сядешь! Даромъ ты по ночамъ шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я васъ всѣхъ на свѣжую воду выведу. Ужь теперь разкипѣлось мое сердце, такъ хоть ты мнѣ въ ноги кланяйся, а я тебѣ не прощу этого.

Лиза.

Дожидайтесь! Стану я вамъ кланяться, какже! Держите карманъ-то!

Василиса Перегриновна.

Нѣтъ, ужь я теперь каждый кустикъ огляжу.

Лиза.

Оглядывайте. (*Василиса Перегриновна смотритъ по сторонамъ, потомъ подходитъ къ пруду*).

Василиса Перегриновна.

А, вотъ оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! Въ лодкѣ! Обнявшись! Какъ это нѣжно! Точно на картинкѣ на какой! Ужь вамъ бы догадаться гитару взять, да романцы пѣть!.. Цѣлуются! Вотъ это хорошо! Вотъ прекрасно! Опять! Отлично! Ужь чего лучше? Тьфу ты мерзость. Смотрѣть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать съ вами нечего. Завтра я съ вами поговорю. (*Уходитъ*).

Лиза.

Вотъ нелегкая нанесла! Не расхлебаешь теперь бѣ-

ды-то! (*Леонидъ и Надя пристаютъ къ берегу и выходятъ изъ лодки*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Лиза, Надя и Леонидъ.

Лиза.

Что вы надѣлали, что вы надѣлали!...

Надя (*не слушая ея, тихо Леониду*).

Придете завтра?

Леонидъ.

Приду.

Лиза.

Да что ты, не слышишь, что ли?

Надя.

Коли мнѣ нельзя будетъ, такъ я вамъ какъ нибудь записочку передамъ.

Леонидъ.

Хорошо.

Надя.

Ну, прощайте. (*Цѣлуются*).

Лиза (*громко*).

Да Надя!

Надя (*подходитъ къ Лизѣ. Леонидъ садится на скамью*).

Что тебѣ?

Лиза.

Василиса Перегриновна видѣла, какъ вы на прудѣ катались.

Надя.

Ну, Богъ съ ней.

Лиза.

Ну, дѣвка! Не сносить тебѣ своей головы!

Леонидъ.

Надя! (*Надя подходитъ*). Ахъ, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка.

Надя.

Что это вы!

Леонидъ.

Наденька (*шепчетъ ей на ухо*).

Надя (*качаетъ головой*).

Ахъ, голубчикъ вы мой! Что это вамъ въ голову пришло! Я не тужу, а вы тужите, какой добренькій! Ну, прощайте! Пора намъ. Не ушла бы я отъ васъ, да нечего дѣлать: не своя воля.

Леонидъ.

Ну, прощай! (*Медленно, какъ бы нехотя, расходятся. Надя возвращается, догоняетъ Леонида и смотритъ ему въ глаза*).

Надя.

Любишь меня?

Леонидъ.

Люблю, люблю! (*Цѣлуются и уходятъ въ разныя стороны*).

VI.

Комната второй картины.

ЯВЛЕНІЕ I (*).

Потапычъ становится у притолки и держится за голову. Василиса Перегриновна входитъ тихо.

Василиса Перегриновна.

Со вчерашняго должно быть, другъ мой?

Потапычъ

Чего-съ?

Василиса Перегриновна.

Голова-то болитъ.

Потапычъ.

Вы што-ль мнѣ денегъ-то давали?

Василиса Перегриновна.

На что другое у васъ нѣтъ; а на это найдете.

Потапычъ.

Ну, такъ стало быть и не ваше дѣло.

Василиса Перегриновна.

Конечно, Потапычъ, ты старый человѣкъ, отчего тебѣ и не выпить иногда!

(*) Все явленіе шопотомъ.

Потапычъ.

Само собою. Чай трудимся...

Василиса Перегриновна.

Такъ, такъ, Потапычъ!

Потапычъ.

Ужь намъ выговоры-то отъ васъ надоѣли.

Василиса Перегриновна.

Добра вамъ желаю, Потапычъ.

Потапычъ.

Да ужь не надо! *(Молчаніе)*. Да вы барыню вотъ разстраиваете! Чѣмъ бы за насъ словечко замолвить, когда она въ веселомъ духѣ, а вы нарочно дурнаго часу ищите, чтобъ на насъ нажаловаться.

Василиса Перегриновна.

И, что ты, Потапычъ, сохрани меня Богъ!

Потапычъ.

Да, ужь что! Какъ ни божитесь, я васъ знаю! Вотъ хоть бы теперь, вы зачѣмъ идете къ баринѣ?

Василиса Перегриновна.

Съ добрымъ утромъ поздравить благодѣтельницу.

Потапычъ.

А вы не ходите лучше!

Василиса Перегриновна.

А что?

Потапычъ.

Должно быть, лѣвой ногой съ постели встала; на свѣтъ не глядитъ. *(Василиса Перегриновна потираетъ руки отъ удовольствія)*. Вотъ ужь я и вижу, что вы ра-

ды; васъ такъ и подмываетъ сдьяволить что-нибудь. Тьфу! прости Господи! Ужъ такой карахтеръ!

Василиса Перегриновна.

Обидныя ты мнѣ, Потапычъ, слова говоришь, до самаго до сердца обидныя. Когда я про тебя что-нибудь баринѣ говорила?

Потапычъ.

А не про меня, такъ про другого про кого нибудь.

Василиса Перегриновна.

А, ужь это мое дѣло.

Потапычъ.

И все, вѣдь, это въ васъ ехидство дѣйстуетъ.

Василиса Перегриновна.

Не ехидство, не ехидство, мой другъ! Ошибаешься ты! Я такую обиду надъ собою видѣла, что на свѣтѣ жить нельзя послѣ этого. Умирать буду, не забуду.

(Уланбекова входитъ, Потапычъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Уланбекова и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна *(цѣлуя обѣ руки Уланбековой).*

Раненько встали, благодѣтельница! Заботы-то у васъ больно много.

Уланбекова *(садясь).*

Не поспалось что-то! Дурной сонъ видѣла.

Василиса Перегриновна.

Что сонъ, благодѣтельница! И страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ. Не сонъ, а на яву-то что дѣлается,

разстроиваетъ васъ, благодѣтельницу. Вижу я это, давно вижу.

Уланбекова.

Ахъ, да что мнѣ за дѣло, что тамъ дѣлается?

Василиса Перегриновна.

Какъ же, благодѣтельница, развѣ мы не знаемъ, что душенька ваша о всякой твари печется?

Уланбекова.

Надоѣла ты мнѣ.

Василиса Перегриновна.

Жаль мнѣ васъ, благодѣтельница! Не дождетесь вы себѣ въ этой жизни отрады! Вы всѣмъ благодѣянія разсыпаете, а чѣмъ вамъ платятъ за это? Міръ-то полонъ разврата.

Уланбекова.

Отойди!

Василиса Перегриновна (*плача*).

Слезами я заливаюсь, глядя на васъ! Сердце мое кровью обливается, что васъ, благодѣтельницу, не уважаютъ, дому вашего не уважаютъ! Въ вашемъ ли честномъ домѣ, въ этакихъ мѣстахъ благочестивыхъ, такія дѣла дѣлать!

Уланбекова (*нахмуривъ брови*).

Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай!

Василиса Перегриновна.

Благодѣтельница, не разстроить бы васъ, боюсь я.

Уланбекова.

Ужь ты разстроила. Говори.

Василиса Перегриновна *(оглядывается во всѣ стороны и садится на скамейку у ногъ Уланбековой).*

Кончила я, благодѣтельница, вчера свою вечернюю молитву Творцу Небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышленіями на ночь заняться.

Уланбекова.

Ну!

Василиса Перегриновна.

И что же я тамъ увидѣла, благодѣтельница! Какъ меня ноги сдержали, ужь я и не знаю! Лизка бѣгаетъ по кустамъ въ развращенномъ видѣ, должно быть, любовниковъ своихъ ищетъ; ангельчикъ, нашъ баринъ, катается на пруду въ лодкѣ, а Надька, тоже въ развращенномъ видѣ, уцѣпилась ему за шею руками и лобзаетъ его. И какъ это видно было, что онъ, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть отъ себя; а она все хватаетъ его за шею, лобзаетъ и соблазняетъ.

Уланбекова.

А если ты врешь?

Василиса Перегриновна.

Четверить себя позволю, благодѣтельница.

Уланбекова.

Если въ твоихъ словахъ есть хоть капля правды, такъ ужь и этого довольно.

Василиса Перегриновна.

Все правда, благодѣтельница.

Уланбекова.

Вздоръ! не можетъ быть, чтобы все! Ты всегда больше половины сочиняешь. А гдѣ-жъ люди были?

Василиса Перегриновна.

Всѣ, благодѣтельница, пьянёхоньки. Только васъ уложили, всѣ и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна и Патапычъ, всѣ пьяные. Какой примѣръ молодымъ-то!

Уланбекова.

Это дѣло надо разобрать хорошенько. Ну, ужь я никакъ бы и не подумала на Леонида. Вотъ они тихинькіе-то! Ну, еще будь онъ военный, такъ извинительно бы, а то... (*задумывается*).

Василиса Перегриновна.

Да вотъ еще, благодѣтельница, Гриша-то до сихъ поръ съ гулянки не бывалъ.

Уланбекова.

Какъ? И не ночевалъ дома?

Василиса Перегриновна.

Не ночевалъ, благодѣтельница!

Уланбекова.

Врешь, врешь, врешь! Со двора сгоню.

Василиса Перегриновна.

Издохнуть на этомъ мѣстѣ.

Уланбекова (*опускаясь въ кресло*).

Ты меня уморить хочешь! (*Поднимаясь съ кресла*). Ты меня, просто, уморить хочешь. (*Звонитъ. Входитъ Потапычъ*). Гдѣ Гриша?

Потапычъ.

Сейчасъ пришелъ-съ.

Уланбекова.

Позови его сюда! (*Потапычъ уходитъ*). Однако это ужь изъ рукъ вонъ!

Василиса Перегриновна.

Не найдти вамъ, благодѣтельница, никого преданнѣе меня, только однимъ я и несчастлива, что характеръ мой вамъ не нравится. (*Входитъ Гриша растрепанный и взъерошенный*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Гриша.

Уланбекова.

Ты гдѣ былъ?

Гриша (*то открываетъ, то закрываетъ глаза, нетвердъ въ языкѣ и на ногахъ*).

На гулянкѣ-съ.

Уланбекова.

До сихъ-то поръ? (*Гриша молчитъ*). Что же ты молчишь? (*Молчаніе*). Дождусь ли я отъ тебя слово или нѣтъ?

Василиса Перегриновна.

Отвѣчай баринѣ.

Гриша.

Вамъ что еще!

Уланбекова.

Отвѣчай мнѣ, гдѣ ты былъ до сихъ поръ?

Гриша.

Виноватъ-съ.

Уланбекова.

Я не объ этомъ у тебя спрашиваю, виноватъ ты, или нѣтъ; я у тебя спрашиваю, гдѣ ты былъ?

Гриша (*смотритъ въ потолокъ и хлопаетъ глазами*).

Гдѣ-жъ мнѣ быть-то! Чтожъ такое; обыкновенно гдѣ

Уланбекова.

Ну, гдѣ же?

Гриша.

Да я вамъ докладывалъ, что все тамъ же-съ.

Уланбекова.

Ты меня выводишь изъ терпѣнія! Гдѣ тамъ?

Гриша.

Да что же такое-съ! На все ваша воля-съ. Я чтоже-съ... я, виноватъ-съ.

Уланбекова.

Боже мой! Да ты и пьянъ еще, кажется.

Гриша.

Никакъ нѣтъ-съ.

Уланбекова.

Какъ нѣтъ? Я вижу.

Гриша.

Что же такое-съ! Про человѣка все можно сказать.

Уланбекова.

Ахъ, ты, мерзкій мальчишка! Онъ еще запирается! Это ужасно! это ужасно! Ну, говори сейчасъ, гдѣ былъ?

Гриша.

Чтоже-съ! Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланбекова.

Цѣлую-то ночь ты былъ на гуляньѣ?

Гриша.

Я вамъ докладывалъ-съ.

Уланбекова.

Какъ же ты смѣлъ, когда я тебя отпустила не надолго?

Гриша.

Чтоже-съ! Я и хотѣлъ идти домой, да не отпустили-съ.

Уланбекова.

Кто же тебя не отпустилъ?

Гриша.

Знакомые не пустили-съ.

Уланбекова.

Кто же у тебя знакомые?

Гриша.

Что же-съ! Приказные знакомые.

Уланбекова.

Боже мой! Приказные, понимаешь ли ты, что это за народъ?

Гриша.

Кто-съ, приказные-то? Что-жъ ихъ понимать-то-съ?

Уланбекова.

Съ ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше-бъ ужъ ты мнѣ и не говорилъ, мерзавецъ ты этакой. Знаю я ихъ поведеніе-то! Они всему научатъ. Чтоже это такое! Поди вонъ! И не смѣй мнѣ показываться на глаза!

Василиса Перегриновна.

Проси прощенья, дуракъ! цѣлуй у барини ручку! *(Гриша махнувъ рукой, уходитъ).*

Уланбекова.

Это наказаніе! Я просто больна сдѣлаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушелъ, точно ему и нужды нѣтъ! И никакого раскаянія не видно.

Василиса Перегриновна.

Ахъ, благодѣтельница; вѣдь онъ еще ребенокъ, больше по глупости.

Уланбекова.

Нѣтъ, его надо бы хорошенько.

Василиса Перегриновна.

И, что вы, благодѣтельница? Еще совсѣмъ глупъ мальчишка! Что съ него и требовать-то! Вотъ поумнѣе будетъ, тогда другое дѣло.

Уланбекова.

Больше всего меня оскорбляетъ неблагодарность! Кажется, онъ долженъ бы чувствовать, что я для него дѣлаю. Я больна совсѣмъ. Пошли за докторомъ!

Василиса Перегриновна.

Устпокойтесь, благодѣтельница. Стоютъ ли они того, чтобы вы изъ-за всякой дряни себя разстроивали!

Уланбекова.

Подай мнѣ спиртъ.

Василиса Перегриновиа *(подаетъ)*.

Плюнуть на нихъ, да и все тутъ. Хоть бы теперь эти дѣвки...

Уланбекова.

Ахъ, вотъ еще наказанье-то! Я теперь и съ мыслями не соберусь, совершенно разстроена, а она тутъ съ дѣвками. Я, того и гляди, въ постель слягу.

Василиса Перегриновна.

Ужь и разврату-то, благодѣтельница, терпѣть мочи нѣтъ.

Уланбекова.

Нѣтъ, ужь они-то не жди отъ меня милости. А то

одного прости, другаго прости, такъ весь народъ перебалуешь. *(Звонитъ, входитъ Потапычъ)*. Позови Надежду и самъ приходи! (*Потапычъ уходитъ*). Вотъ что значитъ женщина-то! Будь я мужчина, развѣ бы посмѣли такъ вольничать?

Василиса Перегриновна.

Ни во что, благодѣтельница, васъ считаютъ, ни во что. Ни капельки—таки не боятся.

Уланбекова.

А вотъ они увидятъ сейчасъ, что я значу. (*Входятъ Потапычъ и Надя. Гавриловна и Лиза смотрятъ въ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Потапычъ и Надя.

Уланбекова.

Надежда! Василиса Перегриновна говоритъ, что видѣла тебя съ бариномъ ныньче ночью въ саду. Правда ли? *(Надя молчитъ)*. Ты молчишь, значитъ правда. Ну, ужь теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпѣть его въ своемъ домѣ не хочу. Прогнать мнѣ тебя, чтобы ты шлялась вездѣ, я не могу: это на моей совѣсти останется. Я должна тебя отдать замужъ. (*Потапычу)*: Послать въ городъ и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорѣе, какъ можно. *(Встаетъ со стула и хочетъ идти)*.

Надя (*падая ей въ ноги*).

Что хотите, только не за него замужъ.

Уланбекова.

Это вздоръ! Что я сказала, то свято. Да и что за сце-

ны такія? Ты развѣ не видишь, что я нездорова. Еще разстроивать меня! Потапычъ! У ней отца нѣтъ, ты ей будь вмѣсто отца, внуши ей по-отечески, какъ гнусно ея поведеніе и что она должна исполнять мои приказанія.

Потапычъ.

Ты, Надежда, слушай, что барыня приказываетъ! Потому какъ они мнѣ тебя поручаютъ, значитъ, я долженъ свою власть показать надъ тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчасъ же при васъ собственноручно ей нравоученіе сдѣлать! Вотъ, смѣй хоть одно словечко напротивъ сказать, тутъ же и оттаскаю, ни на кого не посмотрю. (*Замахивается*).

Надя.

Ахъ!... (*Пригибается*).

Уланбекова.

Не бей ее! Что за сцены отвратительныя!

Потапычъ.

Да какъ же, сударыня! Такъ съ ними не сговоришь. Опять же, коли я отецъ, такъ ужь это прямое дѣло! На то есть законъ и, при всемъ томъ, какъ она вамъ теперича противится, такъ я и для васъ долженъ это удовольствіе сдѣлать.

Надя (*плача*).

Сударыня, не губите меня!

Уланбекова.

Ахъ, Боже мой! Вы меня совсѣмъ не бережете. Слезы, драки! Пошлите сейчасъ за докторомъ! Сколько мнѣ разъ говорить! А ты сама виновата, не на кого тебѣ плакаться. Потапычъ!—чтобы это дѣло было кончено. Я не люблю десять разъ повторять одно и тоже. (*Ухо-*

*

дитъ. Гавриловна за ней. Молчаніе. Гавриловна возвращается).

Гавриловна.

Улеглась въ постель и на свѣтъ не глядитъ.

Потапычъ *(въ окно).*

Антошка! Антошка! Фалеторъ! Сѣдлай лошадь, поѣзжай въ городъ за докторомъ. Ахъ, ты Господи!

Надя *(вставая съ колѣнъ).*

Какъ вамъ не грѣхъ обижать меня, Потапычъ! Что же я вамъ-то сдѣлала?

Потапычъ.

Мнѣ что же! Мнѣ до тебя какое дѣло! А какъ собственно на то есть господская воля, ну, я и долженъ потрафлять во всемъ; потому я долженъ раболѣпствовать.

Надя.

Вамъ бы убить меня приказали, вы бы и убили?

Потапычъ.

Ужь это не наше дѣло, мы этого разсуждать не можемъ.

Гавриловна.

Полно, Надя, не плачь! Богъ сиротъ не оставляетъ. *(Надя падаетъ ей на грудь).*

Лиза *(Василисѣ Перегриновнѣ).*

Ну, что, весело теперь вашему сердцу?

Василиса Перегриновна.

Погоди, милая, и до тебя очередь дойдетъ. (*Леонидъ входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже и Леонидъ.

Леонидъ.

Что такое? Что случилось?

Василиса Перегриновна.

Набѣдокурили сами, да и спрашиваете, что случилось.

Леонидъ.

Что я набѣдокурилъ? Что вы все выдумываете?

Василиса Перегриновна.

Ужь не притворяйтесь! Теперь все наружу вышло. Пошалили немножко! Что-жъ такое! Въ ваши лѣта, да и не пошалить!

Лиза.

Ужь она все барынѣ отлепортовала. Барыня такъ разгнѣвались, что бѣда! Ужь теперича Надю, сударь, за того за приказнаго отдаютъ.

Леонидъ.

Неужели?

Надя.

Кончено дѣло, баринъ голубчикъ! Приходится мнѣ отвѣчать за вчерашное гулянье.

Леонидъ.

Очень сердита маменька?

Гавриловна.

Ужь и не подходи никто.

Леонидъ.

Какъ же это быть-то? Какъ нибудь уговорить нельзя-ль?

Гавриловна.

Подите-ко, попробуйте. Нѣтъ, ужь она теперь дней пять изъ комнаты не выйдетъ, и никого къ себѣ пускать не велѣла.

Василиса Перегриновна.

А вамъ хочется уговорить маменьку?

Леонидъ.

Да.

Василиса Перегриновна.

Хотите, научу?

Леонидъ.

Сдѣлайте милость, Василиса Перегриновна!

Василиса Перегриновна.

Ну ужь, извольте. Благодѣтельница наша обидѣлись очень на Гришку, что онъ не ночевалъ дома, пришелъ пьяный, да еще и прощенья не попросилъ, ручку не поцѣловалъ. Отъ этого огорченія онѣ и больны-то сдѣлались. Ужь Надежда-то такъ, подъ сердитую руку, попалась. Теперь наша благодѣтельница и изъ комнаты не выйдетъ и никого къ себѣ не пуститъ, пока этотъ противный Гришка прощенія просить не будетъ.

Гавриловна.

А, такъ тутъ вотъ какая контра вышла. Ну, ужь Гриша тоже свой характеръ выдержитъ. Онъ хоть и дуракъ, а себѣ на умѣ; онъ теперь завалится на сѣно, да дня четыре на брюхѣ и пролежитъ.

Потапычъ.

Взять бы орясину — послѣ дяди Герасима, да съ хазоваго-то конца и начать охаживать.

Василиса Перегриновна.

Вотъ теперь, баринъ нашъ хорошій, неугодно ли вамъ

будетъ ему поклониться, чтобы онъ поскорѣй шелъ у маменьки прощенья просить.

Леонидъ (*подумавъ*).

Ну, ужь это ему много чести будетъ. А что, Гавриловна, маменька въ самомъ дѣлѣ очень сердится?

Гавриловна.

Такъ, сударь, сердится, что бѣда!

Леонидъ.

Что-жъ теперь дѣлать-то?

Надя.

Да что вы хлопочите-то! Ничего вѣдь вы сдѣлать не можете: ужь оставьте лучше! Вы же теперь скоро уѣдете въ Петербургъ; веселитесь себѣ; что вамъ объ такихъ пустякахъ думать, себя безпокоить!

Леонидъ.

Да вѣдь мнѣ тебя жалко!

Надя.

Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума.

Леонидъ.

Какъ же ты теперь думаешь?

Надя.

А ужь это мое дѣло.

Леонидъ.

Да вѣдь тебѣ будетъ очень тяжело.

Надя.

Вамъ-то что за дѣло! Вамъ за то весело будетъ.

Леонидъ.

Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?

Надя.

За тѣмъ, что вы мальчикъ еще!... Оставьте!

Леонидъ.

Да, вѣдь, онъ пьяный, скверный такой!

Надя.

Ахъ, Боже мой! Ужь ѣхали бы вы лучше куда нибудь, — съ глазъ долой.

Леонидъ.

А, въ самомъ дѣлѣ, я лучше поѣду къ сосѣдямъ на недѣлю.

Надя.

Ну, и съ Богомъ!

Леонидъ.

А какъ ужь очень-то тебѣ, Надя, тяжело будетъ съ мужемъ-то жить, что-жъ тогда?

Надя *(плача)*.

Ахъ, оставьте вы меня! Сдѣлайте милость, оставьте! *(Рыдая)*: Объ одномъ я васъ прошу, оставьте меня, ради Бога! *(Рыдаетъ)*.

Гавриловна и Лиза *(машутъ руками)*.

Ступайте! Ступайте!

Леонидъ.

Что-жъ вы меня гоните! Мнѣ, чай, жалко ее! Я все-таки подумаю, можетъ быть можно еще, какъ нибудь, помочь ей.

Надя *(съ отчаяніемъ)*.

Ни помощниковъ, ни заступниковъ мнѣ не надо! не надо! Не хватитъ моего терпѣнія, такъ прудъ-то у насъ не далеко!

Леонидъ (*робко*).

Ну, я пожалуй уѣду... Только что она говоритъ! Вы пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! *(Идетъ къ дверямъ)*.

Надя (*въ слѣдъ ему громко*).

Прощайте! *(Леонидъ уходитъ)*.

Лиза.

Видно, правда пословица-то: кошкѣ игрушки, а мышкѣ слёзки.

ГРОЗА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ГРОЗА.

ЛИЦА:

САВЕЛЪ ПРОКОФЬЕВИЧЪ ДИКОЙ, купецъ, значительное лицо въ городѣ (*).

БОРИСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, племянникъ его, молодой человѣкъ, порядочно образованный.

МАРФА ИГНАТЬЕВНА КАБАНОВА (Кабаниха), богатая купчиха, вдова.

ТИХОНЪ ИВАНЫЧЪ КАБАНОВЪ, ея сынъ.

КАТЕРИНА, жена его.

ВАРВАРА, сестра Тихона.

КУЛИГИНЪ, мѣщанинъ, часовщикъ-самоучка, отыскивающій перпетуумъ-мобиле.

ВАНЯ КУДРЯШЪ, молодой человѣкъ, конторщикъ Дикова.

ШАПКИНЪ, мѣщанинъ.

ѲЕКЛУША, странница.

ГЛАША, дѣвка въ домѣ Кабановой.

БАРЫНЯ СЪ ДВУМЯ ЛАКЕЯМИ, старуха 70-ти лѣтъ, полусумашедшая.

ГОРОДСКІЕ ЖИТЕЛИ ОБОЕГО ПОЛА.

Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Калиновѣ, на берегу Волги, лѣтомъ. Между 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ 10 дней.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Общественный садъ на высокомъ берегу Волги, за Волгой сельскій видъ. На сценѣ двѣ скамейки и нѣсколько кустовъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кулигинъ *(сидитъ на скамьѣ и смотритъ за рѣку)*. Кудряшъ и Шапкинъ *(прогуливаются)*.

Кулигинъ *(поетъ)*.

«Среди долины ровныя, на гладкой высотѣ...» *(Пере-*

(*) Всѣ лица, кромѣ Бориса, одѣты по-русски.

стаетъ пѣть). Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряшъ! Вотъ, братецъ ты мой, пятьдесятъ лѣтъ я каждый день гляжу за Волгу и все наглядѣться не могу.

Кудряшъ.

А что?

Кулигинъ.

Видъ необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряшъ.

Нештò!

Кулигинъ.

Восторгъ! А ты: «нештo!» Приглядѣлись вы, либо не понимаете, какая красота въ природѣ разлита.

Кудряшъ.

Ну, да вѣдь съ тобой что толковать! Ты у насъ антикъ, химикъ.

Кулигинъ.

Механикъ, самоучка механикъ.

Кудряшъ.

Все одно. *(Молчаніе)*.

Кулигинъ *(показывая въ сторону)*.

Посмотри-ка, братъ Кудряшъ, кто это тамъ такъ руками размахиваетъ?

Кудряшъ.

Это? Это—Дикóй племянника ругаетъ.

Кулигинъ.

Нашелъ мѣсто!

Кудряшъ.

Ему вездѣ мѣсто. Боится, что ль, онъ кого! Достал-

ся ему на жертву Борисъ Григорьичъ, вотъ онъ на немъ и ѣздитъ.

Шапкинъ.

Ужь такого-то ругателя, какъ у насъ Савёлъ Прокофьичъ, поискать еще! Ни за что человѣка оборвётъ.

Кудряшъ.

Пронзительный мужикъ!

Шапкинъ.

Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряшъ.

Ну, да та хоть, по крайности, все подъ видомъ благочестія, а этотъ, какъ съ цѣпи сорвался!

Шапкинъ.

Унять-то его некому, вотъ онъ и воюетъ!

Кудряшъ.

Мало у насъ парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкинъ.

А чтобы вы сдѣлали?

Кудряшъ.

Постращали бы хорошенько.

Шапкинъ.

Какъ это?

Кудряшъ.

Вчетверóмъ этакъ, впятерóмъ, въ переулкѣ гдѣ нибудь поговорили бы съ нимъ съ глазу на глазъ, такъ онъ бы шелковый сдѣлался. А про нашу науку-то и не пикнулъ бы никому, только бы ходилъ да оглядывался.

Шапкинъ.

Не даромъ онъ хотѣлъ тебя въ солдаты-то отдать.

Кудряшъ.

Хотѣлъ, да не отдалъ, такъ это все одно, что ничего. Не отдастъ онъ меня, онъ чуетъ носомъ-то своимъ, что я свою голову дешево не продамъ. Это онъ вамъ страшенъ-то, а я съ нимъ разговаривать умѣю.

Шапкинъ.

Ой-ли?

Кудряшъ.

Что тутъ: ой ли! Я грубіянъ считаюсь; за что-жъ онъ меня держитъ? Стало быть, я ему нуженъ. Ну, значитъ, я его и не боюсь, а пущай же онъ меня боится.

Шапкинъ.

Ужь будто онъ тебя и не ругаетъ?

Кудряшъ.

Какъ не ругать! Онъ безъ этого дышать не можетъ. Да не спускаю и я: онъ—слово, а я—десять; плюнетъ, да и пойдетъ. Нѣтъ, ужь я передъ нимъ рабствовать не стану.

Кулигинъ.

Съ него, что ль, примѣръ брать! Лучше ужь стерпѣть.

Кудряшъ.

Ну вотъ, коль ты уменъ, такъ ты его прежде учливости-то выучи, да потомъ и насъ учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, большихъ-то ни одной нѣтъ.

Шапкинъ.

А то что бы?

Кудряшъ.

Я бъ его уважилъ. Больно лихъ я на дѣвокъ то! *(Проходятъ Дико́й и Борисъ. Кулигинъ снимаетъ шапку).*

Шапкинъ *(Кудряшу).*

Отойдемъ къ сторонѣ: еще привяжется, пожалуй. *(Отходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже, Дико́й и Борисъ.

Дикой.

Баклуши ты, что ль, бить сюда пріѣхалъ! Дармоѣдъ! Пропади ты пропадомъ!

Борисъ.

Праздникъ; что дома-то дѣлать!

Дикой.

Найдешь дѣло, какъ захочешь. Разъ тебѣ сказалъ, два тебѣ сказалъ: «не смѣй мнѣ на встрѣчу попадаться»; тебѣ все неймется! Мало тебѣ мѣста-то? Куда ни поди, тутъ ты и есть! Тьфу, ты, проклятой! Что ты, какъ столбъ стоишь-то! Тебѣ говорятъ, аль нѣтъ?

Борисъ.

Я и слушаю, чтожъ мнѣ дѣлать еще!

Дикой *(посмотрѣвъ на Бориса).*

Провались ты! Я съ тобой и говорить-то не хочу, съ езуитомъ. *(Уходя).* Вотъ навязался! *(Плюетъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Кулигинъ, Борисъ, Кудряшъ и Шапкинъ.

Кулигинъ.

Что у васъ, сударь, за дѣла съ нимъ? Не поймемъ мы никакъ. Охота вамъ жить у него да брань переносить.

Борисъ.

Ужь какая охота, Кулигинъ! Неволя.

Кулигинъ.

Да какая же неволя, сударь, позвольте васъ спросить. Коли можно, сударь, такъ скажите намъ.

Борисъ.

Отъ чего жъ не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигинъ.

Ну, какъ не знать!

Кудряшъ.

Какъ не знать!

Борисъ.

Батюшку она, вѣдь, не взлюбила за то, что онъ женился на благородной. По этому-то случаю батюшка съ матушкой и жили въ Москвѣ. Матушка разсказывала, что она трехъ дней не могла ужиться съ родней, ужь очень ей дико казалось.

Кулигинъ.

Еще бы не дико! Ужь что говорить! Большую привычку нужно, сударь, имѣть.

Борисъ.

Воспитывали насъ родители въ Москвѣ хорошо, ничего для насъ не жалѣли. Меня отдали въ Коммерче-

скую Академію, а сестру въ пансіонъ, да оба вдругъ и умерли въ холеру, мы съ сестрой сиротами и остались. Потомъ мы слышимъ, что и бабушка здѣсь умерла и оставила завѣщаніе, чтобы дядя намъ выплатилъ часть, какую слѣдуетъ, когда мы придемъ въ совершеннолѣтіе, только съ условіемъ.

Кулигинъ.

Съ какимъ же, сударь?

Борисъ.

Если мы будемъ къ нему почтительны.

Кулигинъ.

Это значитъ, сударь, что вамъ наслѣдства вашего не видать никогда.

Борисъ.

Да нѣтъ, этого мало, Кулигинъ! Онъ прежде наломается надъ нами, наругается всячески, какъ его душѣ угодно, а кончитъ все-таки тѣмъ, что не дастъ ничего, или такъ, какую нибудь малость. Да еще станетъ разсказывать, что изъ милости далъ, что и этого бы не слѣдовало.

Кудряшъ.

Ужь это у насъ въ купечествѣ такое заведеніе. Опять же, хоть бы вы и были къ нему почтительны, нешто кто ему запретитъ сказать-то, что вы непочтительны?

Борисъ.

Ну, да. Ужь онъ и теперь поговариваетъ иногда: «у меня свои дѣти, за что я чужимъ деньги отдамъ? Чрезъ это я своихъ обидѣть долженъ!»

Кулигинъ.

Значитъ, сударь, плохо ваше дѣло.

Борисъ.

Кабы я одинъ, такъ бы ничего! Я бы бросилъ все, да уѣхалъ. А то сестру жаль. Онъ было и ее выписывалъ, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здѣсь жизнь была — и представить страшно.

Кудряшъ.

Ужь само собой. Нешто они обращеніе понимаютъ?

Кулигинъ.

Какъ же вы у него живете, сударь, на какомъ положеніи?

Борисъ.

Да ни на какомъ: «живи, говоритъ, у меня, дѣлай, что прикажутъ, а жалованья, что положу». То есть, черезъ годъ разочтетъ, какъ ему будетъ угодно.

Кудряшъ.

У него ужь такое заведеніе. У насъ никто и пикнуть не смѣй о жалованьѣ, изругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. «Ты, говоритъ, почемъ знаешь, что я на умѣ держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А, можетъ, я приду въ такое расположеніе, что тебѣ пять тысячъ дамъ». Вотъ ты и поговори съ нимъ! Только еще онъ во всю свою жизнь ни разу въ такое-то расположеніе не приходилъ.

Кулигинъ.

Что-жъ дѣлать-то, сударь! Надо стараться угождать какъ нибудь.

Борисъ.

Въ томъ-то и дѣло, Кулигинъ, что никакъ невозможно. На него и свои-то никакъ угодить не могутъ; а ужь гдѣ-жъ мнѣ!

Кудряшъ.

Кто-жъ ему угодитъ, коли у него вся жизнь основана на ругательствѣ? А уж пуще всего изъ-за денегъ; ни одного разсчета безъ брани не обходится. Другой радъ отъ своего отступиться, только бы онъ унялся. А бѣда, какъ его по-утру кто нибудь разсердитъ! Цѣлый день ко всѣмъ придирается.

Борисъ.

Тетка каждое утро всѣхъ со слезами умоляетъ: «батюшки, не разсердите! Голубчики, не разсердите!»

Кудряшъ.

Да нешто убережешься! Попалъ на базаръ, вотъ и конецъ! Всѣхъ мужиковъ переругаетъ. Хоть въ убытокъ проси, безъ брани все-таки не отойдетъ. А потомъ и пошелъ на весь день.

Шапкинъ.

Одно слово: воинъ!

Кудряшъ.

Еще какой воинъ-то!

Борисъ.

А вотъ бѣда-то, когда его обидитъ такой человѣкъ, котораго онъ обругать не смѣетъ; тутъ ужь домашніе держись!

Кудряшъ.

Батюшки! Что смѣху-то было! Какъ-то его на Волгѣ на перевозѣ гусаръ обругалъ. Вотъ чудеса-то творилъ.

Борисъ.

А каково домашнимъ-то было! Послѣ этого двѣ недѣли всѣ прятались по чердакамъ да по чуланамъ.

Кулигинъ.

Что это? Никакъ народъ отъ вечерни тронулся? (*Проходятъ нѣсколько лицъ въ глубинѣ сцены*).

Кудряшъ.

Пойдемъ, Шапкинъ, въ разгулъ! Что тутъ стоять-то? (*Кланяются и уходятъ*).

Борисъ.

Эхъ, Кулигинъ, больно трудно мнѣ здѣсь, безъ привычки-то! Всѣ на меня какъ-то дико смотрятъ, точно я здѣсь лишній, точно мѣшаю имъ. Обычаевъ я здѣшнихъ не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никакъ.

Кулигинъ.

И не привыкнете никогда, сударь.

Борисъ.

Отъ чего же?

Кулигинъ.

Жестокіе нравы, сударь, въ нашемъ городѣ, жестокіе! Въ мѣщанствѣ, сударь, вы ничего, кромѣ грубости да бѣдности нагольной, не увидите. И никогда намъ, сударь, не выбиться изъ этой коры! Потому что честнымъ трудомъ никогда не заработать намъ больше насущнаго хлѣба. А у кого деньги, сударь, тотъ старается бѣднаго закабалить, чтобы на его труды даровые еще больше денегъ наживать. Знаете, что вашъ дядюшка, Савёлъ Прокофьичъ, городничему отвѣчалъ? Къ городничему мужички пришли жаловаться, что онъ ни одного изъ нихъ путемъ не разочтетъ. Городничій и сталъ ему говорить: «послушай говоритъ, Савёлъ Прокофьичъ, расчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ!» Дядюшка

вашъ потрепалъ городничаго по плечу, да и говоритъ: «стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами объ такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то народу перебываетъ; вы то поймите: не доплачу я имъ по какой нибудь копѣйкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо!» Вотъ какъ, сударь! А между собой-то, сударь, какъ живутъ! Торговлю другъ у друга подрываютъ, и нестолько изъ корысти, сколько изъ зависти. Враждуютъ другъ на друга; залучаютъ въ свои высокія-то хоромы пьяныхъ приказныхъ, такихъ, сударь, приказныхъ, что и виду-то человѣческаго на немъ нѣтъ, обличье-то человѣческое истеряно. А тѣ имъ за малую благостыню, на гербовыхъ листахъ злостныя кляузы—строчатъ на ближнихъ. И начнется у нихъ, сударь, судъ да дѣло и нѣсть конца мученіямъ. Судятся—судятся здѣсь, да въ губернію поѣдутъ, а тамъ ужь ихъ и ждутъ, да отъ радости руками плещутъ. Скоро сказка сказывается, да нескоро дѣло дѣлается; водятъ ихъ водятъ, волочатъ ихъ волочатъ; а они еще и рады этому волоченью, того только имъ и надобно. «Я, говоритъ, потрачусь, да ужь и ему станетъ въ копѣйку». Я было хотѣлъ все это стихами изобразить...

Борисъ.

А вы умѣете стихами?

Кулигинъ.

По старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова; Державина.... Мудрецъ былъ Ломоносовъ, испытатель природы... А вѣдь тоже изъ нашего, изъ простаго званія.

Борисъ.

Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигинъ.

Какъ можно, сударь! Съѣдятъ, живого проглотятъ. Мнѣ ужь и такъ, сударь, за мою болтовню достается; да не могу, люблю разговоръ разсыпать! Вотъ еще про семейную жизнь хотѣлъ я вамъ, сударь, расказать; да когда нибудь въ другое время. А тоже есть, что послушать. *(Входятъ Ѳеклуша и другая женщина)*.

Ѳеклуша.

Бла-алѣпіе, милая, бла-алѣпіе! Красота дивная! Да что ужь говорить! Въ обѣтованной землѣ живете! И купечество все народъ благочестивый, добродѣтелями многими украшенный! Щедростью и подаяніями многими! Я такъ довольна, такъ, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставленіе, имъ еще больше щедротъ пріумножится, а особенно дому Кабановыхъ. *(Уходитъ)*.

Борисъ.

Кабановыхъ?

Кулигинъ.

Ханжа, сударь! Нищихъ одѣляетъ, а домашнихъ заѣла совсѣмъ. *(Молчаніе)*. Только бъ мнѣ, сударь, перпету-мобиль найти!

Борисъ.

Что-жъ бы вы сдѣлали?

Кулигинъ.

Какъ же, сударь! Вѣдь англичане милліонъ даютъ; я бы всѣ деньги для общества и употребилъ, для поддержки. Работу надо дать мѣщанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борисъ.

А вы надѣетесь найти перпетуумъ-мобиле?

Кулигинъ.

Непремѣнно, сударь! Вотъ только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Борисъ *(одинъ)*.

Жаль его разочаровывать-то! Какой хорошій человѣкъ! Мечтаетъ себѣ и счастливъ. А мнѣ, видно, такъ и загубить свою молодость въ этой трущобѣ. Ужь вѣдь совсѣмъ убитый хожу, а тутъ еще дурь въ голову лѣзетъ! Ну, къ чему пристало! мнѣ ли ужь нѣжности заводить? Загнанъ, забитъ: а тутъ еще съ дуру-то влюбляться вздумалъ. Да въ кого! Въ женщину, съ которой даже и поговорить-то никогда не удастся. *(Молчаніе)*. А все-таки нейдетъ она у меня изъ головы, хоть ты что хочешь. Вотъ она! Идетъ съ мужемъ, ну, и свекровь съ ними! Ну, не дуракъ ли я! Погляди изъ-за угла да и ступай домой. *(Уходитъ. Съ противоположной стороны входятъ: Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

Кабанова, Кабановъ, Катерина и Варвара.

Кабанова.

Если ты хочешь мать послушать, такъ ты, какъ пріѣдешь туда, сдѣлай такъ, какъ я тебѣ приказывала.

Кабановъ.

Да какъ же я могу, маменька, васъ ослушаться!

Кабанова.

Не очень-то ныньче старшихъ уважаютъ.

Варвара (*про себя*).

Не уважишь тебя, какъ же!

Кабановъ.

Я, кажется, маменька, изъ вашей воли ни на шагъ.

Кабанова.

Повѣрила бы я тебѣ, мой другъ, кабы своими глазами не видала, да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтеніе родителямъ отъ дѣтей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болѣзней отъ дѣтей переносятъ.

Кабановъ.

Я, маменька...

Кабанова.

Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажетъ, такъ я думаю, можно бы перенести! А, какъ ты думаешь?

Кабановъ.

Да когда же я, маменька, не переносилъ отъ васъ?

Кабанова.

Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны съ насъ, дураковъ, и взыскивать.

Кабановъ (*вздыхая*).

(*Въ сторону*): Ахъ, ты Господи! (*Матери*): Да смѣемъ ли мы, маменька, подумать!

Кабанова.

Вѣдь отъ любви родители и строги-то къ вамъ бываютъ, отъ любви васъ и бранятъ-то, все думаютъ добру научать? Ну, а это нынче не нравится. И пойдутъ дѣтки-то по людямъ славить, что мать ворчунья, что

мать проходу не даетъ, со свѣту сживаетъ. А, сохрани Господи, какимъ нибудь словомъ снохѣ не угодить, ну, и пошелъ разговоръ, что свекровь заѣла совсѣмъ.

Кабановъ.

Нешто, маменька, кто говоритъ про васъ?

Кабанова.

Не слыхала, мой другъ, не слыхала, лгать не хочу. Ужь кабы я слышала, я бы съ тобой, мой милый, тогда не такъ заговорила *(вздыхаетъ)*. Охъ, грѣхъ тяжкій! Вотъ долго ли согрѣшить-то! Разговоръ близкій сердцу пойдетъ, ну, и согрѣшишь, разсердишься. Нѣтъ, мой другъ, говори, что хочешь про меня. Никому не закажешь говорить: въ глаза не посмѣютъ, такъ за глаза станутъ.

Кабановъ.

Да отсохни языкъ...

Кабанова.

Полно, полно, не божись! Грѣхъ! Я ужь давно вижу, что тебѣ жена милѣе матери. Съ тѣхъ поръ, какъ женился, я ужь отъ тебя прежней любви не вижу.

Кабановъ.

Въ чемъ же вы, маменька, это видите?

Кабанова.

Да во всемъ, мой другъ! Мать, чего глазами не увидитъ, такъ у нея сердце вѣщунъ, она сердцемъ можетъ чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводитъ отъ меня, ужь не знаю.

Кабановъ.

Да нѣтъ, маменька! что вы, помилуйте!

Катерина.

Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихонъ тоже тебя любитъ.

Кабанова.

Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашиваютъ. Не заступайся, матушка, не обижу, небось! Вѣдь онъ мнѣ тоже сынъ; ты этого не забывай! Что ты выскочила въ глазахъ-то поюлить! Чтобы видѣли, что ли, какъ ты мужа любишь? Такъ знаемъ, знаемъ, въ глазахъ-то ты это всѣмъ доказываешь.

Варвара *(про себя)*.

Нашла мѣсто наставленіе читать.

Катерина.

Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людяхъ, что безъ людей, я все одна, ничего я изъ себя не доказываю.

Кабанова.

Да я объ тебѣ и говорить не хотѣла; а такъ, къ слову пришлось.

Катерина.

Да хоть и къ слову, за что-жъ ты меня обижаешь?

Кабанова.

Экая важная птица! Ужь и обидѣлась сейчасъ.

Катерина.

Напраслину-то терпѣть кому-жъ пріятно!

Кабанова.

Знаю я, знаю, что вамъ не понутру мои слова, да что-жъ дѣлать-то, я вамъ не чужая, у меня объ васъ сердце болитъ. Я давно вижу, что вамъ воли хочется.

Ну что-жъ, дождетесь, поживете и на волѣ, когда меня не будетъ. Вотъ ужъ тогда дѣлайте, что хотите, не будетъ надъ вами старшихъ. А, можетъ, и меня вспомянете.

Кабановъ.

Да мы объ васъ, маменька, денно и нощно Бога молимъ, что бы вамъ, маменька, Богъ далъ здоровья и всякаго благополучія и въ дѣлахъ успѣху.

Кабанова.

Ну, полно, перестань пожалуйста. Можетъ быть, ты и любилъ мать, пока былъ холостой. До меня ли тебѣ: у тебя жена молодая.

Кабановъ.

Одно другому немѣшаетъ-съ: жена само по себѣ,—а къ родительницѣ я само по себѣ почтеніе имѣю.

Кабанова.

Такъ промѣняешь ты жену на мать? Ни въ жизнь я этому не повѣрю.

Кабановъ.

Да для чего же мнѣ мѣнять-съ? Я обѣихъ люблю.

Кабанова,

Ну да, да, такъ и есть, размазывай! Ужь я вижу, что я вамъ помѣха.

Кабановъ.

Думайте, какъ хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человѣкъ на свѣтъ рожденъ, что не могу вамъ угодить ни чѣмъ.

Кабанова.

Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустилъ? Ну, какой ты мужъ? Посмотри ты на себя! Станетъ ли тебя жена бояться послѣ этого?

Кабановъ.

Да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ.

Кабанова.

Какъ, зачѣмъ бояться! Какъ, зачѣмъ бояться! Да ты рѣхнулся, что ли? Тебя не станетъ бояться, меня и подавно. Какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ? Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь. Али, по вашему, законъ ничего не значитъ? да ужь коли ты такія дурацкія мысли въ головѣ держишь, ты бы при ней-то по крайнѣй мѣрѣ, не болталъ, да при сестрѣ при дѣвкѣ; ей тоже за мужъ идти: этакъ она твоей болтовни наслушается, такъ послѣ мужъ-то намъ спасибо скажетъ за науку. Видишь ты, какой еще умъ-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить.

Кабановъ.

Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Гдѣ ужь мнѣ своей волей жить!

Кабанова.

Такъ, по твоему, нужно всё лаской съ женой? Ужь и не прикрикнуть на неё и не пригрозить?

Кабановъ.

Да я, маменька...

Кабанова *(горячо)*.

Хоть любовника заводи! А! И это, можетъ быть, по твоему, ничего? А! Ну, говори!

Кабановъ.

Да, ей Богу, маменька....

Кабанова *(совершенно хладнокровно)*.

Дуракъ! *(Вздыхаетъ)*. Что съ дуракомъ и говорить! только грѣхъ одинъ! *(Молчаніе)*. Я домой иду.

Кабановъ.

И мы сейчасъ, только разъ-другой по бульвару пройдемъ.

Кабанова.

Ну, какъ хотите, только ты смотри, чтобы мнѣ васъ не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

Кабановъ.

Нѣтъ, маменька! Сохрани меня Господи!

Кабанова.

То-то же! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣже безъ Кабановой.

Кабановъ.

Вотъ видишь ты, вотъ всегда мнѣ за тебя достается отъ маменьки! Вотъ жизнь-то моя какая!

Катерина.

Чѣмъ же я-то виновата?

Кабановъ.

Кто-жъ виноватъ, я ужь не знаю.

Варвара.

Гдѣ тебѣ знать?

Кабановъ.

То всё приставала: «женись, да женись, я хоть бы поглядѣла на тебя, на женатаго» А теперь поѣдомъ ѣстъ, проходу не даетъ—всё за тебя.

Варвара.

Такъ нешто она виновата! Мать на неё нападаетъ,

и ты тоже. А еще говоришь, что любишь жену. Скучно мнѣ глядѣть-то на тебя. *(Отворачивается)*.

Кабановъ.

Толкуй тутъ! Что-жъ мнѣ дѣлать-то?

Варвара.

Знай свое дѣло — молчи, коли ужь лучше ничего не умѣешь. Что стоишь — переминаешься? По глазамъ вижу, что у тебя и на умѣ-то.

Кабановъ.

Ну, а что?

Варвара.

Извѣстно, что. Къ Савёлу Прокофьичу хочется, выпить съ нимъ. Что, не такъ, что ли?

Кабановъ.

Угадала, братъ.

Катерина.

Ты, Тиша, скорѣй приходи, а то маменька опять браниться станетъ.

Варвара.

Ты проворнѣй, въ самомъ дѣлѣ, а то знаешь, вѣдь!

Кабановъ.

Ужь какъ не знать!

Варвара.

Намъ тоже не велика охота изъ-за тебя брань-то принимать.

Кабановъ.

Я мигомъ. Подождите! *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Катерина и Варвара.

Катерина.

Такъ ты, Варя, жалѣешь меня?

Варвара *(глядя въ сторону)*.

Разумѣется, жалко.

Катерина.

Такъ ты, стало быть, любишь меня? *(Крѣпко цѣлуетъ)*.

Варвара.

За что-жъ мнѣ тебя не любить-то!

Катерина.

Ну, спасибо тебѣ! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти. *(Молчаніе)*. Знаешь, мнѣ что въ голову пришло?

Варвара.

Что?

Катерина.

Отъ чего люди не летаютъ!

Варвара.

Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина.

Я говорю: отъ чего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь? *(Хочетъ бѣжать)*.

Варвара.

Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*.

Какая я была рѣзвая! Я у васъ завяла совсѣмъ.

Варвара.

Ты думаешь, я не вижу?

Катерина.

Такая ли я была! Я жила, ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня, какъ куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ разскажу. Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключо́къ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы, — у насъ полонъ домъ былъ странницъ, да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы станутъ разсказывать: гдѣ онѣ были, что видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время и пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было!

Варвара.

Да вѣдь й у насъ тоже самое.

Катерина.

Да здѣсь все, какъ будто, изъ подъ неволи. И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно, какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотрятъ на меня, что со мной дѣлается! А

знаешь: въ солнечный день, изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будтѣ ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану,—у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли,—да гдѣ нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, упаду на колѣна, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И объ чемъ я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно. А какіе сны мнѣ снились, Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы, и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то.

Варвара.

А что же?

Катерина (*помолчавъ*).

Я умру скоро.

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Нѣтъ, я знаю, что умру. Охъ, дѣвушка, что-то со мной не доброе дѣлается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... ужь и не знаю.

Варвара.

Что же съ тобой такое?

Катерина *(беретъ ее за руку)*.

А вотъ что, Варя, быть грѣху какому нибудь! Такой на меня страхъ, такой-то на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что. *(Хватается за голову рукой)*.

Варвара.

Что съ тобой? Здорова ли ты?

Катерина.

Здорова... Лучше бы я больна была, а то не хорошо. Лезетъ мнѣ въ голову мечта какая-то. И никуда я отъ нея не уйду. Думать стану—мыслей никакъ не соберу, молиться, — не отмолюсь никакъ. Языкомъ лепечу слова, а на умѣ совсѣмъ не то: точно мнѣ лукавой въ уши шепчетъ, да все про такія дѣла не хорошія. И то мнѣ представляется, что мнѣ самоё себя совѣстно сдѣлается. Что со мной? Передъ бѣдой передъ какой нибудь это! Ночью, Варя, не спится мнѣ, всё мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужь не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо—горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...

Варвара.

Ну?

Катерина.

Да что же это я говорю тебѣ: ты—дѣвушка.

Варвара *(оглядываясь)*.

Говори! Я хуже тебя.

Катерина.

Ну, что-жъ мнѣ говорить? Стыдно мнѣ.

Варвара.

Говори, нужды нѣтъ!

Катерина.

Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала бы. И такая мысль придётъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись...

Варвара.

Только не съ мужемъ.

Катерина.

А ты почемъ знаешь?

Варвара.

Еще бы не знать!..

Катерина.

Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ! Сколько я, бѣдная, плакала, чего ужь я надъ собой не дѣлала! Не уйти мнѣ отъ этого грѣха. Никуда не уйти. Вѣдь это не хорошо, вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другова люблю?

Варвара.

Что мнѣ тебя судить! У меня свои грѣхи есть.

Катерина.

Что же мнѣ дѣлать! Силъ моихъ не хватаетъ. Куда мнѣ дѣваться; я отъ тоски что нибудь сдѣлаю надъ собой!

Варвара.

Что ты! Что съ тобой! Вотъ, погоди, завтра братецъ уѣдетъ, подумаемъ; можетъ быть, и видѣться можно будетъ.

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара.

Чего ты такъ испугалась?

Катерина.

Если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, я ужь не пойду домой ни за что на свѣтѣ.

Варвара.

А вотъ погоди, тамъ увидимъ.

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говори мнѣ, я и слушать не хочу.

Варвара.

А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай съ тоски, пожалѣютъ, что-ль тебя! Какъ же, дожидайся. Такъ какая-жъ неволя себя мучить-то! (*Входитъ барыня съ палкой, и два лакея въ треугольныхъ шлапахъ сзади*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Тѣже и Барыня.

Барыня.

Что, красавицы? Что тутъ дѣлаете? Молодцовъ поджидаете, кавалеровъ? Вамъ весело? Весело? Красота-то ваша васъ радуетъ? Вотъ красота-то куда ведетъ (*показываетъ на Волгу*). Вотъ, вотъ, въ самый омутъ. (*Варвара улыбается*). Что смѣетесь! Не радуйтесь! (*Стучитъ палкой*). Всѣ въ огнѣ горѣть будете неугасимомъ. Всѣ въ смолѣ будете кипѣть неутолимой. (*Уходя*): Вонъ, вонъ, куда красота-то ведетъ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Катерина и Варвара.

Катерина.

Ахъ, какъ она меня испугала!—я дрожу вся, точно она пророчитъ мнѣ что-нибудь.

Варвара.

На свою бы тебѣ голову, старая корга́!

Катерина.

Что она сказала такое, а? Что она сказала?

Варвара.

Вздоръ все. Очень нужно слушать, что она городитъ. Она всѣмъ такъ пророчитъ. Всю жизнь съ молоду-то грѣшила. Спроси-ка, что объ ней поразскажутъ! Вотъ умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тѣмъ и другихъ пугаетъ. Даже всѣ мальчишки въ городѣ отъ нея прячутся, грозитъ на нихъ палкой да кричитъ (*передразнивая*): «всѣ горѣть въ огнѣ будете!»

Катерина (*зажмуриваясь*).

Ахъ, ахъ, перестань! У меня сердце упало.

Варвара.

Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина.

Боюсь, до смерти боюсь. Все она мнѣ въ глазахъ мерещится. (*Молчаніе*).

Варвара (*оглядываясь*).

Что это, братецъ нейдетъ, вонъ, никакъ, гроза заходитъ.

Катерина (*съ ужасомъ*).

Гроза! Побѣжимъ домой! Поскорѣе!

Варвара.

Что ты, съ ума, что ли, сошла! Какъ же ты безъ братца-то домой покажешься?

Катерина.

Нѣтъ, домой, домой! Богъ съ нимъ!

Варвара.

Да что ты ужь очень боишься: еще далеко гроза-то.

Катерина.

А коли далеко, такъ, пожалуй, подождемъ немного; а право бы, лучше идти. Пойдемъ лучше!

Варвара.

Да вѣдь ужь коли чему быть, такъ и дома не спрячешься.

Катерина.

Да все-таки лучше, все покойнѣе; дома-то я къ образамъ, да Богу молиться!

Варвара.

Я и не знала, что ты такъ грозы боишься. Я вотъ не боюсь.

Катерина.

Какъ, дѣвушка, не бояться! Всякій долженъ бояться. Не то страшно, что убьетъ тебя, а то, что смерть тебя вдругъ застанетъ какъ ты есть, со всѣми твоими грѣхами, со всѣми помыслами лукавыми. Мнѣ умереть не страшно, а какъ я подумаю, что вотъ вдругъ я явлюсь передъ Богомъ, такая, какая я здѣсь съ тобой, послѣ этого разговору-то,—вотъ что страшно. Что у меня на умѣ-то! Какой грѣхъ-то! страшно вымолвить! *(Громъ)*. Ахъ! *(Кабановъ входитъ)*.

Варвара.

Вотъ братецъ идетъ. (*Кабанову*): Бѣги скорѣй! (*Громъ*).

Катерина.

Ахъ! Скорѣй, скорѣй!

Дѣйствіе второе.

Комната въ домѣ Кабановыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Глаша *(собираетъ платье въ узлы)* и Ѳеклуша *(входитъ)*.

Ѳеклуша.

Милая дѣвушка, все-то ты за работой! Что дѣлаешь, милая?

Глаша.

Хозяина въ дорогу собираю.

Ѳеклуша.

Аль ѣдетъ куда, свѣтъ нашъ?

Глаша.

Ѣдетъ.

Ѳеклуша.

На̀долго, милая, ѣдетъ?

Глаша.

Нѣтъ, не на̀долго.

Ѳеклуша.

Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станетъ выть, аль нѣтъ.

Глаша.

Ужь не знаю, какъ тебѣ сказать.

Ѳеклуша.

Да она у васъ воетъ когда?

Глаша.

Не слыхать что-то.

Ѳеклуша.

Ужь больно я люблю, милая дѣвушка, слушать, коли кто хорошо воетъ-то! *(Молчаніе)* А вы, дѣвушка, за убогой-то присматривайте, не стянула бъ чего.

Глаша.

Кто васъ разберетъ, всѣ вы другъ на друга клеплете, что вамъ ладно-то не живется? Ужь у насъ ли, кажется, вамъ страннымъ не житье, а вы все ссоритесь да перекоряетесь; грѣха-то вы не боитесь.

Ѳеклуша.

Нельзя, матушка, безъ грѣха: въ міру живемъ. Вотъ что я тебѣ скажу, милая дѣвушка: васъ, простыхъ людей, каждаго одинъ врагъ смущаетъ, а къ намъ, къ страннымъ людямъ, къ кому шесть, къ кому двѣнадцать приставлено; вотъ и надобно ихъ всѣхъ побороть. Трудно, милая дѣвушка!

Глаша.

Отчего-жъ къ вамъ такъ много?

Ѳеклуша.

Это, матушка, врагъ-то изъ ненависти на насъ, что жизнь такую праведную ведемъ. А я, милая дѣвушка, не вздорная, за мной этого грѣха нѣтъ. Одинъ грѣхъ за мной есть точно; я сама знаю, что есть. Сладко по-

ѣсть люблю. Ну, такъ чтожъ! По немощи моей Господь посылаетъ.

Глаша.

А ты, Ѳеклуша, далеко ходила?

Ѳеклуша.

Нѣтъ, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорятъ, такія страны есть, милая дѣвушка, гдѣ и царей-то нѣтъ православныхъ, а салтаны землей правятъ. Въ одной землѣ сидитъ на тронѣ салтанъ Махнутъ турецкій, а въ другой — салтанъ Махнутъ персидскій; и судъ творятъ они, милая дѣвушка, надо всѣми людьми, и, что ни судятъ они, все неправильно. И не могутъ они, милая, ни одного дѣла разсудить праведно, такой ужь имъ предѣлъ положенъ. У насъ законъ праведный, а у нихъ, милая, неправедный; что по нашему закону такъ выходитъ, а по ихнему все напротивъ. И все судьи у нихъ, въ ихнихъ странахъ, тоже все неправедные; такъ имъ, милая дѣвушка, и въ просьбахъ пишутъ: «суди меня, судья неправедный!» А то есть еще земля, гдѣ всѣ люди съ песьими головами.

Глаша.

Отчего-жъ такъ съ песьими?

Ѳеклуша.

За невѣрность. Пойду я, милая дѣвушка, по купечеству поброжу: не будетъ ли чего на бѣдность. Прощай покудова!

Глаша.

Прощай! *(Ѳеклуша уходитъ).* Вотъ еще какія земли есть! Какихъ-то, какихъ-то чудесъ на свѣтѣ нѣтъ! А мы тутъ сидимъ, ничего не знаемъ. Еще хорошо, что

добрые люди есть; нѣтъ—нѣтъ да и услышишь, что на бѣломъ свѣту дѣлается; а то бы такъ дураками и померли. *(Входятъ Катерина и Варвара)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Катерина и Варвара.

Варвара *(Глашѣ)*.

Тащи узлы-то въ кибитку, лошади пріѣхали. *(Катеринѣ)*: Молоду тебя замужъ-то отдали, погулять-то тебѣ въ дѣвкахъ не пришлось; вотъ у тебя сердце-то и не уходилось еще. *(Глаша уходитъ)*.

Катерина.

И никогда не уходится.

Варвара.

Отчего-жъ?

Катерина.

Такая ужь я зародилась, горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что̀ сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужь темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужь нашли, верстъ за десять!

Варвара.

Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина.

Какъ не поглядывать?

Варвара.

Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина.

Нѣтъ, смѣялась только.

Варвара.

А вѣдь, ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина.

Нѣтъ, какъ не любить! Мнѣ жалко его очень.

Варвара.

Нѣтъ, не любишь. Коли жалко, такъ не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты отъ меня скрываешься! Давно ужь я замѣтила, что ты любишь одного человѣка.

Катерина *(съ испугомъ)*.

Почемъ же ты замѣтила?

Варвара.

Какъ ты смѣшно говоришь! Маленькая я, что ли! Вотъ тебѣ первая примѣта: какъ ты увидишь его, вся въ лицѣ поремѣнишься. *(Катерина потупляетъ глаза).* Да мало ли...

Катерина *(потупившись)*.

Ну, кого же?

Варвара.

Да вѣдь ты сама знаешь, что́ называть-то?

Катерина.

Нѣтъ, назови! По имени назови!

Варвара.

Бориса Григорьича.

Катерина.

Ну да, его, Варенька, его. Только ты, Варенька, ради Бога...

Варвара.

Ну, вотъ еще! Ты сама-то, смотри, не проговорись какъ-нибудь.

Катерина.

Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу.

Варвара.

Ну, а вѣдь безъ этого нельзя; ты вспомни, гдѣ ты живешь! У насъ весь домъ на томъ держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, такъ его видѣла, говорила съ нимъ.

Катерина *(послѣ непродолжительнаго молчанія, потупившись).*

Ну, такъ что-жъ?

Варвара.

Кланяться тебѣ приказалъ. Жаль, говоритъ, что видѣться негдѣ.

Катерина *(потупившись еще болѣе).*

Гдѣ же видѣться! Да и зачѣмъ...

Варвара.

Скучной такой...

Катерина.

Не говори мнѣ про него, сдѣлай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчикъ мой, ни на кого тебя не промѣняю! Я и думать-то не хотѣла, а ты меня смущаешь.

Варвара.

Да не думай, кто-жъ тебя заставляетъ?

Катерина.

Не жалѣешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Развѣ я хочу объ немъ думать; да что дѣлать, коли изъ головы нейдетъ. Объ чемъ ни задумаю, а онъ такъ и стоитъ передъ глазами. И хочу себя переломить, да не могу никакъ. Знаешь ли ты, меня

нынче ночью опять врагъ смущалъ. Вѣдь я было изъ дому ушла.

Варвара.

Ты какая-то мудрёная, Богъ съ тобой! А по моему: дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина.

Не хочу я такъ. Да и что хорошаго! Ужь я лучше буду терпѣть, пока терпится.

Варвара.

А не стерпится, что-жъ ты сдѣлаешь?

Катерина.

Что я сдѣлаю?

Варвара.

Да, что сдѣлаешь?

Катерина.

Что мнѣ только захочется, то и сдѣлаю.

Варвара.

Сдѣлай, попробуй, такъ тебя здѣсь заѣдятъ.

Катерина.

А что мнѣ! Я уйду, да и была такова.

Варвара.

Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена.

Катерина.

Эхъ, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай Богъ этому случиться! А ужь коли очень мнѣ здѣсь опостынѣтъ, такъ не удержутъ меня никакой силой. Въ окно выброшусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить: такъ не стану, хоть ты меня рѣжь! *(Молчаніе)*.

Варвара.

Знаешь что, Катя! Какъ Тихонъ уѣдетъ, такъ давай въ саду спать, въ бесѣдкѣ.

Катерина.

Ну зачѣмъ, Варя?

Варвара.

Да нешто не все равно?

Катерина.

Боюсь я въ незнакомомъ-то мѣстѣ ночевать.

Варвара.

Чего бояться-то! Глаша съ нами будетъ.

Катерина.

Все какъ-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара.

Я бъ тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пуститъ, а мнѣ нужно.

Катерина *(смотря на нее).*

Зачѣмъ же тебѣ нужно?

Варвара *(смѣется).*

Будемъ тамъ ворожить съ тобой.

Катерина.

Шутишь, должно быть?

Варвара.

Извѣстно, шучу; а то неужто въ самомъ дѣлѣ? *(Молчаніе).*

Катерина.

Гдѣ-жъ это Тихонъ-то?

Варвара.

На что онъ тебѣ?

Катерина.

Нѣтъ, я такъ. Вѣдь скоро ѣдетъ.

Варвара.

Съ маменькой сидятъ, запершись. Точитъ она его теперь, какъ ржа желѣзо.

Катерина.

За что же?

Варвара.

Ни за что, такъ, уму разуму учитъ. Двѣ недѣли въ дорогѣ будетъ, заглазное дѣло! Сама посуди! У нея сердце все изноетъ, что онъ на своей волѣ гуляетъ. Вотъ она ему теперь и надаетъ приказовъ, одинъ другаго грознѣй, да потомъ къ образу поведетъ, побожиться заставитъ, что все такъ точно онъ и сдѣлаетъ, какъ приказано.

Катерина.

И на волѣ-то онъ словно связаный.

Варвара.

Да, какъ же, связаный! Онъ, какъ выѣдетъ, такъ запьетъ. Онъ теперь слушаетъ, а самъ думаетъ, какъ бы ему вырваться-то поскорѣй. *(Входятъ Кабанова и Кабановъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже, Кабанова и Кабановъ.

Кабанова.

Ну, ты помнишь все, что я тебѣ сказала? Смотри-жъ, помни! На носу себѣ заруби!

Кабановъ.

Помню, маменька.

Кабанова.

Ну, теперь все готово. Лошади пріѣхали, проститься тебѣ только, да и съ Богомъ.

Кабановъ.

Да-съ, маменька, пора.

Кабанова.

Ну!

Кабановъ.

Чего изволите-съ?

Кабанова.

Что-жъ ты стоишь, развѣ порядку не знаешь? Приказывай женѣ-то, какъ жить безъ тебя. *(Катерина потупила глаза въ землю)*.

Кабановъ.

Да она, чай, сама знаетъ.

Кабанова.

Разговаривай еще! Ну, ну, приказывай! Чтобъ и я слышала, что ты ей приказываешь! А потомъ пріѣдешь, спросишь такъ-ли все исполнила.

Кабановъ *(становясь противъ Катерины)*.

Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова.

Скажи, чтобъ не грубила свекрови.

Кабановъ.

Не груби!

Кабанова.

Чтобъ почитала свекровь, какъ родную мать!

Кабановъ.

Почитай, Катя, маменьку, какъ родную мать!

Кабанова.

Чтобъ, сложа ручки, не сидѣла, какъ барыня!

Кабановъ.

Работай что-нибудь безъ меня!

Кабанова.

Чтобъ въ окна глазъ не пялила!

Кабановъ.

Да, маменька, когда-жъ она...

Кабанова.

Ну, ну!

Кабановъ.

Въ окна не гляди!

Кабанова.

Чтобъ на молодыхъ парней не заглядывалась безъ тебя!

Кабановъ.

Да чтожъ это, маменька, ей Богу!

Кабанова *(строго)*.

Ломаться-то нечего! Долженъ исполнять, что мать говоритъ. *(Съ улыбкой)*. Оно все лучше, какъ приказано-то.

Кабановъ *(сконфузившись)*.

Не заглядывайся на парней! *(Катерина строго взглядываетъ на него)*.

Кабанова.

Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдемъ, Варвара! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кабановъ и Катерина *(стоятъ, какъ будьто въ оцѣпененіи).*

Кабановъ.

Катя! *(Молчаніе).* Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(послѣ не продолжительнаго молчанія, покачавъ головой).*

Нѣтъ!

Кабановъ.

Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(все въ томъ же состояніи, слегка покачавъ головой).*

Богъ съ тобой! *(Закрывъ лицо рукою).* Обидѣла она меня!

Кабановъ.

Все къ сердцу-то принимать такъ, въ чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей вѣдь что-нибудь надо-жъ говорить! Ну, и пущай она говоритъ, а ты мимо ушей пропущай. Ну, прощай Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу).*

Тиша, не уѣзжай! Ради Бога, не уѣзжай! Голубчикъ, прошу я тебя.

Кабановъ.

Нельзя, Катя. Коли маменька посылаетъ, какъ-же я не поѣду!

Катерина.

Ну, бери меня съ собой, бери!

Кабановъ *(освобождаясь изъ ея объятій)*.

Да нельзя.

Катерина.

Отъ чего же, Тиша, нельзя?

Кабановъ.

Куда какъ весело съ тобой ѣхать! Вы меня ужь заѣздили здѣсь совсѣмъ! Я не чаю, какъ вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.

Катерина.

Да неужели же ты разлюбилъ меня!

Кабановъ.

Да не разлюбилъ; а съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай тò: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены. Да какъ знаю я теперича, что недѣли двѣ никакой грозы надо мной не будетъ, кандаловъ экихъ на ногахъ нѣтъ, такъ до жены ли мнѣ?

Катерина.

Какъ же мнѣ любить-то тебя, когда ты такія слова говоришь?

Кабановъ.

Слова, какъ слова! Какія же мнѣ еще слова говорить! Кто тебя знаетъ, чего ты боишься! Вѣдь ты не одна, ты съ маменькой останешься.

Катерина.

Не говори ты мнѣ объ ней, не тирань ты моего сердца! Ахъ, бѣда моя, бѣда! *(плачетъ)*. Куда мнѣ бѣдной

дѣться? За кого мнѣ ухватиться? Батюшки мои, погибаю я.

Кабановъ.

Да полно ты!

Катерина (*подходитъ къ мужу и прижимается къ нему*).

Тиша, голубчикъ, кабы ты остался, либо взялъ ты меня съ собой, какъ бы я тебя любила, какъ бы я тебя голубила, моего милаго. (*Ласкаетъ его*).

Кабановъ.

Не разберу я тебя, Катя! То отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то такъ сама лѣзешь.

Катерина.

Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть бѣдѣ безъ тебя! Быть бѣдѣ!

Кабановъ.

Ну, да вѣдь нельзя, такъ ужь нечего дѣлать.

Катерина.

Ну, такъ вотъ что! Возьми ты съ меня какую нибудь клятву страшную...

Кабановъ.

Какую клятву?

Катерина.

Вотъ какую: чтобы не смѣла я безъ тебя ни подъ какимъ видомъ ни говорить ни съ кѣмъ чужимъ, ни видѣться, чтобы и думать я не смѣла ни о комъ, кромѣ тебя.

Кабановъ.

Да на что-жъ это?

Катерина.

Успокой ты мою душу, сдѣлай такую милость для меня!

Кабановъ.

Какъ можно за себя ручаться, мало ль что можетъ въ голову прійти.

Катерина *(падая на колѣна).*

Чтобъ не видать мнѣ ни отца, ни матери! Умереть мнѣ безъ покаянія, если я...

Кабановъ *(поднимая ее).*

Что ты! Что ты! Какой грѣхъ-то! Я и слушать не хочу! *(Голосъ Кабановой:* «пора Тихонъ!»*). (Входятъ Кабанова, Варвара и Глаша).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова.

Ну, Тихонъ, пора. Поѣзжай съ Богомъ! *(Садится).* садитесь всѣ! *(Всѣ садятся. Молчаніе).* Ну, прощай! *(Встаетъ и всѣ встаютъ).*

Кабановъ *(подходя къ матери).*

Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестомъ показываетъ въ землю).*

Въ ноги, въ ноги! *(Кабановъ кланяется въ ноги, потомъ цѣлуется съ матерью).* Прощайся съ женой!

Кабановъ.

Прощай, Катя! *(Катерина кидается ему на шею).*

Кабанова.

Что на шею-то виснешь, безстыдница! Не съ любовникомъ прощаешься! Онъ тебѣ мужъ,—глава! Аль порядку не знаешь. Въ ноги кланяйся! *(Катерина кланяется въ ноги).*

Кабановъ.

Прощай, сестрица! *(цѣлуется съ Варварой).* Прощай Глаша! *(цѣлуется съ Глашей).* Прощайте, маменька! *(кланяется).*

Кабанова.

Прощай! Дальніе проводы, — лишнія слезы. *(Кабановъ уходитъ, за нимъ Катерина, Варвара и Глаша).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Кабанова *(одна).*

Молодость-то что значитъ! Смѣшно смотрѣть-то даже на нихъ! Кабы не свои, насмѣялась бы до сыта. Ничего-то не знаютъ, никакого порядка. Проститься-то путемъ не умѣютъ. Хорошо еще, у кого въ домѣ старшіе есть, ими домъ-то и держится, пока живы. А вѣдь тоже глупые на свою волю хотятъ: а выдутъ на волю-то, такъ и путаются на покоръ, да смѣхъ добрымъ людямъ. Конечно, кто и пожалѣетъ, а больше все смѣются. Да не смѣяться-то нельзя; гостей позовутъ, посадить не умѣютъ, да еще, гляди, позабудутъ кого изъ родныхъ. Смѣхъ да и только! Такъ-то вотъ старина-то и выводится. Въ другой домъ и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, такъ плюнешь да вонъ скорѣе. Что будетъ, какъ старики перемрутъ, какъ будетъ свѣтъ стоять, ужъ и не знаю. Ну, да ужъ хоть то хорошо, что не увижу ничего. *(Входятъ Катерина и Варвара).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова.

Ты вотъ похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, прово-

дивши мужа-то, часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ, видно, ничего.

Катерина.

Не къ чему! Да и не умѣю. Что народъ-то смѣшить!

Кабанова.

Хитрость-то невеликая. Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе; а то видно, на словахъ только. Ну, я Богу молиться пойду; не мѣшайте мнѣ.

Варвара.

Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*.

А мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься! *(Уходятъ Кабанова и Варвара)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Катерина *(одна. Задумчиво)*.

Ну, теперь тишина у насъ въ домѣ воцарится. Ахъ, какая скука! Хоть бы дѣти чьи-нибудь! Эко горе! Дѣтокъ-то у меня нѣтъ: все бы я и сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать, — ангелы вѣдь это. *(Молчаніе)*. Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядѣла бы я съ неба на землю, да радовалась всему. А то полетѣла бы невидимо, куда захотѣла. Вылетѣла бы въ поле и летала бы съ василька на василекъ по вѣтру, какъ бабочка *(задумывается)*. А вотъ что сдѣлаю: я начну работу какую нибудь по обѣщанію; пойду въ гостиный дворъ, куплю холста, да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. Они

за меня Богу помолятъ. Вотъ и засядемъ шить съ Варварой и не увидимъ, какъ время пройдетъ; а тутъ Тиша прiѣдетъ. *(Входитъ Варвара).*

ЯВЛЕНIЕ IX.

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрываетъ голову платкомъ передъ зеркаломъ).*

Я теперь гулять пойду; а ужо намъ Глаша постелетъ постели въ саду, маменька позволила. Въ саду за малиной есть калитка, ее маменька запираетъ на замокъ, а ключъ прячетъ. Я его унесла, а ей подложила другой, чтобъ не замѣтила. На, вотъ, можетъ быть, понадобится *(подаетъ ключъ).* Если увижу, такъ скажу, чтобъ приходилъ къ калиткѣ.

Катерина *(съ испугомъ, отталкивая ключъ).*

На что! На что! Не надо, не надо!

Варвара.

Тебѣ не надо, мнѣ понадобится; возьми, не укуситъ онъ тебя.

Катерина.

Да что ты затѣяла-то, грѣховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара.

Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мнѣ. Мнѣ гулять пора. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНIЕ X.

Катерина *(одна, держа ключъ въ рукахъ).*

Что она это дѣлаетъ-то? Что она только придумываетъ? Ахъ, сумасшедшая, право сумасшедшая! Вотъ

погибель-то! Вотъ она! Бросить его, бросить далеко, въ рѣку кинуть, чтобъ не нашли никогда. Онъ руки-то жжетъ, точно уголь. *(Подумавъ)*. Вотъ такъ-то и гибнетъ наша сестра-то. Въ неволѣ-то кому весело! Мало-ли что въ голову-то придетъ. Вышелъ случай, другая и рада: такъ, очертя голову, и кинется. А какъ же это можно, не подумавши, не разсудивши-то! Долго ли въ бѣду попасть! А тамъ и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то еще горьчѣе покажется *(молчаніе)*. А горька неволя, охъ какъ горька! Кто отъ нея не плачетъ! А пуще всѣхъ мы, бабы. Вотъ хоть я теперь?—Живу-маюсь, просвѣту себѣ не вижу! Да и не увижу—знать! Что дальше, то хуже. А теперь еще этотъ грѣхъ-то на меня *(задумывается)*. Кабы не свекровь!... Сокрушила она меня... отъ нея мнѣ и домъ-то опостылѣлъ; стѣны-то даже противны. *(Задумчиво смотритъ на ключъ)*. Бросить его? Разумѣется, надо бросить. И какъ онъ это ко мнѣ въ руки попалъ? На соблазнъ, на пагубу мою *(прислушивается)*. Ахъ, кто-то идетъ. Такъ сердце и упало. *(Прячетъ ключъ въ карманъ)*. Нѣтъ!.. Никого! Что я такъ испугалась! И ключъ спрятала... Ну, ужь знать тамъ ему и быть! Видно, сама судьба того хочетъ! Да какой же въ этомъ грѣхъ, если я взгляну на него разъ, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, такъ все не бѣда! А какъ же я мужу-то!.... Да вѣдь онъ самъ не захотѣлъ. Да, можетъ, такого и случая-то еще во всю жизнь не выдетъ. Тогда и плачься на себя: былъ случай, да не умѣла пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мнѣ хоть умереть, да увидѣть его. Передъ кѣмъ я притворяюсь-то!.. Бросить ключъ! Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ! Онъ мой теперь... Будь, что будетъ, а я Бориса увижу! Ахъ, кабы ночь поскорѣе!..

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена 1-я.

Улица. Ворота дома Кабановыхъ, передъ воротами скамейка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кабанова и Ѳеклуша *(сидятъ на скамейкѣ)*.

Ѳеклуша.

Послѣднія времена, матушка Марѳа Игнатьевна, послѣднія, по всѣмъ примѣтамъ послѣднія. Еще у васъ въ городѣ рай и тишина, а по другимъ городамъ такъ просто Содомъ, матушка: шумъ, бѣготня, ѣзда безпрестанная! Народъ-то такъ и снуетъ, одинъ туда, другой сюда.

Кабанова.

Некуда намъ торопиться-то, милая, мы и живемъ, не спѣша.

Ѳеклуша.

Нѣтъ, матушка, отъ того у насъ тишина въ городѣ, что многіе люди, вотъ хоть бы васъ взять, добродѣтелями, какъ цвѣтами, украшаются; отъ того все и дѣлается прохладно и благочинно. Вѣдь эта бѣготня-то, матушка, что значитъ? Вѣдь это суета! Вотъ хоть бы въ Москвѣ; бѣгаетъ народъ взадъ да впередъ неизвѣстно зачѣмъ. Вотъ она суета-то и есть. Суетный народъ, матушка, Марѳа Игнатьевна, вотъ онъ и бѣгаетъ

Ему представляется-то, что онъ за дѣломъ бѣжитъ; торопится, бѣдный: людей не узнаетъ, ему мерещится, что его манитъ нѣкто; а придетъ на мѣсто-то, анъ пусто, нѣтъ ничего, мечта одна. И пойдетъ въ тоскѣ. А другому мерещится, что будто онъ догоняетъ кого-то знакомаго. Со стороны-то свѣжій человѣкъ сейчасъ видитъ, что никого нѣтъ; а тому-то все кажется отъ суеты, что онъ догоняетъ. Суета-то вѣдь она въ родѣ тумана бываетъ. Вотъ у васъ въ этакой прекрасной вечеръ рѣдко кто и за вороты-то выдетъ посидѣть; а въ Москвѣ-то теперь гульбища, да игрища, а по улицамъ-то индо грохотъ идетъ; стонъ стоитъ. Да чего матушка Марѳа Игнатьевна, огненнаго змія стали запрягать: все, видишь, для-ради скорости.

Кабанова.

Слышала я, милая.

Ѳеклуша.

А я, матушка, такъ своими глазами видѣла; конечно, другіе отъ суеты не видятъ ничего, такъ онъ имъ машиной показывается, они машиной и называютъ, а я видѣла, какъ онъ лапами-то вотъ такъ *(растопыриваетъ пальцы)* дѣлаетъ. Ну, и стонъ, которые люди хорошей жизни, такъ слышатъ.

Кабанова.

Назвать-то всячески можно, пожалуй хоть машиной назови; народъ-то глупъ, будетъ всему вѣрить. А меня хоть ты золотомъ осыпь, такъ я не поѣду.

Ѳеклуша.

Что за крайности, матушка! Сохрани Господи отъ такой напасти! А вотъ еще, матушка Марѳа Игнатьевна, было мнѣ въ Москвѣ видѣніе нѣкоторое. Иду я ра-

но поутру, еще чуть брезжится, и вижу на высокомъ, превысокомъ домѣ, на крышѣ, стоитъ кто-то, лицемъ черенъ. Ужь сами понимаете кто. И дѣлаетъ онъ руками, какъ будто сыплетъ что, а ничего не сыпится. Тутъ я догадалась, что это онъ плевелы сыплетъ, а народъ днемъ въ суетѣ-то въ своей невидимо и подберетъ. Отъ того-то они такъ и бѣгаютъ, отъ того и женщины-то у нихъ всѣ такія худыя, тѣла-то никакъ не нагуляютъ, да какъ будто онѣ что потеряли, либо чего ищутъ: въ лицѣ печаль, даже жалко.

Кабанова.

Все можетъ быть, моя милая! Въ наши времена чего дивиться!

Ѳеклуша.

Тяжелыя времена, матушка Марѳа Игнатьевна, тяжелыя. Ужь и время-то стало въ умаленіе приходить.

Кабанова.

Какъ такъ, милая, въ умаленіе?

Ѳеклуша.

Конечно, не мы, гдѣ намъ замѣтить въ суетѣ-то! А вотъ умные люди замѣчаютъ, что у насъ и время-то короче становится. Бывало, лѣто и зима-то тянутся—тянутся, не дождешься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, какъ пролетятъ. Дни-то и часы все тѣже, какъ будто, остались; а время-то, за наши грѣхи, все короче и короче дѣлается. Вотъ что умные-то люди говорятъ.

Кабанова.

И хуже этого, милая, будетъ.

Ѳеклуша.

Намъ-то бы только не дожить до этого.

Кабанова.

Можетъ, и доживемъ. (*Входитъ Дикóй*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Дикóй.

Кабанова.

Что это ты, кумъ, бродишь такъ поздно?

Дикой.

А кто-жъ мнѣ запретитъ!

Кабанова.

Кто запретитъ! кому нужно!

Дикой.

Ну, и значитъ, нечего разговаривать. Что я, подъ началомъ что-ль у кого? Ты еще что-тутъ! Какого еще тутъ чорта водянаго!...

Кабанова.

Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебѣ дорогá! Ступай своей дорогой, куда шелъ. Пойдемъ, Ѳеклуша, домой (*встаетъ*).

Дикой.

Постой, кума, постой! Не сердись. Еще успѣешь дома-то быть: домъ-отъ твой не за горами. Вотъ онъ!

Кабанова.

Коли ты за дѣломъ, такъ не ори; а говори толкомъ.

Дикой.

Никакого дѣла нѣтъ, а я хмѣлёнъ, вотъ что!

Кабанова.

Что-жъ ты мнѣ, теперь, хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой.

Ни хвалить, ни бранить. А значитъ, я хмѣлёнъ; ну, и кончено дѣло. Пока не просплюсь, ужь этого дѣла поправить нельзя.

Кабанова.

Такъ ступай, спи!

Дикой.

Куда же это я пойду?

Кабанова.

Домой. А то куда-же!

Дикой.

А коли я не хочу домой-то?

Кабанова.

Отъ чего же это, позволь тебя спросить.

Дикой.

А потому, что у меня тамъ война идетъ.

Кабанова.

Да кому-жъ тамъ воевать-то? Вѣдь ты одинъ только тамъ воинъ-то и есть.

Дикой.

Ну такъ что-жъ, что я воинъ? Ну, что-жъ изъ этого?

Кабанова.

Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь съ бабами. Вотъ что.

Дикой.

Ну, значитъ, онѣ и должны мнѣ покориться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова.

Ужъ не мало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу въ домѣ, а на тебя на одного угодить не могутъ.

Дикой.

Вотъ поди-жъ ты!

Кабанова.

Ну, что-жъ тебѣ нужно отъ меня?

Дикой.

А вотъ что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всемъ городѣ умѣешь меня разговорить.

Кабанова.

Поди, Ѳеклуша, вели приготовить закусить что-нибудь. *(Ѳеклуша уходитъ)*. Пойдемъ въ покои!

Дикой.

Нѣтъ, я въ покои не пойду, въ покояхъ я хуже.

Кабанова.

Чѣмъ же тебя разсердили-то?

Дикой.

Еще съ утра съ самаго.

Кабанова.

Должно быть, денегъ просили.

Дикой.

Точно сговорились, проклятые; то тотъ, то другой цѣлый день пристаютъ.

Кабанова.

Должно быть надо, коли пристаютъ.

Дикой.

Понимаю я это; да что-жъ ты мнѣ прикажешь съ со-

бой дѣлать, когда у меня сердце такое! Вѣдь ужь знаю что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить, обругаю. Я отдамъ, отдамъ, а обругаю. Потому только заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутренную разжигать станетъ; всю нутренную вотъ разжигаетъ, да и только; ну, и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка.

Кабанова.

Нѣтъ надъ тобой старшихъ, вотъ ты и куражишься.

Дикой.

Нѣтъ, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вотъ какія со мной исторіи бывали. О посту какъ-то, о великомъ, я говѣлъ, а тутъ нелегкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришелъ, дрова возилъ. И принесло-жъ его на грѣхъ-то въ такое время! Согрѣшилъ-таки: изругалъ, такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя, чуть не прибилъ. Вотъ оно, какое сердце-то у меня! Послѣ прощенья просилъ, въ ноги кланялся, право такъ. Истинно тебѣ говорю, мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ: тутъ на дворѣ, въ грязи ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся.

Кабанова.

А зачѣмъ ты нарочно-то себя въ сердце приводишь? Это, кумъ, не хорошо.

Дикой.

Какъ такъ нарочно?

Кабанова.

Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотятъ, ты возмешь, да нарочно изъ своихъ на кого-нибудь и накинешься, чтобы разсердиться; потому что ты знаешь, что къ тебѣ сердитому никто ужь не пойдетъ. Вотъ что, кумъ!

Дикой.

Ну, что-жъ такое? Кому своего добра не жалко! (*Глаша входитъ*).

Глаша.

Марѳа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

Кабанова.

Что-жъ кумъ, зайди! Закуси, чѣмъ Богъ послалъ!

Дикой.

Пожалуй.

Кабанова.

Милости просимъ! (*Пропускаетъ впередъ Дикаго и уходитъ за нимъ. Глаша, сложа руки, стоитъ у воротъ*).

Глаша.

Никакъ Борисъ Григорьичъ идетъ. Ужь не за дядей-ли? Аль такъ гуляетъ? Должно, такъ гуляетъ. (*Входитъ Борисъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Глаша, Борисъ, потомъ Кулигинъ.

Борисъ.

Не у васъ ли дядя?

Глаша.

У насъ. Тебѣ нужно, что-ль, его?

Борисъ.

Послали изъ дому узнать, гдѣ онъ. А коли у васъ, такъ пусть сидитъ: кому его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушелъ.

Глаша.

Нашей бы хозяйкѣ за нимъ быть, она-бъ его скоро прекратила. Что-жъ я, дура, стою-то съ тобой! Прощай! (*Уходитъ*).

Борисъ.

Ахъ ты, Господи! Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее! Въ домъ войти нельзя; здѣсь незваные не ходятъ. Вотъ жизнь-то! Живемъ въ одномъ городѣ, почти рядомъ, а увидишься разъ въ недѣлю и то въ церкви, либо на дорогѣ, вотъ и все! Здѣсь чтò вышла замужъ, чтò хоронили, все равно. *(Молчаніе).* Ужь совсѣмъ бы мнѣ ее не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людяхъ; во сто глазъ на тебя смотрятъ. Только сердце надрывается. Да и съ собой-то не сладишь никакъ. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здѣсь у воротъ. И зачѣмъ я хожу сюда? Видѣть ее никогда нельзя, а еще, пожалуй, разговоръ какой выдетъ, ее-то въ бѣду введешь. Ну, попалъ я въ городокъ! *(Идетъ, ему на встрѣчу Кулигинъ).*

Кулигинъ.

Что, сударь? Гулять изволите?

Борисъ.

Да, такъ гуляю себѣ, погода очень хороша нынче.

Кулигинъ.

Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздухъ отличный, изъ-за Волги съ луговъ цвѣтами пахнетъ, небо чистое...

Открылась бездна звѣздъ полна.
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ—дна.

Пойдемте, сударь, на бульваръ, ни души тамъ нѣтъ.

Борисъ.

Пойдемте!

Кулигинъ.

Вотъ какой, сударь, у насъ городишко! Бульваръ сдѣлали, а не гуляютъ. Гуляютъ только по праздни-

камъ, и то одинъ видъ дѣлаютъ, что гуляютъ; а сами ходятъ туда наряды показывать. Только пьянаго приказнаго и встрѣтишь, изъ трактира домой плетется. Бѣднымъ гулять, сударь, некогда, у нихъ день и ночь работа. И спятъ-то всего часа три въ сутки. А богатые-то что дѣлаютъ? Ну, чтобы, кажется, имъ не гулять, не дышать свѣжимъ воздухомъ? Такъ нѣтъ. У всѣхъ давно ворота, сударь, заперты и сабаки спущены.. Вы думаете, они дѣло дѣлаютъ, либо Богу молятся. Нѣтъ, сударь! И не отъ воровъ они запираются, а чтобъ люди не видали какъ они своихъ домашнихъ ѣдятъ поѣдомъ, да семью тиранятъ. И что слезъ льется за этими запорами, невидимыхъ и неслышимыхъ. Да что вамъ говорить, сударь! По себѣ можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату темнаго, да пьянства! И все шито да крыто—никто ничего не видитъ и не знаетъ, видитъ только одинъ Богъ! Ты, говоритъ, смотри въ людяхъ меня, да на улицѣ; а до семьи моей тебѣ дѣла нѣтъ; на это, говоритъ, у меня есть замки, да запоры, да собаки злыя. Семья, говоритъ, дѣло тайное, секретное! Знаемъ мы эти секреты-то! Отъ этихъ секретовъ-то, сударь, ему только одному весело: а остальные—волкомъ воютъ. Да и что за секретъ? Кто его не знаетъ! Ограбить сиротъ, родственниковъ, племянниковъ, заколотить домашныхъ такъ, чтобы ни объ чемъ, что онъ тамъ творитъ, пикнуть не смѣли. Вотъ и весь секретъ. Ну, да Богъ съ ними! А знаете, сударь, кто у насъ гуляетъ? Молодые парни, да дѣвушки. Такъ эти у сна воруютъ часикъ-другой, ну, и гуляютъ парочками. Да вотъ пара! (*Показываются Кудряшъ и Варвара. Цѣлуются.*)

Борисъ.

Цѣлуются.

Кулигинъ.

Это у насъ нужды нѣтъ. (*Кудряшъ уходитъ, а Варвара подходитъ къ своимъ воротамъ и манитъ Бориса. Онъ подходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Борисъ, Кулигинъ и Варвара.

Кулигинъ.

Я, сударь, на бульваръ пойду. Что вамъ мѣшать-то? Тамъ и подожду.

Борисъ.

Хорошо, я сейчасъ приду. (*Кулигинъ уходитъ*).

Варвара (*закрываясь платкомъ*).

Знаешь оврагъ за Кабановымъ садомъ?

Борисъ.

Знаю.

Варвара.

Приходи туда ужо́ попозже.

Борисъ.

Зачѣмъ?

Варвара.

Какой ты глупый! Приходи: тамъ увидишь зачѣмъ. Ну, ступай скорѣй, тебя дожидаются. (*Борисъ уходитъ*). Не узналъ вѣдь! Пущай теперь подумаетъ. А ужо-тка я знаю, что Катерина не утерпитъ, выскочитъ. (*Уходитъ въ ворота*).

Сцена 2-я.

Ночь. Оврагъ, покрытый кустами; на верху заборъ сада Кабановыхъ и калитка; сверху тропинка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кудряшъ (*входитъ съ гитарой*).

Нѣтъ никого. Что-жъ это она тамъ! Ну—посидимъ да подождемъ (*садится на камень*). Да со скуки пѣсенку споемъ (*поетъ*):

Какъ Донской-то казакъ, казакъ велъ коня поить,
Добрый молодецъ, ужь онъ у воротъ стоитъ,
У воротъ стоитъ, самъ онъ думу думаетъ,
Думу думаетъ, какъ будетъ жену губить.
Какъ жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры-то ноги ему поклонилася:
Ужь ты, батюшко, ты ли милъ сердечный другъ!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моимъ малымъ дѣтушкамъ,
Малымъ дѣтушкамъ, всѣмъ ближнимъ сосѣдушкамъ.

(*Входитъ Борисъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Кудряшъ и Борисъ.

Кудряшъ (*перестаетъ пѣть*).

Ишь ты! Смиренъ, смиренъ, а тоже въ разгулъ пошелъ.

Борисъ.

Кудряшъ, это ты?

Кудряшъ.

Я, Борисъ Григорьичъ!

Борисъ.

Зачѣмъ это ты здѣсь?

Кудряшъ.

Я-то? Стало быть мнѣ нужно, Борисъ Григорьичъ, коли я здѣсь. Безъ надобности бъ не пошелъ. Васъ куда Богъ несетъ?

Борисъ *(оглядывая мѣстность).*

Вотъ что, Кудряшъ: мнѣ бы нужно здѣсь остаться, а тебѣ, вѣдь, я думаю, все равно, ты можешь идти и въ другое мѣсто.

Кудряшъ.

Нѣтъ, Борисъ Григорьичъ, вы, я вижу, здѣсь еще въ первый разъ, а у меня ужъ тутъ мѣсто насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я васъ люблю, сударь, и на всякую вамъ услугу готовъ; а на этой дорожкѣ вы со мной ночью не встрѣчайтесь, чтобы, сохрани Господи, грѣха какого не вышло. Уговоръ лучше денегъ.

Борисъ.

Что съ тобой, Ваня?

Кудряшъ.

Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вотъ и все. Заведи себѣ самъ, да и гуляй себѣ съ ней и никому до тебя дѣла нѣтъ. А чужихъ не трогай! У насъ такъ не водится, а то парни ноги переломаютъ. Я за свою... да я и не знаю, что сдѣлаю! Горло перерву!

Борисъ.

Напрасно ты сердишься; у меня и на умѣ-то нѣтъ отбивать у тебя. Я бы и не пришелъ сюда, кабы мнѣ не велѣли.

Кудряшъ.

Кто-жъ велѣлъ?

Борисъ.

Я не разобралъ, темно было. Дѣвушка какая-то оста-

новила меня на улицѣ и сказала, чтобы я именно сюда пришелъ, сзади сада Кабановыхъ, гдѣ тропинка.

Кудряшъ.

Кто-жъ бы это такая?

Борисъ.

Послушай, Кудряшъ. Можно съ тобой поговорить по душѣ, ты не разболтаешь?

Кудряшъ.

Говорите, не бойтесь! У меня все одно, что умерло.

Борисъ.

Я здѣсь ничего не знаю, ни порядковъ вашихъ, ни обычаевъ; а дѣло-то такое...

Кудряшъ.

Полюбили, что ль, кого?

Борисъ.

Да, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Ну, что-жъ, это ничего. У насъ на счетъ этого слободно. Дѣвки гуляютъ себѣ, какъ хотятъ, отцу съ матерью и дѣла нѣтъ. Только бабы въ заперти сидятъ.

Борисъ.

То-то и горе мое.

Кудряшъ.

Такъ неужто-жъ замужнюю полюбили?

Борисъ.

Замужнюю, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Эхъ, Борисъ Григорьичъ, бросить надоть!

Борисъ.

Легко сказать—бросить! Тебѣ это, можетъ быть, все равно; ты одну бросишь, а другую найдешь. А я не могу этого! Ужь я коли полюбилъ...

Кудряшъ.

Вѣдь это, значитъ, вы ее совсѣмъ загубить хотите, Борисъ Григорьичъ!

Борисъ.

Сохрани Господи! Сохрани меня Господи! Нѣтъ, Кудряшъ, какъ можно. Захочу ли я ее погубить! Мнѣ только бы видѣть ее гдѣ-нибудь, мнѣ больше ничего не надо.

Кудряшъ.

Какъ, сударь, за себя поручиться! А вѣдь здѣсь какой народъ! Сами знаете. Съѣдятъ, въ гробъ вколотятъ.

Борисъ.

Ахъ, не говори этого, Кудряшъ, пожалуйста, не пугай ты меня!

Кудряшъ.

А она-то васъ любитъ?

Борисъ.

Не знаю.

Кудряшъ.

Да вы видались когда, аль нѣтъ?

Борисъ.

Я одинъ разъ только и былъ у нихъ съ дядей. А то въ церкви вижу, на бульварѣ встрѣчаемся. Ахъ, Кудряшъ, какъ она молится, кабы ты посмотрѣлъ! Какая у ней на лицѣ улыбка ангельская, а отъ лица-то какъ будто свѣтится.

Кудряшъ.

Такъ это молодая Кабанова, что ль?

Борисъ.

Она, Кудряшъ.

Кудряшъ.

Да! Такъ вотъ оно что! Ну, честь имѣемъ проздравить!

Борисъ.

Съ чѣмъ?

Кудряшъ.

Да какъ же! Значитъ, у васъ дѣло на ладъ идетъ, коли сюда приходить велѣли.

Борисъ.

Такъ неужто она велѣла?

Кудряшъ.

А то кто же?

Борисъ.

Нѣтъ, ты шутишь! Этого быть не можетъ. *(Хватается за голову)*.

Кудряшъ.

Что съ вами?

Борисъ.

Я съ ума сойду отъ радости.

Кудряшъ.

Вота! Есть отъ чего съ ума сходить! Только вы смотрите — себѣ хлопотъ не надѣлайте, да и ее-то въ бѣду не введите! Положимъ, хоть у нея мужъ и дуракъ, да свекровь-то больно люта. *(Варвара выходитъ изъ калитки)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣже и Варвара, потомъ Катерина.

Варвара *(у калитки, поетъ).*

За рѣкою, за быстрою мой Ваня гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ...

Кудряшъ (*продолжаетъ*).

«Товаръ закупаетъ. (*Свищетъ*).

Варвара (*сходитъ по тропинкѣ и, закрывъ лицо платкомъ, подходитъ къ Борису*).

Ты, парень, подожди. Дождешься чего нибудь. (*Кудряшу*): Пойдемъ на Волгу.

Кудряшъ.

Ты что-жъ такъ долго? Ждать васъ еще! Знаешь, что не люблю! *(Варвара обнимаетъ его одной рукой и уходятъ).*

Борисъ.

Точно я сонъ какой вижу! Эта ночь, пѣсни, свиданія! Ходятъ, обнявшись. Это такъ ново для меня, такъ хорошо, такъ весело! Вотъ и я жду чего-то! А чего жду— и не знаю, и вообразить не могу; только бьется сердце, да дрожитъ каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, духъ захватываетъ, подгибаются колѣни! Вотъ пока у меня сердце глупое раскипится вдругъ, ничѣмъ не унять. Вотъ идетъ. (*Катерина тихо сходитъ по тропинкѣ, покрытая большимъ бѣлымъ платкомъ, потупивъ глаза въ землю. Молчаніе*). Это вы, Катерина Петровна? *(Молчаніе*). Ужь какъ мнѣ благодарить васъ, я и не знаю. (*Молчаніе*). Кабы вы знали, Катерина Петровна, какъ я люблю васъ! (*Хочетъ взять ее за руку*).

Катерина *(съ испугомъ, но не подымая глазъ).*

Не трогай, не трогай меня! Ахъ, ахъ!

Борисъ.

Не сердитесь!

Катерина.

Поди отъ меня! Поди прочь, окаянный человѣкъ! Ты знаешь ли: вѣдь мнѣ не замолить этого грѣха, не замолить никогда! Вѣдь онъ камнемъ ляжетъ на душу, камнемъ.

Борисъ.

Не гоните меня!

Катерина.

Зачѣмъ ты пришелъ? Зачѣмъ ты пришелъ, погубитель мой? Вѣдь я замужемъ, вѣдь мнѣ съ мужемъ жить до гробовой доски...

Борисъ.

Вы сами велѣли мнѣ придти...

Катерина.

Да пойми ты меня, врагъ ты мой: вѣдь до гробовой доски!

Борисъ.

Лучше бъ мнѣ не видать васъ!

Катерина *(съ волненіемъ).*

Вѣдь что я себѣ готовлю. Гдѣ мнѣ мѣсто-то, знаешь ли?

Борисъ.

Успокойтесь! *(Беретъ ее за руку).* Сядьте!

Катерина.

Зачѣмъ ты моей погибели хочешь?

Борисъ.

Какъ же я могу хотѣть вашей погибели, когда я люблю васъ больше всего на свѣтѣ, больше самаго себя!

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня загубилъ!

Борисъ.

Развѣ я злодѣй какой?

Катерина *(качая головой)*.

Загубилъ, загубилъ, загубилъ!

Борисъ.

Сохрани меня Богъ! Пусть лучше я самъ погибну!

Катерина.

Ну, какъ же ты не загубилъ меня, коли я, бросивши домъ, ночью иду къ тебѣ.

Борисъ.

Ваша воля была на то.

Катерина.

Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ. *(Поднимаетъ глаза и смотритъ на Бориса. Небольшое молчаніе)*. Твоя теперь воля надо мной, развѣ ты не видишь! *(Кидается къ нему на шею)*.

Борисъ *(обнимаетъ Катерину)*.

Жизнь моя!

Катерина.

Знаешь что? Теперь мнѣ умереть вдругъ захотѣлось!

Борисъ.

Зачѣмъ умирать, коли намъ жить такъ хорошо?

Катерина.

Нѣтъ, мнѣ не жить! Ужь я знаю, что не жить.

Борисъ.

Не говори, пожалуйста, такихъ словъ, не печаль меня...

Катерина.

Да, тебѣ хорошо, ты вольный казакъ, а я!..

Борисъ.

Никто и не узнаетъ про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалѣю!

Катерина.

Э! Что меня жалѣть, никто виноватъ, — сама, на то пошла. Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю! *(Обнимаетъ Бориса)*. Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людскаго суда? Говорятъ, даже легче бываетъ, когда за какой нибудь грѣхъ здѣсь, на землѣ, натерпишься.

Борисъ.

Ну, что объ этомъ думать, благо намъ теперь-то хорошо!

Катерина.

И то! Надуматься-то, да наплакаться-то еще успѣю на досугѣ.

Борисъ.

А я было испугался, я думалъ, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*.

Прогнать! Гдѣ ужь! Съ нашимъ ли сердцемъ! Кабы ты не пришелъ, такъ я, кажется, сама бы къ тебѣ пришла.

Борисъ.

Я и не зналъ, что ты меня любишь.

Катерина.

Давно люблю. Словно на грѣхъ ты къ намъ пріѣхалъ. Какъ увидѣла тебя, такъ ужь не своя стала. Съ перваго же раза, кажется, кабы ты поманилъ меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край свѣта, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борисъ.

На долго ль мужъ-то уѣхалъ?

Катерина.

На двѣ недѣли.

Борисъ.

О, такъ мы погуляемъ. Время-то довольно.

Катерина.

Погуляемъ. А тамъ... *(Задумывается)*. Какъ запрутъ на замокъ, вотъ смерть! А не запрутъ, такъ ужь найду случай повидаться съ тобой! (*Входятъ Кудряшъ и Варвара*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣже, Кудряшъ и Варвара.

Варвара.

Ну, что, сладили? (*Катерина прячетъ лицо у Бориса на груди*).

Борисъ.

Сладили.

Варвара.

Пошли бы, погуляли, а мы подождемъ. Когда нужно будетъ, Ваня крикнетъ. (*Борисъ и Катерина уходятъ... Кудряшъ и Варвара садятся на камень*).

Кудряшъ.

А это вы важную штуку придумали, въ садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

Варвара.

Все я.

Кудряшъ.

Ужь тебя взять на это. А мать-то не хватится?...

Варвара.

Э! Куда ей! Ей и въ лобъ-то не влетитъ.

Кудряшъ.

А, ну, на грѣхъ?

Варвара.

У нее первый сонъ крѣпокъ: вотъ къ утру, такъ просыпается.

Кудряшъ.

Да вѣдь какъ знать! Вдругъ ее нелегкая подниметъ.

Варвара.

Ну, такъ чтожъ! У насъ калитка-то, которая со двора изнутри заперта, изъ саду; постучитъ, постучитъ, да такъ и пойдетъ. А по утру мы скажемъ, что крѣпко спали, не слыхали. Да и Глаша стережетъ; чуть что, она сейчасъ голосъ подастъ. Безъ опаски нельзя! Какъ же можно! Того гляди въ бѣду попадешь. (*Кудряшъ беретъ нѣсколько аккордовъ на гитарѣ. Варвара прилегаетъ къ плечу Кудряша, который, не обращая вниманія тихо играетъ*).

Варвара (*зѣвая*).

Какъ бы это узнать, который часъ?

Кудряшъ.

Первый.

Варвара.

Почемъ ты знаешь?

Кудряшъ.

Сторожъ въ доску билъ.

Варвара *(зѣвая)*.

Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выдемъ, такъ побольше погуляемъ.

Кудряшъ *(свищетъ и громко запѣваетъ)*.

Всѣ домой, всѣ домой!
А я домой не хочу.

Борисъ (*за сценой): «слышу!»*

Варвара *(встаетъ)*.

Ну, прощай! *(зѣваетъ, потомъ цѣлуетъ холодно, какъ давно знакомаго)*. Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотритъ въ ту сторону, куда пошли Борисъ и Катерина)*. Будетъ вамъ прощаться-то, не навѣкъ разстаетесь, завтра увидитесь. *(Зѣваетъ и потягивается. Вбѣгаютъ* Катерина, *за ней* Борисъ*)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

КУДРЯШЪ, ВАРВАРА, БОРИСЪ И КАТЕРИНА.

Катерина *(Варварѣ)*.

Ну пойдемъ, пойдемъ! *(Всходятъ по тропинкѣ. Катерина оборачивается)*. Прощай!

Борисъ.

До завтра!

Катерина.

Да, до завтра! Что во снѣ увидишь, скажи! *(Подходитъ къ калиткѣ)*.

Борисъ.

Непремѣнно.

Кудряшъ *(поетъ подъ гитару).*

Гуляй млада до поры.
До вечерней до зари!
Ай—лели, до поры,
До вечерней до зори.

Варвара *(у калитки).*

А я млада до поры,
До утренней до зори,
Ай—лели, до поры
До утренней до зари *(уходитъ).*

Кудряшъ.

Какъ зорюшка занялась,
А я домой поднялась и т. д.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На первомъ планѣ узкая галлерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-гдѣ трава и кусты; за арками берегъ и видъ на Волгу.

ЯВЛЕНІЕ I.

Нѣсколько гуляющихъ обоего пола проходятъ за арками.

1-й.

Дождь накрапаетъ, какъ бы гроза не собралась?

2-й.

Гляди, сберется.

1-й.

Еще хорошо, что есть гдѣ схорониться. *(Входятъ всѣ подъ своды).*

Женщина.

А что народу-то гуляетъ на бульварѣ! День праздничничный, всѣ повышли. Купчихи такія разряженныя.

1-й.

Попрячутся куда нибудь.

2-й.

Гляди, что̀ теперь народу сюда набьется!

1-й (*осматривая стѣны*).

А вѣдь тутъ, братецъ ты мой, когда нибудь, значитъ, расписано было. И теперь еще мѣстами означаетъ.

2-й.

Ну, да, какже! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, все впустѣ оставлено, развалилось, заросло. Послѣ пожару, такъ и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лѣтъ сорокъ будетъ.

1-й.

Чтобы это такое, братецъ ты мой, тутъ нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2-й.

Это геенна огненная.

1-й.

Такъ, братецъ ты мой!

2-й.

И ѣдутъ туда всякаго званія люди.

1-й.

Такъ, такъ, понялъ теперь.

2-й.

И всякаго чину.

1-й.

И Арапы?

2-й.

И Арапы.

1-й.

А это, братецъ ты мой, что такое?

2-й.

А это Литовское раззореніе. Битва̀! — видишь? Какъ наши съ Литвой бились.

1-й.

Чтожъ это такое Литва?

2-й.

Такъ она Литва и есть.

1-й.

А говорятъ, братецъ ты мой, она на насъ съ неба упала.

2-й

Не умѣю тебѣ сказать. Съ неба, такъ съ неба.

Женщина.

Толкуй еще! Всѣ знаютъ, что съ неба; и гдѣ былъ какой бой съ ней, тамъ для памяти курганы насыпаны.

1-й.

А что, братецъ ты мой! Вѣдь это такъ точно. (*Входитъ* Дико́й *и за нимъ* Кулигинъ *безъ шапки. Всѣ кланяются и принимаютъ почтительное положеніе*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же, Дико́й и Кулигинъ.

Дикой.

Ишь ты, замочило всего. (*Кулигину*): Отстань ты отъ меня! Отстань! (*Съ сердцемъ*) Глупый человѣкъ!

Кулигинъ.

Савёлъ Прокофьичъ, вѣдь отъ этого, ваше степенство, для всѣхъ вообще обывателей польза.

Дикой.

Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

Кулигинъ.

Да хоть бы для васъ, ваше степенство, Савёлъ Прокофьичъ. Вотъ-бы, сударь, на бульварѣ, на чистомъ мѣстѣ, и поставить. А какой расходъ? Расходъ пустой: столбикъ каменный *(показываетъ жестами размѣръ каждой вещи)*, — дощечку мѣдную, такую круглую, да шпильку, вотъ шпильку прямую, *(показываетъ жестомъ)* простую самую. Ужь я все это прилажу, и цыфры вырѣжу уже все самъ. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочіе которые гуляющіе, сейчасъ подойдете и видите, который часъ. А то этакое мѣсто прекрасное, и видъ, и всё, а какъ будто пусто. У насъ тоже, ваше степенство, и проѣзжіе бываютъ, ходятъ туда наши виды смотрѣть, все-таки украшеніе,— для глазъ оно пріятнѣй.

Дикой.

Да что ты ко мнѣ лѣзешь со всякимъ вздоромъ! Можетъ, я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты долженъ былъ прежде узнать, въ расположеніи ли я тебя слушать, дурака, или нѣтъ. Что я тебѣ—ровный, что ли! Ишь ты — какое дѣло нашелъ важное! Такъ прямо съ рыломъ-то и лѣзетъ разговаривать.

Кулигинъ.

Кабы я со своимъ дѣломъ лѣзъ, ну, тогда былъ бы я виноватъ. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значитъ для общества какихъ нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Дикой.

А можетъ, ты украсть хочешь; кто тебя знаетъ!

Кулигинъ.

Коли я свои труды хочу даромъ положить, что же я

могу украсть, ваше степенство! Да меня здѣсь всѣ знаютъ; про меня никто дурно не скажетъ.

Дикой.

Ну, и пущай знаютъ, а я тебя знать не хочу.

Кулигинъ.

За что, сударь Савёлъ Прокофьичъ, честнаго человѣка обижать изволите?

Дикой.

Отчетъ, что-ли, я стану тебѣ давать! Я и поважнѣй тебя никому отчета не даю. Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и всё. Хотѣлось тебѣ это слышать отъ меня? Такъ вотъ слушай! Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты, судиться, что ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу — помилую, захочу—раздавлю.

Кулигинъ.

Богъ съ вами, Савёлъ Прокофьичъ! Я, сударь, маленькій человѣкъ, меня обидѣть не долго. А я вамъ вотъ что доложу, ваше степенство, — «и въ рубищѣ почтенна добродѣтель!»

Дикой

Ты у меня грубить не смѣй! Слышишь ты!

Кулигинъ.

Никакой я грубости вамъ, сударь, не дѣлаю; а говорю вамъ потому, что, можетъ быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сдѣлать. Силы у васъ, ваше степенство, много; была-бъ только воля на доброе дѣло. Вотъ, хоть бы теперь то возмемъ: у насъ грозы частыя, а не заведемъ мы громовыхъ отводовъ.

Дикой (*гордо*).

Всё суета!

Кулигинъ.

Да какая же суета, когда опыты были.

Дикой.

Какіе такіе тамъ у тебя громовые отводы?

Кулигинъ.

Стальные.

Дикой (*съ гнѣвомъ*).

Ну, еще что?

Кулигинъ.

Шесты стальные.

Дикой (*сердясь болѣе и болѣе*).

Слышалъ, что шесты, аспидъ ты этакой; да еще-то что? Наладилъ: шесты! ну, а еще что?

Кулигинъ.

Ничего больше.

Дикой.

Да гроза-то что такое по твоему, а? Ну, говори!

Кулигинъ.

Электричество.

Дикой (*топнувъ ногой*).

Какое еще тамъ елестричество! Ну, какъ же ты не разбойникъ! Гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами, да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться. Что ты, татаринъ, что ли? Татаринъ ты? А, говори! Татаринъ?

Кулигинъ.

Савёлъ Прокофьичъ, ваше степенство,—Державинъ сказалъ:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю.

Дикой.

А за эти вотъ слова тебя къ городничему отправить, такъ онъ тебѣ задастъ! Эй, почтенные! прислушайтеко, что онъ говоритъ!

Кулигинъ.

Нечего дѣлать, надо покориться! А вотъ когда будетъ у меня милліонъ, тогда я поговорю. (*Махнувъ рукой, уходитъ*).

Дикой.

Что-жъ ты, украдешь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивой мужиченко! Съ этимъ народомъ какому надо быть человѣку? Я ужь не знаю. (*Обращаясь къ народу*). Да вы проклятые, хоть кого въ грѣхъ введете! Вотъ не хотѣлъ нынче сердиться, а онъ, какъ нарочно, разсердилъ-таки. Чтобъ ему провалиться! (*Сердито*). Пересталъ, что-ль дождикъ-то?

1-й.

Кажется, пересталъ.

Дикой.

Кажется! А ты, дуракъ, сходи да посмотри. А то: кажется.

1-й (*выйдя изъ подъ сводовъ*).

Пересталъ! (*Дикой уходитъ и всѣ за нимъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Подъ своды быстро входитъ Варвара и, притаившись, высматриваетъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Варвара и потомъ Борисъ.

Варвара.

Кажется, онъ! (*Борисъ проходитъ въ глубинѣ сцены*).

Ссъ-ссъ! *(Борисъ оглядывается)*. Поди сюда. (*Манитъ рукой, Борисъ входитъ*). Что намъ съ Катериной-то дѣлать? Скажи на милость!

Борисъ.

А что?

Варвара.

Бѣда вѣдь, да и только. Мужъ пріѣхалъ, ты знаешь ли это? И не ждали его, а онъ пріѣхалъ.

Борисъ.

Нѣтъ, я не зналъ.

Варвара.

Она просто сама не своя сдѣлалась.

Борисъ.

Видно, только я и пожилъ десять деньковъ, пока его не было. Ужь теперь и не увидишь ее!

Варвара.

Ахъ ты какой! Да ты слушай! Дрожитъ вся, точно ее лихорадка бьетъ; блѣдная такая, мечется по дому, точно чего ищетъ. Глаза, какъ у помѣшанной! Давеча утромъ плакать принялась, такъ и рыдаетъ. Батюшки мои! что мнѣ съ ней дѣлать?

Борисъ.

Да, можетъ быть, пройдетъ это у нея!

Варвара.

Ну ужь едва ли. На мужа не смѣетъ глазъ поднять. Маменька замѣчать это стала, ходитъ да все на нее косится, такъ змѣей и смотритъ; а она отъ этого еще хуже. Просто мука глядѣть-то на нее! Да и боюсь я.

Борисъ.

Чего же ты боишься?

Варвара.

Ты ее не знаешь! Она вѣдь чудная какая-то у насъ. Отъ нея все станется! Такихъ дѣлъ надѣлаетъ, что...

Борисъ.

Ахъ, Боже мой! Что же дѣлать-то! Ты бы съ ней поговорила хорошенько. Неужли ужь нельзя ее уговорить?

Варвара.

Пробовала. И не слушаетъ ничего. Лучше и не подходи.

Борисъ.

Ну, какъ же ты думаешь, что она можетъ сдѣлать?

Варвара.

А вотъ что: бухнетъ мужу въ ноги, да и разскажетъ все. Вотъ чего я боюсь.

Борисъ *(съ испугомъ)*.

Можетъ ли это быть!

Варвара.

Отъ нея все можетъ быть.

Борисъ.

Гдѣ она теперь?

Варвара.

Сейчасъ съ мужемъ на бульваръ пошли, и маменька съ ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нѣтъ, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется. *(Вдали удара грома)*. Никакъ гроза? *(Выглядываетъ)*. Да и дождикъ. А вотъ и народъ повалилъ. Спрячься тамъ, гдѣ нибудь, а я тутъ на виду стану, чтобъ не подумали чего. *(Входятъ нѣсколько лицъ разнаго званія и пола)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Разныя лица и потомъ Кабанова, Кабановъ, Катерина и Кулигинъ.

1-й.

Должно быть, бабочка-то очень боится, что такъ торопится спрятаться.

Женщина.

Да ужь какъ ни прячься! Коли кому на роду написано, такъ никуда неуйдешь.

Катерина (*вбѣгая*).

Ахъ! Варвара! (*Хватаетъ ее за руку и держитъ крѣпко*).

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Смерть моя!

Варвара.

Да ты одумайся! Соберись съ мыслями!

Катерина.

Нѣтъ! Не могу. Ничего не могу. У меня ужь очень сердце болитъ.

Кабанова (*входя*).

То-то вотъ, надо жить-то такъ, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабановъ.

Да какіе-жъ, маменька, у нея грѣхи такіе, могутъ быть особенные! Все такіе же, какъ и у всѣхъ у насъ, а это такъ ужь отъ природы боится.

Кабанова.

А ты почемъ знаешь! Чужая душа потемки.

Кабановъ *(шутя).*

Ужь развѣ безъ меня что-нибудь, а при мнѣ, кажись, ничего не было.

Кабанова.

Можетъ быть, и безъ тебя.

Кабановъ *(шутя).*

Катя кайся, братъ, лучше, коли! въ чемъ грѣшна. Вѣдь отъ меня не скроешься: нѣтъ, шалишь! Все знаю.

Катерина *(смотритъ въ глаза Кабанову).*

Голубчикъ мой!

Варвара.

Ну, что ты пристаешь! Развѣ не видишь: что ей безъ тебя тяжело. *(Борисъ выходитъ изъ толпы и раскланивается съ Кабановымъ).*

Катерина *(вскрикиваетъ).*

Ахъ!

Кабановъ.

Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоровъ ли?

Борисъ.

Слава Богу!

Катерина *(Варварѣ).*

Чего ему еще надо отъ меня?... Или ему мало этого, что я такъ мучаюсь. *(Приклоняясь къ Варварѣ, рыдаетъ).*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала).*

Мы съ ногъ сбились, не знаемъ, что дѣлать съ ней; а тутъ еще посторонніе лѣзутъ! *(Дѣлаетъ Борису знакъ, тотъ отходитъ къ самому выходу).*

Кулигинъ (*выходитъ на середину, обращаясь къ толпѣ*).

Ну, чего вы боитесь, скажите на-милость! каждая теперь травка, каждый цвѣтокъ радуется, а мы прячемся, боимся точно напасти какой! Гроза убьетъ! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У васъ все гроза! Сѣверное сіяніе загорится, любоваться бы надобно, да дивиться премудрости: «съ полночныхъ странъ встаетъ заря!» А вы ужасаетесь, да придумываете, къ войнѣ это или къ мору. Комета ли идетъ,—не отвелъ бы глазъ! красота! звѣзды-то ужь приглядѣлись, все однѣ и тѣже, а это обновка; ну, смотрѣлъ бы, да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь васъ беретъ! Изо всего-то вы себѣ пугалъ надѣлали. Эхъ, народъ! Я, вотъ, не боюсь. Пойдемте, сударь!

Борисъ.

Пойдемте! Здѣсь страшнѣе! (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣже безъ Бориса и Кулигина.

Кабанова.

Ишь, какія рацеи развелъ! Есть что послушать, ужь нечего сказать! Вотъ времена-то пришли, какіе-то учители появились. Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужъ отъ молодыхъ-то требовать!

Женщина.

Ну, все небо обложило. Ровно шапкой, такъ и накрыло.

1-й.

Эко, братецъ ты мой, точно клубкомъ туча-то вьется, ровно что въ ней тамъ живое ворочается. А такъ на насъ и ползетъ, такъ и ползетъ, какъ живая!

2-й.

Ужь ты помяни мое слово, что эта гроза даромъ н пройдетъ. Вѣрно тебѣ говорю: потому знаю. Либо ужь убьетъ кого нибудь, либо домъ сгоритъ; вотъ увидишь: потому, смотри! какой цвѣтъ необнакновенный!

Катерина (*прислушиваясь*).

Что они говорятъ? Они говорятъ, что убьетъ кого нибудь.

Кабановъ.

Извѣстно: такъ городятъ, зря, что въ голову придетъ.

Кабанова.

Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знаютъ. У старыхъ людей на все примѣты есть. Старый человѣкъ на вѣтеръ слова не скажетъ.

Катерина (*мужу*).

Тиша, я знаю кого убьетъ.

Варвара (*Катеринѣ тихо*).

Ты ужь хоть молчи-то!

Кабановъ.

Ты почемъ знаешь?

Катерина.

Меня убьетъ. Молитесь тогда за меня! (*Входитъ Барыня съ лакеями. Катерина съ крикомъ прячется*).

ЯВЛЕНІЕ VI·

Тѣже и Барыня.

Барыня.

Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Какъ не хо-

тѣться!—видишь, какая красавица! Ха, ха, ха! Красота! А ты молись Богу, чтобъ отнялъ красоту-то! Красота-то вѣдь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вотъ тогда и радуйся красотѣ-то своей. Много, много народу въ грѣхъ введешь! Вертопрахи на поединки выходятъ, шпагами колятъ другъ друга. Весело! Старики, старые, благочестивые, объ смерти забываютъ, соблазняются на красоту то! А кто отвѣчать будетъ? За все тебѣ отвѣчать придется. Въ омутъ лучше съ красотой-то! Да скорѣй, скорѣй! (*Катерина прячется*). Куда прячешься, глупая! Отъ Бога-то неуйдешь! (*Ударъ грома*). Всѣ въ огнѣ горѣть будете въ неугасимомъ! (*уходитъ*).

Катерина.

Ахъ! Умираю!

Варвара.

Что ты мучаешься-то въ самомъ дѣлѣ! Стань къ сторонкѣ, да помолись: легче будетъ.

Катерина (*подходитъ къ стѣнѣ и опускается на колѣни, потомъ быстро вскакиваетъ*).

Ахъ! Адъ! Адъ! Геенна огненная! (*Кабанова, Кабановъ и Варвара окружаютъ ее*). Все сердце изорвалось! Не могу я больше терпѣть! Матушка! Тихонъ! Грѣшна я передъ Богомъ и передъ вами! Не я ли клялась тебѣ, что не взгляну ни на кого безъ тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, безпутная, безъ тебя дѣлала! Въ первую же ночь я ушла изъ дому...

Кабановъ (*растерявшись, въ слезахъ, дергаетъ ее за рукавъ*).

Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здѣсь!

Кабанова (*строго*).

Ну, ну, говори, коли ужь начала.

Катерина.

И всѣ-то десять ночей я гуляла... *(Рыдаетъ. Кабановъ хочетъ обнять ее).*

Кабанова.

Брось ее! Съ кѣмъ?

Варвара.

Вретъ она, она сама не знаетъ, что говоритъ.

Кабанова.

Молчи ты! Вотъ оно что! Ну, съ кѣмъ же?

Катерина.

Съ Борисомъ Григорьевичемъ. *(Ударъ грома)*. Ахъ! *(Падаетъ безъ чувствъ на руки мужа)*.

Кабанова.

Что, сынокъ! Куда воля-то ведетъ! Говорила я, такъ ты слушать не хотѣлъ. Вотъ и дождался!

*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Декорація перваго дѣйствія. Сумерки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кулигинъ (*сидитъ на лавочкѣ*), Кабановъ (*идетъ по бульвару*).

Кулигинъ (*поетъ*).

«Ночною темнотою покрылись небеса.
Всѣ люди для покою закрыли ужь глаза, и проч.

(*Увидавъ Кабанова*). Здраствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

Кабановъ.

Домой. Слышалъ, братецъ, дѣла-то наши? Вся, братецъ, семья въ разстройство пришла.

Кулигинъ.

Слышалъ, слышалъ, сударь.

Кабановъ.

Я въ Москву ѣздилъ, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала,—читала мнѣ наставленія-то, а я какъ выѣхалъ, такъ загулялъ. Ужь очень радъ, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ, такъ это кучу́, что на̀-поди! Такъ, чтобы ужь на цѣлый годъ отгуляться. Ни разу про домъ-то и не вспомнилъ. Да хоть бы и вспомнилъ-то, такъ мнѣ бы и въ умъ не пришло, что тутъ дѣлается. Слышалъ?

Кулигинъ.

Слышалъ, сударь.

Кабановъ.

Несчастный я теперь, братецъ, человѣкъ! Такъ ни за что я погибаю, ни за грошъ!

Кулигинъ.

Маменька-то у васъ больно крута.

Кабановъ.

Ну, да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мнѣ на милость? Я вотъ зашолъ къ Дико́му, ну, выпили; думалъ—легче будетъ; нѣтъ, хуже, Кулигинъ! Ужь что̀ жена противъ меня сдѣлала! Ужь хуже нельзя...

Кулигинъ.

Мудреное дѣло, сударь. Мудрено васъ судить.

Кабановъ.

Нѣтъ, постой! Ужь начто еще хуже этого. Убить ее за это мало. Вотъ маменька говоритъ: ее надо живую въ землю закопать, чтобъ она казнилась! А я ее люблю, мнѣ ее жаль пальцемъ тронуть. Побилъ немножко, да и то маменька приказала. Жаль мнѣ смотрѣть-то на нее, пойми ты это, Кулигинъ. Маменька ее поѣдомъ ѣстъ, а она, какъ тѣнь какая, ходитъ безотвѣтная. Только плачетъ, да таетъ какъ воскъ. Вотъ я и убиваюсь, глядя на нее.

Кулигинъ.

Какъ бы нибудь, сударь, ладкомъ дѣло-то сдѣлать! Вы бы простили ей, да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не безъ грѣха!

Кабановъ.

Ужь что говорить!

Кулигинъ.

Да ужь такъ, чтобы и подъ пьяную руку не попрекать! Она бы вамъ, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

Кабановъ.

Да пойми ты, Кулигинъ: я-то бы ничего, а маменька-то... развѣ съ ней сговоришь!..

Кулигинъ.

Пора бы ужь вамъ, сударь, своимъ умомъ жить.

Кабановъ.

Что-жъ мнѣ, разорваться, что ли! Нѣтъ, говорятъ, своего-то ума. И, значитъ, живи вѣкъ чужимъ. Я вотъ возьму, да послѣдній-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, какъ съ дуракомъ, и нянчится.

Кулигинъ.

Эхъ, сударь! Дѣла, дѣла! Ну, а Борисъ-то Григорьевичъ, сударь, что?

Кабановъ.

А его, подлеца, въ Тяхту, къ Китайцамъ. Дядя къ знакомому купцу какому-то посылаетъ туда на контору. На три года его туды.

Кулигинъ.

Ну, что же онъ, сударь?

Кабановъ.

Мечется тоже; плачетъ. Накинулись мы давеча на него съ дядей, ужь ругали, ругали, — молчитъ. Точно дикій какой сдѣлался. Со мной, говоритъ, что хотите, дѣлайте, только ее не мучьте! И онъ къ ней тоже жалость имѣетъ.

Кулигинъ.

Хорошій онъ человѣкъ, сударь.

Кабановъ.

Собрался совсѣмъ, и лошади ужь готовы. Такъ тоскуетъ, бѣда! Ужь я вижу, что это ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будетъ съ него. Врагъ вѣдь мнѣ, Кулигинъ! Расказнить его надобно на части, чтобы зналъ...

Кулигинъ.

Врагамъ-то прощать надо, сударь!

Кабановъ.

Поди-ка, поговори съ маменькой, что она тебѣ на это скажетъ. Такъ, братецъ Кулигинъ, все наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги другъ другу. Варвару маменька точила--точила; а та не стерпѣла, да и была такова,—взяла, да и ушла.

Кулигинъ.

Куда ушла?

Кабановъ.

Кто ее знаетъ. Говорятъ, съ Кудряшомъ съ Ванькой убѣжала, и того также нигдѣ не найдутъ. Ужь это, Кулигинъ, надо прямо сказать, что отъ маменьки; потому стала ее тиранить и на замокъ запирать. «Не запирайте, говоритъ, хуже будетъ!» Вотъ такъ и вышло. Что-жъ мнѣ теперь дѣлать, скажи ты мнѣ! Научи ты меня, какъ мнѣ жить теперь! Домъ мнѣ опостылѣлъ, людей совѣстно, за дѣло возьмусь, руки отваливаются. Вотъ теперь домой иду: на радость, что ль, иду? (*Входитъ Глаша*).

Глаша.

Тихонъ Иванычъ, батюшка!

Кабановъ.

Что еще?

Глаша.

Дома у насъ нездорово, батюшка!

Кабановъ.

Господи! Такъ ужь одно къ одному! Говори, что тамъ такое?

Глаша.

Да хозяюшка ваша...

Кабановъ.

Ну, что-жъ? Умерла, что-ль?

Глаша.

Нѣтъ, батюшка; ушла куда-то, не найдемъ нигдѣ. Сбились съ ногъ, искамши.

Кабановъ.

Кулигинъ! надо, братъ, бѣжать искать ее. Я, братецъ, знаешь, чего боюсь? Какъ бы она съ тоски-то на себя руки не наложила! Ужь такъ тоскуетъ, такъ тоскуетъ, что ахъ! На нее-то глядя, сердце рвется. Чего-жъ вы смотрѣли-то? Давно ль она ушла-то?

Глаша.

Недавнушко, батюшка! Ужь нашъ грѣхъ, не доглядѣли. Да и то сказать: на всякой часъ не остережешься.

Кабановъ.

Ну, что стоишь-то, бѣги! (*Глаша уходитъ*). И мы пойдемъ, Кулигинъ! (*Уходятъ. Сцена нѣсколько времени пуста. Съ противуположной стороны выходитъ Катерина и тихо идетъ по сценѣ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Катерина (*одна*) *.

Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ! Что-то онъ теперь, бѣдный, дѣлаетъ? Мнѣ только проститься съ нимъ, а тамъ... а тамъ хоть умирать. За что я его въ бѣду ввела? Вѣдь мнѣ не легче отъ того! Погибать бы мнѣ одной! А то себя погубила, его погубила, себѣ безчестье — ему вѣчный покоръ! Да! Себѣ безчестье—ему вѣчный покоръ. (*Молчаніе*). Вспомнить бы мнѣ, что онъ говорилъ-то? Какъ онъ жалѣлъ-то меня? Какія слова-то говорилъ? (*Беретъ себя за голову*). Не помню, все забыла. Ночи, ночи мнѣ тяжелы! Всѣ пойдутъ спать, и я пойду; всѣмъ ничего, а мнѣ какъ въ могилу. Такъ страшно въ потемкахъ! Шумъ какой-то сдѣлается и поютъ, точно кого хоронятъ; только такъ тихо, чуть слышно, далеко, далеко отъ меня... Свѣту-то такъ рада сдѣлаешься! А вставать не хочется, опять тѣже люди, тѣже разговоры, таже мука. Зачѣмъ они такъ смотрятъ на меня? Отъ чего это нынче не убиваютъ? Зачѣмъ такъ сдѣлали? Прежде, говорятъ, убивали. Взяли бы, да и бросили меня въ Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорятъ, такъ съ тебя грѣхъ снимется, а ты живи, да мучайся своимъ грѣхомъ». Да ужь измучилась я! Долго ль еще мнѣ мучиться!.. Для чего мнѣ теперь жить, ну, для чего? Ничего мнѣ не надо, ничего мнѣ не мило, и свѣтъ Божій не милъ! — А смерть не приходитъ. Ты ее кличешь, а она не приходитъ. Что ни увижу, что ни услышу, только тутъ (*показывая на сердце*) больно. Еще кабы съ нимъ жить, можетъ быть, радость бы какую нибудь я и

* Весь монологъ и всѣ слѣдующія сцены говоритъ, растягивая и повторяя слова, задумчиво и какъ будто въ забытьи.

видѣла... Что-жъ: ужь все равно, ужь душу свою я вѣдь погубила. Какъ мнѣ по немъ скучно! Ахъ, какъ мнѣ по немъ скучно! Ужь коли не увижу я тебя, такъ хоть услышь ты меня издали! Вѣтры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мнѣ, скучно! (*Подходитъ къ берегу и громко во весь голосъ*). Радость мою, жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! (*Плачетъ; входитъ Борисъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Катерина и Борисъ.

Борисъ (*не видя Катерины*).

Боже мой! Вѣдь это ея голосъ! Гдѣ же она? (*Оглядывается*).

Катерина (*подбѣгаетъ къ нему и падаетъ на шею*).

Увидала-таки я тебя! (*Плачетъ на груди у него. Молчаніе*).

Борисъ.

Ну, вотъ и поплакали вмѣстѣ, привелъ Богъ.

Катерина.

Ты не забылъ меня?

Борисъ.

Какъ забыть, что ты!

Катерина.

Ахъ нѣтъ, не то, не то! Ты не сердишься?

Борисъ.

За что мнѣ сердиться?

Катерина.

Ну, прости меня! Не хотѣла я тебѣ зла сдѣлать; да

въ себѣ невольна была. Что говорила, что дѣлала, себя не помнила.

Борисъ.

Полно, что ты! что ты!

Катерина.

Ну, какъ же ты? Теперь-то ты какъ?

Борисъ.

Ѣду.

Катерина.

Куда ѣдешь?

Борисъ.

Далеко, Катя, въ Сибирь.

Катерина.

Возьми меня съ собой отсюда!

Борисъ.

Нельзя мнѣ, Катя. Не по своей я волѣ ѣду: дядя посылаетъ, ужь и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотѣлъ хоть съ мѣстомъ-то тѣмъ проститься, гдѣ мы съ тобой видѣлись.

Катерина.

Поѣзжай съ Богомъ! Не тужи обо мнѣ. Съ начала только развѣ скучно будетъ тебѣ, бѣдному, а тамъ и позабудешь.

Борисъ.

Что обо мнѣ-то толковать! Я—вольная птица. Ты-то какъ? Что свекровь-то?

Катерина.

Мучаетъ меня, запираетъ. Всѣмъ говоритъ и мужу говоритъ: «не вѣрьте ей, она хитрая». Всѣ и ходятъ за

мной цѣлый день и смѣются мнѣ прямо въ глаза. На каждомъ словѣ все тобой попрекаютъ.

Борисъ.

А мужъ-то?

Катерина.

То ласковъ, то сердится, да пьетъ всё. Да постылъ онъ мнѣ, постылъ, ласка-то его мнѣ хуже побоевъ.

Борисъ.

Тяжело тебѣ, Катя?

Катерина.

Ужь такъ тяжело, такъ тяжело, что умереть легче!

Борисъ.

Кто-жъ это зналъ, что намъ за любовь нашу такъ мучиться съ тобой! Лучше-бъ бѣжать мнѣ тогда!

Катерина.

На бѣду я увидѣла тебя. Радости видѣла мало, а горя-то, горя-то что! Да еще впереди-то сколько! Ну, да что думать о томъ, что будетъ! Вотъ я теперь тебя видѣла, этого они у меня не отымутъ; а больше мнѣ ничего не надо. Только вѣдь мнѣ и нужно было увидать тебя. Вотъ мнѣ теперь гораздо легче сдѣлалось; точно гора съ плечъ свалилась. А я все думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Борисъ.

Что ты, что ты!

Катерина.

Да нѣтъ, все не то я говорю; не то я хотѣла сказать! Скучно мнѣ было по тебѣ, вотъ что; ну, вотъ я тебя увидала...

Борисъ.

Не застали-бъ насъ здѣсь!

Катерина.

Постой, постой! Что-то я тебѣ хотѣла сказать! Вотъ забыла! Что-то нужно было сказать! Въ головѣ-то все путается, не вспомню ничего.

Борисъ.

Время мнѣ, Катя!

Катерина.

Погоди, погоди!

Борисъ.

Ну, что же ты сказать-то хотѣла!

Катерина.

Сейчасъ скажу. (*Подумавъ*). Да! Поѣдешь ты дорогой, ни одного ты нищаго такъ не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтобъ молились за мою грѣшную душу.

Борисъ.

Ахъ, кабы знали эти люди, каково мнѣ прощаться съ тобой! Боже мой! Дай Богъ, чтобъ имъ когда нибудь также сладко было, какъ мнѣ теперь. Прощай, Катя! (*Обнимаетъ ее и хочетъ уйти*). Злодѣи вы! Изверги! Эхъ, кабы сила!

Катерина.

Постой, постой! Дай мнѣ поглядѣть на тебя въ послѣдній разъ. (*Смотритъ ему въ глаза.*) Ну! будетъ съ меня! Теперь Богъ съ тобой, поѣзжай. Ступай, скорѣе ступай!

Борисъ (*отходитъ нѣсколько шаговъ и останавливается*).

Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебѣ.

Катерина.

Ничего, ничего! Поѣзжай съ Богомъ! (*Борисъ хочетъ подойти къ ней.*) Не надо, не надо, довольно!

Борисъ (*рыдая*).

Ну, Богъ съ тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтобъ она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! (*Кланяется*).

Катерина.

Прощай! (*Борисъ уходитъ. Катерина провожаетъ его глазами и стоитъ нѣсколько времени задумавшись*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Катерина (*одна*).

Куда теперь? Домой идти? Нѣтъ, мнѣ что домой, что въ могилу—все равно. Да, что домой, что въ могилу!... что въ могилу! Въ могилѣ лучше... Подъ деревцомъ могилушка... какъ хорошо!... Солнышко ее грѣетъ, дождичкомъ ее мочитъ... весной на ней травка выростетъ, мягкая такая... птицы прилетятъ на дерево, будутъ пѣть, дѣтей выведутъ, цвѣточки расцвѣтутъ: желтенькіе, красненькіе, голубенькіе... всякіе (*задумывается*) всякіе... Такъ тихо, такъ хорошо! Мнѣ какъ будто легче! А объ жизни и думать не хочется. Опять жить? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... не хорошо! И люди мнѣ противны, и домъ мнѣ противенъ, и стѣны противны! Не пойду туда! Нѣтъ, нѣтъ, не пойду! Придешь къ нимъ, они ходятъ, говорятъ, а на что мнѣ это! Ахъ, темно стало! И опять поютъ гдѣ-то! Что поютъ? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поютъ? Все равно, что смерть придетъ, что сама... а жить нельзя! Грѣхъ! Молиться не будутъ? Кто любитъ, тотъ будетъ молиться... Руки крестъ на крестъ складываютъ... въ

гробу! Да, такъ... я вспомнила. А поймаютъ меня, да воротятъ домой насильно... Ахъ, скорѣй, скорѣй! (*Подходитъ къ берегу. Громко*): Другъ мой! Радость моя! Прощай! (*Уходитъ. Входятъ*: *Кабанова*, *Кабановъ*, *Кулигинъ и Работникъ съ фонаремъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Кабанова, Кабановъ и Кулигинъ.

Кулигинъ.

Говорятъ, здѣсь видѣли.

Кабановъ.

Да это вѣрно?

Кулигинъ.

Прямо на нее говорятъ.

Кабановъ.

Ну, слава Богу, хоть живую видѣли-то.

Кабанова.

А ты ужъ испугался, расплакался! Есть о чемъ. Не безпокойся: еще долго намъ съ ней маяться будетъ.

Кабановъ.

Кто-жъ это зналъ, что она сюда пойдетъ! Мѣсто такое людное. Кому въ голову придетъ здѣсь прятаться.

Кабанова.

Видишь, что она дѣлаетъ! Вотъ какое зелье! Какъ она характеръ-то свой хочетъ выдержать! (*Съ разныхъ сторонъ собирается народъ съ фонарями*).

Одинъ изъ народа.

Что, нашли?

Кабанова.

То-то что нѣтъ. Точно провалилась куда.

Нѣсколько голосовъ.

Эка притча! Вотъ оказія-то! И куда-бъ ей дѣться!

Одинъ изъ народа.

Да найдется!

Другой.

Какъ не найтись!

Третій.

Гляди, сама придетъ. (*Голосъ за сценой*: «*Эй, лодку!*»).

Кулигинъ (*съ берега*).

Кто кричитъ? Что тамъ? (*Голосъ*: «*Женщина въ воду бросилась!*» Кулигинъ *и за нимъ нѣсколько человѣкъ убѣгаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же безъ Кулигина.

Кабановъ.

Батюшки, она вѣдь это! (*Хочетъ бѣжать. Кабанова удерживаетъ его за руку*). Маменька, пустите, смерть моя! я ее вытащу, а то такъ и самъ... что мнѣ безъ нея!

Кабанова.

Не пущу, и не думай! Изъ за нея да себя губить, стоитъ-ли она того! Мало намъ она страму-то надѣлала, еще что затѣяла!

Кабановъ.

Пустите!

Кабанова.

Безъ тебя есть кому. Прокляну, коли пойдешь.

Кабановъ (*падая на колѣни*).

Хоть взглянуть-то мнѣ на нее!

Кабанова.

Вытащутъ: взглянешь.

Кабановъ (*встаетъ. Къ народу*):

Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й.

Темно внизу-то, не видать ничего. (*Шумъ за сценой*).

2-й.

Словно кричатъ что-то, да ничего не разберешь.

1-й.

Да это Кулигина голосъ.

2-й.

Вонъ съ фонаремъ по берегу ходятъ.

1-й.

Сюда идутъ. Вонъ и ее несутъ. (*Нѣсколько народу возвращается*).

Одинъ изъ возвратившихся.

Молодецъ Кулигинъ! Тутъ близехонько, въ омуточкѣ, у берега: съ огнемъ-то оно въ воду-то далеко видно; онъ платье и увидалъ, и вытащилъ ее.

Кабановъ.

Жива?

Другой.

Гдѣ ужь жива! Высоко бросилась-то: тутъ обрывъ, да должно быть на якорь попала, ушиблась, бѣдная! А точно, ребяты, какъ живая! Только на вискѣ маленькая ранка и одна только, какъ есть одна, капелька крови.

(*Кабановъ бросается бѣжать; на встрѣчу ему Кулигинъ съ народомъ несутъ Катерину*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Кулигинъ.

Кулигинъ.

Вотъ вамъ ваша Катерина. Дѣлайте съ ней, что хотите! Тѣло ея здѣсь, возьмите его; а душа теперь не ваша: она теперь передъ Судіей, Который милосерднѣе васъ! (*Кладетъ на землю и убѣгаетъ*).

Кабановъ (*бросается къ Катеринѣ*).

Катя! Катя!

Кабанова.

Полно! Объ ней и плакать-то грѣхъ!

Кабановъ.

Маменька, вы ее погубили! вы, вы, вы...

Кабанова.

Что ты? Аль себя не помнишь! Забылъ съ кѣмъ говоришь!

Кабановъ.

Вы ее погубили! Вы! Вы!

Кабанова (*сыну*).

Ну, я съ тобой дома поговорю. (*Низко кланяется народу*). Спасибо вамъ, люди добрые, за вашу услугу! (*Всѣ кланяются*).

Кабановъ.

Хорошо тебѣ, Катя! А я-то зачѣмъ остался жить на свѣтѣ, да мучиться! (*Падаетъ на трупъ жены*).

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

[illegible]

ЯВЛЕНИЕ VII.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Катя! Катя!

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Хорошо тебѣ, Катя! [illegible]

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

(СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ).

въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

ВАСИЛІЙ ДМИТРИЧЪ ДОСУЖЕВЪ, чиновникъ, занимающійся частными дѣлами.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, купеческій сынъ.

ВАСИЛИСКЪ ПЕРЦОВЪ, служилъ въ какой-то службѣ, теперь давно въ отставкѣ, праздношатающійся человѣкъ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА КРУГЛОВА, купеческая дочь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, незначительный чиновникъ.

ДѢВУШКА и разныя проходящія лица безъ рѣчей.

Гротъ въ Кремлевскомъ Саду, передъ нимъ площадка. Черезъ сцену изрѣдка проходятъ люди разнаго званія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОСУЖЕВЪ *(прохаживается передъ гротомъ; на встрѣчу ему идетъ)* МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Молодой человѣкъ.

Скажи, пожалуста, гдѣ ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У насъ безъ тебя никакого веселья нѣтъ.

Досужевъ.

Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятилъ на пользу человѣчества.

Молодой человѣкъ.

Полно! Я тебя знаю: ты вѣдь шутъ гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человѣчеству! У тебя какая нибудь новая потѣха на умѣ.

Досужевъ.

Вотъ видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикаго племени и, по мѣрѣ возможности, стараюсь быть ему полезнымъ.

Молодой человѣкъ.

Ничего не понимаю. Ты скажи, по крайнѣй мѣрѣ, гдѣ ты живешь теперь?

Досужевъ.

Ну, я объяснюсь проще: я оставилъ службу и занимаюсь частными дѣлами. А живу въ той сторонѣ, гдѣ дни раздѣляются на легкіе и тяжелые; гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться: значитъ, плохо дѣло; гдѣ заболѣваютъ отъ дурнаго глаза, а лечатся симпатіями; гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и разсматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаются депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилежащихъ. Однимъ словомъ, я живу въ пучинѣ.

Молодой человѣкъ.

Гдѣ же эта пучина?

Досужевъ.

Вездѣ; стоитъ только опуститься. Она къ сѣверу

граничитъ съ сѣвернымъ океаномъ, къ востоку съ восточнымъ и такъ далѣе. Я переѣхалъ на самое дно. Милости просимъ. Вотъ мой адресъ. (*Подаетъ адресъ*). Заѣзжай ко мнѣ, я тебѣ покажу такія чудеса, что останешься доволенъ.

Молодой человѣкъ.

Какія выгоды доставляетъ тебѣ твое занятіе?

Досужевъ.

Выгоды довольно большія; а главное: что ни дѣло, то комедія. (*Подходитъ Перцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и Перцовъ.

Досужевъ (*протягивая Перцову руку*).

Bonjour! Вотъ, напримѣръ, господинъ Перцовъ! Рекомендую. Знаешь ли ты, чѣмъ онъ занимается?

Молодой человѣкъ.

Почемъ же мнѣ знать!

Досужевъ.

Онъ сочинитель, сочиняетъ фальшивые документы.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, при постороннихъ такія слова...

Досужевъ.

Ничего, будьте какъ дома. Ну, гдѣ это можетъ быть, кромѣ пучины? человѣкъ ничего ровно не дѣлаетъ, живетъ бариномъ на чужой счетъ, буйствомъ приводитъ въ ужасъ всю окрестность и пьетъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ пить.

Перцовъ.

Неумѣстныя шутки, господинъ Досужевъ!

Молодой человѣкъ.

Ну, прощай!

Досужевъ.

Прощай, заходи!

Молодой человѣкъ.

Непремѣнно зайду. (*Уходитъ*).

Досужевъ (*Перцову*).

Ну, и... Чего-жъ вы еще дожидаетесь? Дѣло кончено, и толковать намъ съ вами не о чемъ.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, вы мнѣ скажите, какъ благородный человѣкъ: отдадите вы мнѣ этотъ документъ, или нѣтъ?

Досужевъ.

За четверикъ бриліантовъ, извольте.

Перцовъ.

Къ чему эти злыя насмѣшки надъ несчастіемъ ближняго? Вы знаете, я бѣденъ.

Досужевъ.

Но благороденъ.

Перцовъ.

Кто же смѣетъ сомнѣваться!

Досужевъ.

А фальшивые-то документы зачѣмъ писать? Какое же это благородство?

Перцовъ.

Удары судьбы и роковая необходимость заставили

меня прибѣгнуть къ этому, не всѣми одобряемому способу.

Досужевъ.

Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у васъ такая величественная физіономія. Да и кромѣ физіономіи, вы всѣмъ обезпечены: ваши родные даютъ вамъ квартиру, столъ, да и денегъ гораздо больше, чѣмъ мы своимъ горбомъ зарабатываемъ. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали, да передали какому-то мошеннику.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, это дѣла или, лучше сказать, тайны семейныя. Онѣ должны быть скрыты подъ покровомъ неизвѣстности.

Досужевъ.

Хороши тайны! Женщина ни душой, ни тѣломъ не виновата, вдругъ съ нея требуютъ по векселю деньги, да еще стращаютъ, хотятъ представить ко взысканію. Еслибъ она повела дѣло-то, какъ слѣдуетъ, то есть допустила васъ представить вексель ко взысканію, да и подала бы отзывъ, что подпись-то подъ векселемъ фальшивая: что бы тогда произошло? Штука плачевная!

Перцовъ.

Я сознаюсь вамъ, какъ человѣку благородному, что въ этомъ случаѣ я вышелъ изъ предѣловъ приличія, и подвергалъ себя большой непріятности.

Досужевъ.

А какъ вы думаете, какой?

Перцовъ (*улыбаясь*).

Я могъ провести остатокъ дней моихъ въ тундрахъ сѣвера.

Досужевъ.

Совершенно справедливо, именно въ тундрахъ сѣвера.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, я очень хорошо понимаю мое ослѣпленіе; но войдите въ мое положеніе, и вы поймете всѣ фибры души моей, которыя подвигнули мою совѣсть дѣйствовать безъ зазрѣнія. Имѣя возможность жить подъ покровомъ благодѣянія моихъ родныхъ, я оставилъ службу; но, хотя я и предался бездѣйственной и праздной жизни, все-таки они не должны забывать, что я имѣю благородное званіе, которое пріобрѣлъ на поприщѣ службы.

Досужевъ.

Они и не забываютъ.

Перцовъ.

Да. Но, по ихъ невѣжественному заблужденію, я не всегда имѣю достаточно финансовыхъ средствъ для поддержки нашей фамиліи, которую я облагородилъ. Я съ нѣкотораго времени лишился даже кредиту.

Досужевъ.

Въ Марьиной рощѣ?

Перцовъ.

И въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ. Я нѣсколько разъ обращался съ требованіемъ къ моимъ родственникамъ, но, не видя для себя благопріятнаго результата, я рѣшился...

Досужевъ.

Сдѣлать фальшивый вексель.

Перцовъ.

Но вѣдь сестра заплатила по немъ, значитъ, признала его.

Досужевъ.

То-то и есть, что нѣтъ. Она его и не видала; я заплатилъ деньги и получилъ его съ бланковою надписью.

Перцовъ.

На что же онъ вамъ?

Досужевъ.

Никакой рѣдкости нѣтъ, дѣло очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать съ нея въ другой разъ по этому векселю.

Досужевъ.

А почемъ вы знаете? Можетъ быть, придетъ время, когда я и потребую?

Перцовъ.

Но будетъ ли это благородно?

Досужевъ.

Очень. Она въ другой разъ и не заплатитъ, а дѣло пойдетъ прямо въ уголовный судъ.

Перцовъ.

Господинъ Досужевъ, вы готовите новыя испытанія для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкій жребій находился въ вашихъ рукахъ...

Досужевъ.

Можетъ быть.

Перцовъ.

Но для чего?

Досужевъ.

Для того, чтобы изрѣдка напоминать вамъ о тундрахъ сѣвера.

*

Перцовъ.

Но зачѣмъ же играть, какъ игрушкой, судьбой человѣка души непреклонной?

Досужевъ.

Я вамъ скажу, зачѣмъ. Вы страхъ и трепетъ для всей окрестности; вы наводите ужасъ на мирныхъ обывателей; при одномъ вашемъ имени весь женскій полъ въ нашей сторонѣ приходитъ въ содроганіе; всѣ извощики отъ васъ разъѣзжаются, всѣ лавочники отъ васъ разбѣгаются, какъ отъ чумы, изъ всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцовъ.

Я согласенъ, я жестокъ; но я караю только за неуваженіе.

Досужевъ.

Вы караете тѣхъ, кто слабѣе васъ и съ кого взять нечего. А съ богатыми людьми у васъ другая политика: вы заводите ссору, лѣзете въ драку, да потомъ требуете за безчестье.

Перцовъ.

Моя личность, какъ благороднаго человѣка, ограждена закономъ противъ всякихъ превратностей, и я по праву требую безчестье за оскорбленіе.

Досужевъ.

Вотъ по этому-то случаю я, какъ сосѣдъ вашъ, и хочу для безопасности имѣть всегда подъ руками оружіе на случай встрѣчи съ вами.

Перцовъ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, покроемте все это дѣло покровомъ вѣчнаго забвенія.

Досужевъ.

То есть, какъ же?

Перцовъ.

Отдайте мнѣ вексель!

Досужевъ.

Нѣтъ, ужь это зачѣмъ же!

Перцовъ.

А если такъ, пусть онъ останется у васъ; но, господинъ Досужевъ, бойтесь разорвать завѣсу, скрывающую эту тайну.

Досужевъ.

Нѣтъ, ужь лучше вы бойтесь меня!

Перцовъ.

Не ожидалъ, господинъ Досужевъ, не ожидалъ. Но я надѣюсь, что мы, какъ благородные люди, останемся друзьями. (*Протягиваетъ Досужеву руку*).

Досужевъ.

Очень пріятно.

Перцовъ.

Честь имѣю кланяться. (*Уходитъ*).

Досужевъ.

Ишь ты, франтъ какой! Какъ же, отдамъ я тебѣ вексель, дожидайся! Я радъ, что могу теперь безопасно по улицамъ ходить. Ты вѣдь разбойникъ извѣстный! (*Подходитъ Андрей Титычъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Досужевъ и Андрей Титычъ.

Досужевъ.

А, милый другъ Андрюша, здравствуй!

Андрей Титычъ (*кланяясь*).

Василью Митричу!

Досужевъ.

Покурить хочешь?

Андрей Титычъ.

Пожалуйте папироску! (*Досужевъ достаетъ папиросы, закуриваютъ*).

Досужевъ.

Куда, мой другъ, стремительно спѣшишь?

Андрей Титычъ.

Маменька послали къ тятенькѣ, они теперь въ судѣ по дѣлу, такъ чтобъ домой вмѣстѣ. А то, пожалуй, уѣдутъ куда съ судейскими, да и загуляютъ. А если они загуляютъ-съ, такъ ужь лучше бѣги всѣ изъ дому вонъ, потому такая война пойдетъ дня на три, что хуже французскаго раззоренія. Къ тому же нынче маменька не пускали тятеньку въ судъ, потому нынче понедѣльникъ, тяжелый день, а маменька этому очень вѣруютъ; ну, а тятенька не послушались, такъ маменька еще больше боятся.

Досужевъ.

Отчего-жъ ты пѣшкомъ? Лошадей что ли у васъ нѣтъ? Врешь ты, должно быть. Не назначилъ ли здѣсь въ саду какого свиданьишка?

Андрей Титычъ.

Нѣтъ-съ, Василій Митричъ, не до того-съ! Я вамъ скажу, просто нѣтъ никакой возможности на свѣтѣ жить,—вотъ что.

Досужевъ.

Отецъ что ли свирѣпствуетъ?

Андрей Титычъ.

Кому-жъ еще! Извѣстно, тятенька. И прежде тятенька были люты, а теперь ужь и описать нельзя. До того дошли, что никакихъ себѣ границъ не знаютъ.

Досужевъ.

Воюетъ что ли очень?

Андрей Титычъ.

Теперича въ газетахъ про черкесовъ пишутъ, что они злые хищники и бунтовщики; такъ повѣрьте душѣ моей, что ни одному черкесу того не сдѣлать, что тятенька могутъ.

Досужевъ.

Что-жъ за причина такая?

Андрей Титычъ.

Все на счетъ моей женитьбы. Помыкаютъ мной такъ, хуже чего быть не можетъ. Повезутъ меня невѣсту смотрѣть, куда имъ вздумается, и сейчасъ тамъ изъ-за приданаго или изъ чего другаго ссору заведутъ, крикъ подымутъ, такъ домой и уѣдутъ. Потомъ въ другомъ мѣстѣ то же самое. Вотъ теперь въ Таганкѣ: повѣрите ли, съ матерью невѣсты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недѣли двѣ не ѣздятъ,—потомъ опять помирятся. А ужь я, не то, чтобъ сказать что, а и дышать-то не смѣю. Невѣсты же, Василій Митричъ, вотъ ужь мы ихъ никакъ восемь смотрѣли, все мнѣ не по сердцу-съ; только что одно тѣлесное сложеніе, а больше ничего нѣтъ-съ.

Досужевъ.

Жаль, братъ, мнѣ тебя, Андрюша.

Андрей Титычъ.

И къ тому же, по моимъ чувствамъ, мнѣ теперь жениться никакъ невозможно-съ.

Досужевъ.

Отчего же?

Андрей Титычъ.

Я теперича оченно влюбленъ-съ.

Досужевъ.

Что ты?

Андрей Титычъ.

Ужь это такъ точно-съ.

Досужевъ.

Въ кого же?

Андрей Титычъ.

Ужь есть такая дѣвушка-съ.

Досужевъ.

Какъ же это тебя догадало?

Андрей Титычъ.

Да развѣ долго-съ? Одинъ разъ взглянулъ—и довольно-съ.

Досужевъ.

Ну, что-жъ, старайся, хлопочи!

Андрей Титычъ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Какъ тутъ хлопотать! Кабы я человѣкъ былъ, тогда другое дѣло; а то, что я такое? Арестантъ какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имѣю, выходу изъ дому нѣтъ.

Досужевъ.

А изъ какихъ она?

Андрей Титычъ.

То есть, вы на счетъ моего предмета?

Досужевъ.

Да, на счетъ твоего предмета.

Андрей Титычъ.

Изъ купеческихъ, только не изъ богатыхъ.

Досужевъ.

Что-жъ, ты познакомился, али одними взглядами пробавляешься?

Андрей Титычъ.

Очень хорошо знакомы, даже у насъ въ домѣ бываютъ-съ; только очень неспособно дома разговаривать-съ.

Досужевъ.

Что-жъ ты, въ любви объяснился?

Андрей Титычъ.

Да вамъ на что же-съ? Собственно только для смѣху-съ?

Досужевъ.

Ну, вотъ еще!

Андрей Титычъ.

Ужь я васъ знаю-съ. Да мнѣ что-жъ! Смѣйтесь, пожалуй! Мы свое дѣло знаемъ.

Досужевъ.

Ну, какъ же ты съ ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчикъ!

Андрей Титычъ.

А вотъ какъ-съ! Были они у насъ какъ-то съ матерью въ гостяхъ, да и засидѣлись, такъ что ужь смерклось почти. Вотъ старуха-то и говоритъ: «какъ же мы такъ поздно пойдемъ?» А маменька имъ на это: «да вотъ Андрюша васъ проводитъ». А я этому дѣлу и

радъ; сейчасъ шапку въ руки и говорю: «съ большимъ нашимъ удовольствіемъ». Вотъ пошли-съ, старуха сзади, а мы впереди-съ. Только она меня и спрашиваетъ: «вы, говоритъ, любите шибко ѣздить?» Я говорю: «это первое мое удовольствіе». «Я тоже, говоритъ, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говоритъ, знать, что человѣкъ думаетъ». «А для чего же, говорю, вамъ знать-съ?» «А для того, говоритъ, что сейчасъ можно видѣть правду человѣкъ говоритъ, или нѣтъ». «А развѣ, говорю, такъ нельзя этого замѣтить»? «Я, говоритъ, никогда не могу замѣтить, я всему вѣрю, что мнѣ говорятъ. Отчего, говоритъ, вы никогда къ намъ не зайдете?» «Оттого, говорю, что не своей волей живу». «Вонъ, говоритъ, окошко, я всегда подлѣ него сижу; вы каждый день мимо ѣздите, а никогда не взглянете; а я такъ не въ васъ, безъ того отъ окна не встану, чтобы не дождаться, какъ вы изъ городу проѣдете». Такъ меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умѣю. «Жаль мнѣ васъ, говоритъ, такой вы робкій». «Я, говорю, очень робокъ-съ». Тутъ мы подошли къ дому, остановились, старуха прошла въ калитку; а я сейчасъ оглянулся, вижу—на улицѣ никого нѣтъ, не говоря худаго слова, въ охабку ее, да и поцаловалъ-съ.

Досужевъ.

Ну, и молодецъ!

Андрей Титычъ.

Она какъ прыгнетъ въ калитку и сейчасъ ее захлопнула. Такъ мнѣ стало совѣстно, лучше бы я, кажется, на этомъ самомъ мѣстѣ сквозь землю провалился.

Досужевъ.

Вотъ хвалю! Ты всегда что ли такъ?

Андрей Титычъ.

Да что про меня, дурака, и говорить-съ! Одно слово, невѣжа въ высшей степени, обломъ, какъ есть. Полѣномъ бы меня въ тѣ поры хорошенько.

Досужевъ.

Ну, какъ же ты послѣ? Подыгрался опять, или все еще сердится?

Андрей Титычъ.

Все сердится-съ.

Досужевъ.

Ты дѣвичьему-то сердцу не очень вѣрь.

Андрей Титычъ.

Развѣ я не знаю-съ; да эта дѣвушка-то другой сортъ-съ. Всѣмъ нашимъ барышнямъ, которыя даже и въ пансіонѣ воспитывались, до нея далеко. Я, хоша и дуракъ, а вижу.

Досужевъ.

Ну, твое счастье! Что-жъ, неужели ты такъ и бросилъ свое волокитство?

Андрей Титычъ.

Эхъ, Василій Митричъ! Ужь такъ и быть, всю вамъ истинную правду разскажу. Вотъ проходитъ недѣля, мучусь я совѣстью черезъ свое невѣжество, а идти къ нимъ боюсь. Проходитъ другая, третья; да ужь и самъ не знаю, какъ-то осмѣлился: дай, думаю, пойду. Что не будетъ, то будетъ.

Досужевъ.

Разумѣется.

Андрей Титычъ.

Прихожу я къ нимъ, она одна сидитъ, работаетъ.

Взглянула на меня-съ, и вдругъ у ней въ одну минуту слезы на глазахъ-съ. Началъ я извиненія просить въ своемъ собственномъ невѣжествѣ, а она мнѣ на мои извиненія ничего не говоритъ, а твердитъ только одно: «что-жъ вы не приходили? Что-жъ вы не приходили? Значитъ, это была только шалость съ вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю ее просить-съ: «вы, говорю, только меня простите, а ужь я впередъ, говорю, никогда не осмѣлюсь». Она взглянула на меня и засмѣялась. «Въ чемъ, говоритъ, простить-то! Грѣхъ-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слезы на глазахъ. Тутъ мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василій Митричъ?

Досужевъ.

Извѣстно, что. Значитъ, она тебя любитъ. Надо съ тебя могарычъ.

Андрей Титычъ.

За этимъ дѣло не станетъ-съ. Только прихожу я домой-съ, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдругъ ко мнѣ: «Что, говоритъ, ты шляешься, какъ соврасъ безъ узды! Собирайся, говоритъ, ѣхать невѣсту смотрѣть!» Какъ тутъ жить!

Досужевъ.

Что дѣлать-то! Терпи казакъ, атаманъ будешь! Что жъ ты послалъ письмо?

Андрей Титычъ.

Послалъ-съ.

Досужевъ.

Что же ты написалъ? Ну, сдѣлай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титычъ.

Всѣ чувства свои выразилъ, какія только есть. Три

дни писалъ. И въ концѣ пишу, чтобы она мнѣ на отвѣтъ написала, гдѣ я ее могу видѣть и когда, и чтобы никого при томъ не было, и что если мнѣ будетъ въ этомъ отказъ, то я могу себя потерять черезъ это и она будетъ за меня Богу отвѣчать. Это письмо я вчера отдалъ нашей дѣвушкѣ и сейчасъ же отвѣтъ получилъ. Я васъ давеча обманулъ немного-съ. Пишетъ, что она пойдетъ въ городъ, и чтобы я сегодня утромъ былъ въ Кремлевскомъ Саду, здѣсь мы и можемъ видѣться.

Досужевъ.

Значитъ, ты въ судъ не пойдешь?

Андрей Титычъ.

Въ судъ само собой-съ. Да вѣдь еще теперь рано-съ.

Досужевъ.

Вѣдь отецъ твой самъ ничего не смыслитъ, кто же вамъ дѣла стряпаетъ?

Андрей Титычъ.

Былъ Сахаръ Сахарычъ, да его теперича за безобразіе прогнали; а теперь у насъ умнѣйшій человѣкъ: Харлампій Гаврилычъ Мудровъ.

Досужевъ.

Да, дуракъ извѣстный. Его, лѣтъ тридцать тому назадъ, изъ управы за взятки выгнали. И дѣла ничего не знаетъ: онъ только тѣ законы и помнитъ, которые при немъ были. Даромъ деньги беретъ. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сдѣлаю, и возьму дешевле.

Андрей Титычъ.

Хорошо-съ. У насъ вѣдь все больше дѣла по тятенькиному буйству-съ. Ужь вы, Василій Митричъ, меня оставьте, а то намъ будетъ совѣстно васъ.

Досужевъ.

Что дашь?

Андрей Титычъ.

Что угодно-съ.

Досужевъ.

Обѣдомъ угостишь съ шампанскимъ?

Андрей Титычъ.

Да помилуйте! Нешто объ этомъ какой разговоръ быть можетъ-съ! Вонъ они идутъ-съ.

Досужевъ.

Ну, такъ я въ гротѣ тебя подожду. *(Уходитъ въ гротъ. Входятъ: Александра Петровна Круглова и дѣвушка).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей Титычъ и Александра Петровна.

Андрей Титычъ *(кланяясь).*

Наше вамъ почтеніе-съ!

Александра Петровна.

Здраствуйте!

Андрей Титычъ.

Чему это приписать-съ?

Александра Петровна.

Что приписать?

Андрей Титычъ.

Ваше снисхожденіе-съ.

Александра Петровна.

Вы такое письмо написали, что я не могла не придти. Вы пишите, что можете себя потерять.

Андрей Титычъ.

Это такъ точно-съ.

Александра Петровна.

Что же это значитъ, что вы себя потеряете? Какъ же вы себя потеряете?

Андрей Титычъ.

Оченно просто-съ. Сдѣлать загулъ хорошiй, да такъ всю жизнь этимъ дѣломъ и заниматься-съ.

Александра Петровна.

Что это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титычъ.

Съ горя-то что нибудь сдѣлаешь надъ собой. Жизнь-то моя вамъ извѣстна. Дома все одно, что въ острогѣ, знакомства хорошаго по своему образованiю не имѣю, любить меня за мое невѣжество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женятъ на уродѣ. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-съ. Да вѣдь это я вамъ говорю кромѣ всякихъ шутокъ-съ. Вы сами изволите видѣть, у васъ примѣры на глазахъ. Можетъ быть не одна сотня нашего брата, очень хорошихъ людей, такимъ манеромъ погибла. Значитъ, и мнѣ не уйти своей судьбы, потому что я не лучше другихъ.

Александра Петровна (*тихо*).

Чѣмъ же я могу помочь вамъ?

Андрей Титычъ.

Какая помощь-съ! Никто меня изъ этого омута не вырветъ, развѣ только одна могила.

Александра Петровна (*ласково*).

Что же вамъ нужно отъ меня?

Андрей Титычъ.

Я только хотѣлъ знать на счетъ вашихъ чувствъ-съ.

Александра Петровна.

Да что же вамъ до моихъ чувствъ? Вѣдь вамъ жениться на мнѣ не позволятъ.

Андрей Титычъ.

Хоша и не позволятъ-съ, все-таки я буду знать, что хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ меня любитъ. Да при всемъ томъ ужь я тогда тятенькѣ про все скажу прямо, какъ отрѣжу, пущай хоть убьетъ. Да и маменьку заставлю, такъ и будемъ къ нему приставать; побьется, побьется, да, можетъ, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да ужь по крайности...

Александра Петровна.

Если я и выду за васъ, каково мнѣ будетъ жить въ вашей семьѣ!

Андрей Титычъ.

Нѣтъ, ужь тогда чтобы врознь-съ. Я ужь тогда буду женатый, значитъ, могу больше разговаривать. Теперь меня за человѣка не считаютъ, собственно потому, что холостой, а тогда совсѣмъ другое дѣло-съ.

Александра Петровна.

Ну, что же мнѣ вамъ сказать на это?

Андрей Титычъ.

Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь въ вашихъ рукахъ. Черезъ васъ только я и могу быть человѣкомъ; а то я чувствую самъ въ себѣ, что такихъ дѣловъ могу надѣлать, что чертямъ будетъ тошно. Со мной то́ дѣлается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-съ. Такъ вотъ кинулся бы на

народъ, да и грызъ всѣхъ зубами. А ежели въ этакомъ разѣ да запить, такъ вѣдь какихъ крамболей надѣлать можно: ума помраченіе! Теперича я скромный-съ, а ежели только начать, такъ я чувствую, что во мнѣ вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна.

Ахъ, какой вы, Андрей Титычъ! Да развѣ вы не видите, что я васъ давно люблю!

Андрей Титычъ.

Ежели это такъ точно, какъ вы говорите, значитъ, счастливѣе меня человѣка нѣтъ. Я такъ о себѣ понимаю.

Александра Петровна.

Ну, и слава Богу! Я и очень рада.

Андрей Титычъ.

Теперь ужь я вашъ по гробъ жизни...

Александра Петровна.

Не хорошо здѣсь разговаривать-то: народу очень много; а вы лучше приходите ужо къ намъ.

Андрей Титычъ.

Коли урвусь, такъ непремѣнно-съ.

Александра Петровна.

Ну, прощайте! *(Шопотомъ)* Миленькій мой!

Андрей Титычъ.

Эхъ! Надо бы ручку поцаловать-съ, да народъ.

Александра Петровна.

Теперь ужь ручку! Испугался!

Андрей Титычъ.

Школить надо нашего брата, такъ мы будемъ обращеніе понимать; а мало- мальски слободно пустить, такъ вѣдь для насъ границъ нѣтъ. До пріятнаго свиданія-съ. *(Александра Петровна и дѣвушка уходятъ. Досужевъ выходитъ изъ грота).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Андрей Титычъ и Досужевъ.

Досужевъ.

Ну, что, приладилъ дѣло?

Андрей Титычъ.

Приладилъ-съ. Теперича какое прикажите угощеніе, всякое можемъ. Я полагаю, намъ къ Гурину идти-съ. Теперича я такъ радъ, что меня даже опасно одного оставлять-съ, какъ бы я отъ радости какого нибудь колѣна не выкинулъ!

Досужевъ.

А ты порядку не теряй! Держи себя въ струнѣ!

Андрей Титычъ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Васъ, можетъ быть, женщины любили, такъ для васъ это ничего; а вѣдь меня въ первый разъ въ жизни-съ. Пожалуйте къ Гурину-съ! *(Уходятъ).*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, богатый купецъ.
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.
АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ, сынъ ихъ.
ХАРЛАМПІЙ ГАВРИЛЫЧЪ МУДРОВЪ, стряпчій, пожилой человѣкъ, очень важнаго вида. Качаетъ головой и грустно улыбается.
НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА КРУГЛОВА, купчиха.
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА, ея дочь.
ЛУША, горничная дѣвушка.

Гостиная въ домѣ Брусковыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Луша и Наталья Никаноровна Круглова (*входятъ*).

Луша.

Вы изъ саду, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна.

Изъ саду.

Луша.

Сама-то идетъ тоже?

Наталья Никаноровна.

Да, сейчасъ за мной.

Луша.

Такъ надо велѣть самоваръ ставить.

Наталья Никаноровна.

Она ужъ приказала. Что это, дѣвушка, ваши хозяева-то какіе скучные, какая тоска съ ними?

Луша.

Ужь и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи Господи!

Наталья Никаноровна.

Дивибъ денегъ не было, а то съ такими-то деньгами, да все думаютъ о чемъ-то, да сокрушаются. Мы съ дочкой люди небогатые, а не въ примѣръ веселѣе вашего живемъ. А будь-ко у меня деньги...

Луша.

Ужь какая у васъ дочка красавица! Вотъ бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна.

Чтожъ мнѣ, набиваться что ли, коли не хотятъ? Какъ же, была оказія! Да она къ вашей жизни и не привыкнетъ: у насъ каждый день веселье, а здѣсь точно хоронятъ кого. Я и постарше ея, да, кажется, съ тоски бы пропала. Мы живемъ не по вашему: у насъ, что ни день, либо мы въ гостяхъ, либо у насъ гости, а то такъ за городъ. Я такъ разсуждаю, милая: ученье наше было на мѣдныя деньги; какъ образованные люди живутъ, мы жить не можемъ; а денегъ-то на нашъ вѣкъ хватитъ; по крайности, мы хоть весело поживемъ.

Луша.

Пойти, чай готовить! Никакъ сама идетъ. *(Уходитъ. Входятъ: Мудровъ и Настасья Панкратьевна).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Мудровъ, Настасья Панкратьевна и Наталья Никаноровна.

Настасья Панкратьевна.

Что это Китъ Китычъ не ѣдетъ! У меня сердце не на мѣстѣ. Присядьте, любезные гости!

Мудровъ.

Присядемъ-съ, присядемъ-съ. Отчего не присѣсть. Ох-ох-охъ! Грѣхи наши тяжкіе! *(Садятся).*

Настасья Панкратьевна.

Тяжкіе, батюшка, тяжкіе! *(Натальѣ Никаноровнѣ)*: Да гдѣ-жъ дочка-то ваша?

Наталья Никаноровна.

Да, чай, въ саду гуляетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, пущай гуляетъ.

Наталья Никаноровна.

Что ей съ нами-то дѣлать! Что мы ей за компанія! Разговоры наши слушать скучно.

Настасья Панкратьевна.

Скучно, матушка, скучно. Ужь посидите вы у меня, Бога ради, подождемте вмѣстѣ Китъ Китыча. Все какъ-то при людяхъ лучше, а то одной-то мнѣ страшно. *(Молчаніе).* Такъ вотъ, Урлапій Гаврилычъ, я и говорю...

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Да, Харлапій Гаврилычъ! Такъ вотъ я и говорю: тяжело на свѣтѣ-то жить! Ужь какъ тяжело!

Мудровъ.

Да, не легко-съ, не легко-съ.

Настасья Панкратьевна.

Особенно кому съ большими деньгами.

Наталья Никаноровна.

Ну, еще съ деньгами-то стерпѣть можно, вотъ безъ денегъ такъ плохо.

Настасья Панкратьевна.

Какъ это можно! Какое сравненіе! Безъ денегъ не въ примѣръ легче жить. Безъ денегъ-то какая забота! Только бъ былъ сытъ, вотъ и все.

Наталья Никаноровна.

А съ деньгами-то что? Только что причудъ больше.

Настасья Панкратьевна.

Какъ это вы говорите! Да деньги-то что такое? Вѣдь деньги-то—кандалы!

Мудровъ.

Охъ, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна.

Ежели теперь у насъ очень много денегъ, значитъ, мы должны жить точно такъ, какъ другіе прочіе богатые люди живутъ; а то насъ всякой осудить можетъ. Значитъ, ужь я никакого удовольствія съ деньгами не могу себѣ имѣть, а должна только смотрѣть даже до всякой малости, какъ у другихъ, чтобы все такъ точно и сама потрафлять. А не сдѣлай я такъ точно, такъ вѣдь меня

засмѣютъ. А какъ это тяжело, особенно въ лѣтахъ! Ну ихъ, эти деньги проклятыя! Я и глядѣть-то на нихъ боюсь. Мнѣ одинъ странникъ сказывалъ, что ежели часто смотрѣть на нихъ, такъ отъ этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна.

Безъ денегъ-то скорѣй ожесточится.

Настасья Панкратьевна.

Ужь вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Ужь странникъ знаетъ, что говоритъ. Значитъ, онъ въ какихъ нибудь книгахъ читалъ. Урлапій Гаврилычъ...

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Ужь извините, батюшка: все сбиваюсь. Языкъ-то одинъ, приболтается. Скажите, Харлапій Гаврилычъ, есть такія книги?

Мудровъ.

Книги? (*Вздыхаетъ*). Книги-съ? Книги всякія есть-съ.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ бы почитать когда!

Мудровъ.

Книги всякія есть-съ, да не всякія читать нужно.

Настасья Панкратьевна.

Какихъ же это книгъ читать не нужно?

Мудровъ.

Свѣтскихъ-съ. Свѣтскихъ книгъ нетвердымъ умамъ читать нельзя-съ.

Настасья Панкратьевна.

Какія же такія свѣтскія книги? Это что гражданскими словами написано?

Мудровъ.

Не въ томъ сила, сударыня; а надо знать, какой духъ въ книгѣ.

Настасья Панкратьевна.

А какъ ее узнаешь, какой въ ней духъ?

Мудровъ.

Я знаю-съ. Другой не знаетъ, а я знаю, какой духъ. Вотъ поэтому-то нетвердымъ умамъ и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а самъ не вѣрю тому, что написано; какіе бы мнѣ документы ни приводили, я не вѣрю; хоть будь тамъ написано, что дважды два — четыре, я не вѣрю, потому что я твердъ умомъ.

Настасья Панкратьевна.

Зачѣмъ же пишутъ такія книги, которыя читать нельзя?

Мудровъ.

Отъ заблужденія; совратились.

Настасья Панкратьевна.

Совратились, батюшка, совратились.

Мудровъ.

Вотъ хоть нынѣшніе, такъ называемые, романы! Не то что молодаго человѣка, но даже и старца многолѣтняго могутъ въ соблазнъ ввести.

Наталья Никаноровна.

Какой тамъ соблазнъ: просто сказки. Есть веселыя, есть скучныя.

Мудровъ.

Какой соблазнъ-съ? А вотъ какой соблазнъ: въ этихъ сказкахъ любовь человѣческая изображается для взоровъ въ привлекательномъ видѣ.

Наталья Никаноровна.

Ну, такъ что-жъ за бѣда?

Настасья Панкратьевна.

Ужь намъ этихъ книгъ не читать. Вотъ хорошихъ-то бы книгъ почитала. Только вотъ... какъ васъ, батюшка?

Мудровъ.

Харлампій Гаврилычъ.

Настасья Панкратьевна.

Только вотъ, Харлапій Гаврилычъ, въ хорошихъ-то книгахъ очень не хорошо про богатство пишутъ.

Мудровъ.

Да, не одобряютъ-съ, очень не одобряютъ-съ.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ оно и страшно такія книги-то читать.

Наталья Никаноровна.

Да лучше не читать никакихъ, меньше думается.

Настасья Панкратьевна.

Отъ думы-то вѣдь тоже вредъ человѣку.

Мудровъ.

Дума разная бываетъ-съ, разная.

Настасья Панкратьевна.

Да какая хочешь дума, все человѣкъ худѣетъ отъ нея; ужъ на немъ того тѣла нѣтъ. Вотъ я еще мудреныхъ словъ боюсь.

Мудровъ.

Да, есть слова, есть-съ. Въ нихъ, сударыня, таинственный смыселъ сокрытъ, и сокрытъ такъ глубоко, что слабому уму-съ...

Настасья Панкратьевна.

Вотъ этихъ-то словъ я, должно быть, и боюсь. Богъ его знаетъ, что оно значитъ, а слушать-то страшно.

Мудровъ.

Вотъ, напримѣръ-съ...

Настасья Панкратьевна.

Охъ, ужь не говорите лучше! право, я всегда себя послѣ какъ-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна.

Нѣтъ, что-жъ, пускай говоритъ; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна.

Развѣ ужь одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудровъ.

Вотъ, напримѣръ, металлъ! Что-съ? Каково слово! Сколько въ немъ смысловъ! Говорятъ: «презрѣнный металлъ!» Это одно значитъ; потомъ говорятъ: «металлъ звенящій.—Глаголъ временъ, металла звонъ». Это значитъ, сударыня, каждая секунда приближаетъ насъ ко гробу. И колоколъ тоже металлъ. А то есть еще благородные металлы...

Настасья Панкратьевна.

Ну, будетъ, батюшка, будетъ. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я вашихъ словъ не могу; мнѣ цѣлый день и будетъ представляться.

Мудровъ.

Вотъ тоже я недавно въ одномъ сочиненiи читалъ, хотя и свѣтскаго писателя, но достойнаго уваженія. Обаче, говоритъ...

Настасья Панкратьевна.

Оставьте, я васъ прошу. Ужъ я такая робкая, право, ни на что непохоже. Вотъ тоже, какъ услышу я слово: «жупелъ», такъ руки-ноги и затрясутся.

Мудровъ.

Да, есть словечки, есть-съ. Вотъ тоже...

Настасья Панкратьевна.

Батюшка, оставьте! Убѣдительно я васъ прошу. Конечно, всѣ мы смертны; развѣ кто споритъ! Ну, тамъ ужъ послѣ будь, что будетъ. Чтожъ теперь заживо-то такія страсти слушать.

Наталья Никаноровна.

И въ самомъ дѣлѣ, что за разговоръ завели!

Настасья Панкратьевна.

Давно я сбираюсь, хочется мнѣ объ жизни поговорить съ какимъ нибудь умнымъ человѣкомъ.

Наталья Никаноровна.

А что такое объ жизни-то?

Настасья Панкратьевна.

Да какъ жить на свѣтѣ?

Наталья Никаноровна.

И жить такъ, какъ жили. Слава Богу, лѣтъ до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

Настасья Панкратьевна.

Да развѣ мы такъ живемъ, какъ человѣку указано! Вотъ такъ бы жить, чтобы все исполнять.

*

Наталья Никоноровна.

Ужъ я не знаю, что еще исполнять.

Мудровъ.

Много нужно, сударыня, охъ, какъ много!

Настасья Панкратьевна.

Возьмемъ хоть то: знаемъ ли мы, въ какіе дни что нужно дѣлать?

Наталья Никоноровна.

Что тутъ знать-то! Какое дѣло есть, то и дѣлай!

Настасья Панкратьевна.

Ну нѣтъ, матушка! Кто поумнѣй-то насъ, какое нибудь у него необходимое дѣло, а въ понедѣльникъ не начнетъ. А мы не исполняемъ.

Наталья Никоноровна.

Вздоръ, я думаю.

Настасья Панкратьевна.

Какой вздоръ! Кабы не было примѣровъ; а то примѣры были. Какъ вы скажете, Урла...

Мудровъ.

Харлампій.

Настасья Панкратьевна.

Да, Харлапій Гаврилычъ. Какъ вы скажете?

Мудровъ.

На это, сударыня, принужденія нѣтъ. Всякому отдано на волю: кто не вѣритъ, не вѣрь; а кто вѣритъ, и тому благо.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ Китъ Китыча не уговоришь никакъ. А ужь сколько я разъ замѣчала, какъ онъ въ понедѣльникъ за

какимъ важнымъ дѣломъ выѣдетъ изъ дому, такъ либо пьяный пріѣдетъ, либо безобразіе какое ужь непремѣнно сдѣлаетъ.

Наталья Никаноровна.

Чай, вѣдь и въ другіе дни тоже?

Настасья Панкратьевна.

Все какъ-то порѣже. Вотъ теперь важное дѣло въ судѣ, а онъ поѣхалъ сегодня, не разбираетъ того, что ныньче понедѣльникъ.

Мудровъ.

Да вѣдь сегодня срокъ, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Да чтожъ такое, что срокъ! Дѣло-то не медвѣдь: въ лѣсъ не уйдетъ. Къ чему торопиться-то? Въ судѣ-то тоже не басурманы сидятъ, а не хотятъ того понять, каково мнѣ дома-то сидѣть, дожидаться-то его! Ужь я къ нему Андрюшу послала, чтобы сейчасъ же его и тащилъ домой.

Наталья Никаноровна.

Вы ужь Андрюшу-то своего загоняли совсѣмъ.

Настасья Панкратьевна.

Да развѣ я, все отецъ. Сраму-то что дѣлаетъ! По всей Москвѣ возитъ невѣстъ смотрѣть. Нигдѣ на него не угодятъ.

Наталья Никаноровна.

Дали бы вы Андрюшѣ дѣло какое, да и оставили бъ въ покоѣ, пусть себѣ занимается.

Настасья Панкратьевна.

Китъ Китычъ и хотѣлъ было, да опять передумалъ: прежде, говоритъ, женить надо.

Наталья Никаноровна.

Вотъ вы умный человѣкъ считаетесь, Харлампій Гаврилычъ, вы бы и поговорили Титъ Титычу.

Настасья Панкратьевна.

И въ самомъ дѣлѣ поговорили бы; а то, что онъ надъ сыномъ-то издѣвается. Вы теперь Китъ Китычу первый другъ; можетъ, онъ васъ и послушаетъ.

Мудровъ.

Вотъ еще! Нужно мнѣ очень! Да хоть онъ съѣшь сына живаго, мнѣ все равно. Я даю совѣты, сударыня, по дѣламъ юридическимъ, и то не даромъ, а получаю за то вознагражденіе.

Наталья Никаноровна.

За кляузныя дѣла. То-то, видно, вы умны-то только съ нами разговаривать. *(Входитъ Александра Петровна).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Александра Петровна.

Александра Петровна.

Кто-то подъѣхалъ къ воротамъ. *(Смотритъ въ окно).*

Настасья Панкратьевна.

Ахъ, батюшки! Побѣжать встрѣтить.

Александра Петровна.

Одинъ Андрей Титычъ, на извощикѣ, съ нимъ нѣтъ никого.

Настасья Панкратьевна.

Чтожъ это такое значитъ? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна.

А вотъ, войдетъ—разскажетъ.

Настасья Панкратьевна.

Батюшки! Ну, какъ грѣхъ какой, сохрани Господи! Ужъ живъ ли Китъ Китычъ-то!

Наталья Никаноровна.

Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Титъ Титычъ послалъ его впередъ: вотъ и все. *(Андрей Титычъ входитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ (*раскланиваясь*).

Маменька, бѣда!

Настасья Панкратьевна.

Живъ ли, живъ ли, ты мнѣ скажи!

Андрей Титычъ.

Да тятенька ничего, слава Богу-съ.

Настасья Панкратьевна.

Загулялъ?

Андрей Титычъ.

Загуляли-съ. И такихъ дѣловъ надѣлали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна.

Да ужъ говори, что тамъ такое!

Андрей Титычъ.

Тятенька барина прибили-съ.

Настасья Панкратьевна.

Какого барина?

Андрей Титычъ.

Не знаю-съ, только баринъ настоящій.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ онъ понедѣльникъ-то! Даромъ не прошелъ! Говорила вѣдь я ему, говорила!

Мудровъ (*надѣвая очки*).

Потрудитесь, молодой человѣкъ, изложить намъ подробно обстоятельства дѣла.

Андрей Титычъ.

Вотъ-съ прихожу я въ садъ, а у нихъ ужь дѣло кончено. Тятенька отобрали изъ судейскихъ человѣкъ шесть и повели ихъ въ трактиръ обѣдомъ подчивать-съ. Пообѣдали честь честью-съ, выпили они, сколько имъ слѣдуетъ; потомъ наняли судейскимъ извощиковъ, а я съ тятенькой на своихъ и поѣхали въ Марьину рощу-съ. Все бы это ничего-съ; только тятенька въ Марьиной рощѣ встрѣтили знакомую компанію-съ; человѣка четыре подрядчиковъ: какіе-то могарычи запиваютъ-съ. Тутъ ужь и пошло-съ! Шенпанскаго сразу ящикъ потребовали; цыганокъ пѣть заставили.

Настасья Панкратьевна

Все это въ порядкѣ, дѣло очень обыкновенное.

Андрей Титычъ.

Да и все хорошо было-съ, и тятенька были очень веселы; только ужь конечно понять разговору было нельзя, потому всѣ вмѣстѣ вдругъ говорили. И догадало жъ кого-то изъ судейскихъ качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали—качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна.

Больно ушибли-то?

Андрей Титычъ.

Ушибить-то, не ушибли, только ужь очень тятенька въ сердце вошелъ. Обозвали всѣхъ, какъ нельзя хуже... А тутъ, еще прежде, какой-то баринъ все вертѣлся, съ разговорами приставалъ ко всѣмъ, вино наше пилъ; ужь очень ему хотѣлось въ компанію втереться. Ужь его не одинъ разъ мы и гоняли отъ себя, а онъ все лѣзетъ. Да подъ сердитую-то руку и наскочилъ на тятеньку; а тятенька, ужь извѣстно, много разговаривать не станутъ: должно быть, его раза два и ударили.

Мудровъ.

Ну, а онъ сейчасъ свидѣтелей?

Андрей Титычъ.

Такъ точно-съ. Судиться хочетъ съ тятенькой.

Настасья Панкратьевна.

Чтожъ моему будетъ за это? Вы, батюшка, дѣла-то знаете.

Мудровъ *(снимаетъ очки)*.

Какъ дѣло пойдетъ, сударыня. Коли на мировую, такъ деньгами только отдѣлается.

Настасья Панкратьевна.

А какъ цѣна-то, батюшка, за это?

Мудровъ.

Разная, сударыня; глядя по человѣку.

Настасья Панкратьевна.

Ужь вы похлопочите!

Мудровъ.

Да было бы изъ чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухомъ питаемся. Можетъ быть, и дѣло-то

грошовое; на пятидесяти рубляхъ сойдутся. Не велика мнѣ корысть.

Андрей Титычъ.

Ну, нѣтъ, пятидесяти рублей баринъ не возьметъ-съ.

Мудровъ.

Развѣ ужь былъ разговоръ?

Андрей Титычъ.

Былъ-съ.

Мудровъ.

Много ли же онъ проситъ?

Андрей Титычъ.

Триста тысячъ.

Настасья Панкратьевна.

Батюшки! Да гдѣ же вдругъ этакихъ денегъ взять!

Мудровъ *(встаетъ)*.

Триста тысячъ? Ну, вотъ это дѣло хорошее.

Настасья Панкратьевна.

Что-жъ тутъ хорошаго?

Мудровъ.

Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дѣла дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна.

Да вамъ-то что тутъ интереснаго?

Мудровъ.

Большія деньги возьму, сударыня, большія деньги.

Настасья Панкратьевна.

Съ кого же это? Съ Китъ Китыча?

Мудровъ.

Да, сударыня, съ Титъ Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

Настасья Панкратьевна.

И вамъ это не совѣстно, Урлапъ Гаврилычъ?

Мудровъ.

Харлампій, сударыня.

Настасья Панкратьевна.

Ну, все равно.

Мудровъ.

Вотъ еще! Чего тутъ совѣститься, сударыня? Мы тѣмъ живемъ. Да я дуракъ буду, если съ него мало возьму. Онъ самъ послѣ смѣяться станетъ. Такія-то дѣла у насъ не каждый день. Всякій отъ своихъ трудовъ питается.

Настасья Панкратьевна.

А еще другъ называешься!

Мудровъ (*ходитъ въ волненіи*).

Да меня надо бить палкой, если я съ него мало возьму. Съ кого-жъ и взять!

Настасья Панкратьевна.

Такъ и грабить!

Мудровъ.

Не грабить, а самъ отдастъ. Своими руками вынетъ изъ кармана и отдастъ. Мнѣ самому его жаль, да чтожъ дѣлать, сударыня. Не попадайся! А попался, такъ платись. Наше дѣло все равно, что игра: тутъ жалости нѣтъ; можно рубашку снять, такъ снимемъ.

Настасья Панкратьевна.

Этакъ мы и другаго стряпчаго найдемъ.

Мудровъ.

Ищите, сударыня: ваша воля. Про меня говорятъ, что во мнѣ человѣчества мало, а въ другихъ еще меньше.

Настасья Панкратьевна *(сыну)*.

Ты чтожъ пріѣхалъ одинъ, не подождалъ отца-то?

Андрей Титычъ.

Тятенька меня прогнали-съ. Они и сами, я думаю, сейчасъ будутъ; потому что вся компанія разошлась. *(Луша входитъ)*.

Луша.

Чай готовъ-съ.

Настасья Панкратьевна.

Пожалуйте!

Наталья Никаноровна.

Да ужь намъ бы пора.

Настасья Панкратьевна.

По чашечкѣ выкушаете и пойдете, а безъ чаю не пущу. *(Уходятъ: Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудровъ и Луша)*.

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Андрей Титычъ.

Александра Петровна-съ!

Александра Петровна *(подходитъ къ нему)*.

Что?

Андрей Титычъ.

Наше дѣло въ ходъ пошло.

Александра Петровна.

Неужели?

Андрей Титычъ.

Сейчасъ умереть. Только бы вотъ эта исторія не помѣшала.

Александра Петровна.

Какъ же это случилось?

Андрей Титычъ.

Ужь и самъ я не знаю, какъ я такую смѣлость взялъ на себя. Поѣхали мы съ тятенькой изъ трактиру, вижу, онъ веселъ, я ему и говорю: «что-жъ это за несчастіе мое, что невѣстъ подходящихъ нѣтъ для меня». «Вотъ поди жъ ты!» говоритъ. «Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищемъ? Намъ бы гдѣ поближе, кругомъ себя поискать, нѣтъ ли на нашу руку!» Онъ, какъ взглянетъ на меня, да какъ крикнетъ: «ты, говоритъ, мошенникъ, должно быть ужь высмотрѣлъ? Сказывай сейчасъ: высмотрѣлъ?» Я думаю: что робѣй, то хуже. «Высмотрѣлъ», говорю. «Сейчасъ, говоритъ, сказывай: какая такая?» «Александра Петровна Круглова», говорю.

Александра Петровна.

Неужели?

Андрей Титычъ.

Провалиться на этомъ мѣстѣ! «Да у нихъ, говоритъ, денегъ немного». «Немного», говорю. «А тебѣ, говоритъ, больно много нужно! Молчи, говоритъ, не смѣй разговаривать! А она пойдетъ за тебя?» «Отчего, говорю, не пойти». «Ну, говоритъ, и шабашъ, и чтобъ скорѣе! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говоритъ, я дамъ. Мнѣ, говоритъ, нынче много въ судѣ отсудили; я ихъ ужь давно пропащими считалъ, значитъ, все равно, что на улицѣ нашелъ. Вотъ вамъ на раззаводъ».

Александра Петровна.

Ну, вотъ, значитъ, мы и закутимъ.

Андрей Титычъ.

Страсти, что надѣлаемъ! Началъ потомъ онъ мнѣ наставленія читать. «Кабы, говоритъ, не отцы да не матери, чтобъ вы на свѣтѣ были? Вотъ не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потомъ станешь воровать; а намъ съ матерью сокрушеніе сердечное, потому мы за тебя должны Богу отвѣтъ дать». *(Обнимаетъ Александру Петровну).*

Александра Петровна *(отходитъ).*

Андрей Титычъ, вы опять!

Андрей Титычъ.

Да вѣдь ужь теперь мы почти что свои.

Александра Петровна.

Ну, еще когда будемъ. *(Подходитъ къ нему).*

Андрей Титычъ.

«Что, говоритъ, ты по Москвѣ-то собакъ гоняешь! Бѣгаешь ты, какъ соврасъ безъ узды!» *(Обнимаетъ и цѣлуетъ).*

Александра Петровна *(съ неудовольствіемъ).*

Андрюша!

Андрей Титычъ.

Какой же я, говорю, соврасъ? «А ты, говоритъ, молчи; это тебѣ, дураку, на пользу». *(Опять обнимаетъ).*

Александра Петровна *(съ сердцемъ).*

Андрюшка!

Наталья Никаноровна *(за сценой).*

Саша!

Александра Петровна.

Вонъ, слышишь? Что!

Андрей Титычъ.

Ну, чтожъ такое!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*.

Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна.

Я, маменька, не хочу. (*Подходитъ къ Андрею Титычу*). Какой ты! Ну, какъ кто войдетъ!

Андрей Титычъ.

Да, вѣдь я, Сашенька, смотрю въ дверь-то. Неужто жъ я...

Александра Петровна *(подвигаясь къ нему)*.

Ну?

Андрей Титычъ.

Ну, и все. *(Цѣлуетъ ее)*.

Александра Петровна.

Когда ты женишься, чтобъ лошади были у насъ хорошія.

Андрей Титычъ.

Еще бы! Само собою. (*Обнимаетъ ее*).

Александра Петровна.

Знаешь, что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри въ дверь-то!

Андрей Титычъ.

Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна.

Какъ красиво выѣхать на хорошей-то лошади въ соболяхъ! Сошью себѣ шубу бархатную.

Андрей Титычъ.

Малиновую.

Александра Петровна.

Малиновую? Эхъ ты! Вотъ вкусъ!

Андрей Титычъ.

Да какую хочешь, нешто мнѣ не все равно.

Александра Петровна.

Черную.

Наталья Никаноровна *(за сценой).*

Саша!

Александра Петровна *(взглянувъ въ дверь).*

Кажется, маменька-то домой сбирается. Такъ и есть.

Андрей Титычъ *(взглянувъ въ окно).*

Да и тятенька пріѣхалъ.

Александра Петровна.

Ну, прощай!

Андрей Титычъ.

Прощай! (*Цѣлуются*). Не сегодня, такъ завтра непремѣнно забѣгу. *(Александра Петровна уходитъ, Андрей Титычъ одергивается, дѣлаетъ скромную физіономію и становится у двери. Входятъ: Титъ Титычъ, Мудровъ и Настасья Панкратьевна).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Титъ Титычъ, Мудровъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ *(садится. Молчаніе).*

Слышали?

Мудровъ.

Слышали, братъ, слышали. (*Молчаніе*).

Титъ Титычъ.

Куда меня рѣшатъ? (*Молчаніе*). Эй, ты, ябеда! Что-жъ ты молчишь? Съ тобой говорятъ, аль нѣтъ! Говори, не испугаюсь. По дѣломъ мнѣ, окаянному! (*Молчаніе*). Что ты молчишь, что глаза-то вытаращилъ?

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

А ты хлопочи! Ты отъ меня пользуешься, ты и долженъ... стараться.

Мудровъ.

Много ты денегъ заплатишь!

Титъ Титычъ.

Не твое дѣло! Ты, знай, пиши кляузы! Вотъ и все.

Мудровъ.

Нѣтъ ужь теперь намъ съ тобой кляузъ не писать; а на насъ писать будутъ.

Титъ Титычъ.

А ты имъ на отвѣтъ строчи.

Мудровъ.

Что?

Титъ Титычъ.

Пиши, что будто я... въ изступленіи ума.

Мудровъ.

Въ изступленіи ума? Ну, на цѣпь.

Титъ Титычъ.

Какъ такъ на цѣпь?

Мудровъ.

Такъ, на цѣпь. Для предупрежденія, чтобъ ты кого до смерти не убилъ.

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, этого не надо. Ты пиши, что я... въ здравомъ разсудкѣ.

Мудровъ.

А въ здравомъ разсудкѣ, такъ въ смирительный домъ.

Титъ Титычъ.

Ну, такъ дѣлай что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудровъ.

Одно дѣло теперь—скрываться.

Титъ Титычъ.

Скрываться?

Мудровъ.

Во всякомъ дѣлѣ это первое. Ты разсуди умомъ: если за тобой звѣрь лютый или сильный врагъ погонится, вѣдь ты скрываешься?

Титъ Титычъ.

Скрываюсь.

Мудровъ.

Ну, такъ и это. Долженъ ли ты много, бѣду ли какую сдѣлалъ, значитъ, тебя ищутъ, преслѣдуютъ. Неужели ты такъ прямо и пойдешь: вотъ дескать я, берите меня. Твоя натура заставляетъ тебя скрываться, законъ самосохраненія.

Титъ Титычъ.

Развѣ есть такой законъ?

Титъ Титычъ.

Есть... Вотъ ты и ѣдешь, напримѣръ, въ Подольскъ, а изъ Подольска въ Москву, а изъ Москвы въ Звенигородъ, а изъ Звенигорода опять въ Москву. Пишутъ объ тебѣ въ подольскую полицію, — она отвѣчаетъ, что выѣхалъ въ Звенигородъ. Такъ ты и ѣзди, сколько хочешь. Надоѣстъ тебя искать-то.

Титъ Титычъ.

Это вѣрно, точно, что надоѣстъ.

Мудровъ.

А тутъ родственники со стороны сдѣлочку предложатъ, и на мировую; такъ дѣло-то пустяками и кончится.

Титъ Титычъ.

Это точно. Куда жъ теперь мнѣ скрываться?

Мудровъ.

Ступай, ложись въ тарантасъ; вели лошадей заложить, да и поѣзжай въ Косино, изъ Косина на Угрѣшу, потомъ въ Берлюки. Какъ Москвой поѣдешь, такъ вели себя закрыть.

Титъ Титычъ.

И ужь не выглядывать?

Мудровъ.

Ужь не выглядывай! А мы здѣсь за тебя отписываться станемъ.

Титъ Титычъ.

Только ты, смотри, пиши хорошенько.

Мудровъ.

Да денегъ мнѣ на расходы оставь!

Титъ Титычъ.

Ишь ты, крапивное сѣмя! А много тебѣ денегъ?

Мудровъ.

Тысячъ пять.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ!

Мудровъ.

Вѣдь съ тебя триста просятъ.

Титъ Титычъ.

Гоните его, говорю я вамъ. Пошелъ вонъ! Я и без тебя помирюсь.

Мудровъ.

Ну, ужь это шалишь! Ты будешь драться, да потомъ самъ мириться; а я ни при чемъ, я своихъ доходовъ долженъ лишиться! Нѣтъ, братъ! Я не дамъ помириться, я разобью.

Титъ Титычъ.

Гоните его вонъ сейчасъ!

Мудровъ.

Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, такъ десять заплатишь. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна и Андрей Титычъ.

Титъ Титычъ.

Вотъ до чего я дожилъ. Видите вы это? Вотъ вы и казнитесь! Вотъ, глядите на меня, и казнитесь! А все черезъ кого! Черезъ васъ. Вотъ выростилъ сына,—еще жениться хочешь, дуракъ!—а какая мнѣ отъ него теперь помощь?

Андрей Титычъ.

Вы сами, тятенька, желали, чтобъ я женился на Александрѣ Петровнѣ.

Титъ Титычъ.

Ты разговаривать! Ты разговаривать сталъ! Ты и дышать не смѣй! А то я такую женитьбу задамъ. Этакое несчастіе въ домѣ, а ты жениться! Мы, можетъ быть, нищіе будемъ, а ты жениться! Вотъ дыхни еще разъ!

Настасья Панкратьевна.

Что ты, что ты, Андрюша! Этакое въ домѣ несчастіе, а ты жениться!

Андрей Титычъ.

Маменька, молчите! Богъ съ вами, тятенька! Вы меня на вѣкъ несчастнымъ хотите сдѣлать, такъ вы за это Богу отвѣтите. Что я вамъ, на мытарство что ли достался? чтожъ мнѣ, на Каменный мостъ бѣжать? Руки на себя наложить, что ли? А я вамъ сынъ всегда былъ и есть такой, какъ должно-съ. Это я вамъ на дѣлѣ докажу. А вамъ достану человѣка, который васъ изъ бѣды выручитъ. А если не онъ, такъ никто. А за мои слезы вамъ Богъ заплатитъ. *(Убѣгаетъ. Луша входитъ).*

Титъ Титычъ.

Держите его! Какъ онъ можетъ! Вотъ вернись ты только! Ведите меня въ тарантасъ. *(Настасья Панкратьевна и Луша берутъ его за руки и ведутъ).* Настасья! Коли кто съ краснымъ воротникомъ, такъ сейчасъ ему говорите, что уѣхалъ изъ Москвы. *(Уходитъ).*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.
АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.
ДОСУЖЕВЪ.
ПЕРЦОВЪ.
ЛУША.
НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ мундирномъ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, на фуражкѣ кокарда, въ рукѣ свертокъ бумагъ.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Настасья Панкратьевна и Луша *(у окна)*.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ страсти-то! Вотъ и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Луша.

Ахъ матушка, Настасья Панкратьевна, вѣдь идетъ!

Настасья Панкратьевна

Кто идетъ?

Луша.

Да буточникъ, матушка!

Настасья Панкратьевна.

Охъ, грѣхъ! Ужь не за Китъ ли Китычемъ? Бѣги, скажи, что дома нѣтъ.

Луша.

Нѣтъ, не къ намъ: на ту сторону перешелъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, слава Богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Луша.

Андрей Титычъ съ какимъ-то бариномъ.

Настасья Панкратьевна.

Отопри поди, да опять запри на запоръ. *(Луша уходитъ)*. Вотъ не ждали—нечаяли, какая бѣда случилась. Теперь всякаго человѣка, который по улицѣ идетъ, бойся. А ужь про полицію и говорить нечего! Сохрани Господи, квартальный покажется, да я тутъ же, кажется, на мѣстѣ умру. Все мнѣ вотъ такъ въ глазахъ и представляется: придутъ вдругъ неизвѣстные люди, покажутъ бумагу, возьмутъ Китъ Китыча,—только я его и видѣла! *(Смотритъ въ окно)*. Вонъ онъ, голубчикъ мой, въ тарантасѣ сидитъ одинъ, точно сирота какая! *(Входятъ: Андрей Титычъ и Досужевъ)*.

ЯВЛЕНІЕ II.

Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Досужевъ.

Андрей Титычъ.

Гдѣ тятенька?

Настасья Панкратьевна.

При нихъ-то можно говорить?

Досужевъ.

Сдѣлайте одолженіе, не конфузьтесь!

Настасья Панкратьевна.

Вонъ онъ, мой батюшка, сидитъ въ тарантасѣ одинъ одинёхонекъ.

Досужевъ.

Зачѣмъ его туда занесло?

Настасья Панкратьевна.

Скрывается, батюшка. Урлапъ Гаврилычъ приказалъ; стряпчій такой есть, Мудровъ; знаете?

Досужевъ.

Онъ-то его и посадилъ?

Настасья Панкратьевна.

Онъ, батюшка. А развѣ отъ этого пользы не будетъ?

Досужевъ.

Пускай сидитъ, коли ему нравится.

Андрей Титычъ.

Что, маменька, баринъ еще не былъ?

Настасья Панкратьевна.

Нѣтъ еще, Андрюша. Вотъ всѣ въ страхѣ ходимъ, все ждемъ. Это ты по тятенькиному дѣлу что ли привелъ?

Андрей Титычъ.

Да, маменька!

Настасья Панкратьевна.

Какъ ихъ звать-то?

Андрей Титычъ.

Василій Митричъ.

Настасья Панкратьевна.

Похлопочи, Василій Митричъ! Если ты намъ наше

дѣло хорошо сдѣлаешь, я ужь и не знаю что! Я тебя въ поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужевъ.

Холостой.

Настасья Панкратьевна.

Я тебѣ невѣсту найду хорошую; богатую высватаю.

Досужевъ.

Надобно франта-то этого видѣть, физику-то его посмотрѣть; тогда можно прямо сказать, чего дѣло стоитъ. (*Луша входитъ*).

Луша.

Какіе-то два барина подъѣхали.

Настасья Панкратьевна.

Вотъ грѣхъ-то! Вотъ бѣда-то! Вѣдь это они! Пускать ли ужь?

Досужевъ.

Пустите. А я изъ другой комнаты посмотрю на нихъ, да послушаю, что говорить будутъ; тогда дѣло видно будетъ.

Настасья Панкратьевна.

Ну, пусти, поди! (*Луша уходитъ*).

Андрей Титычъ.

Кто же это другой-то съ нимъ?

Досужевъ.

Приказнаго какого нибудь для острастки взялъ. (*Уходитъ въ другую комнату. Входятъ Перцовъ и Неизвѣстный*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ, Перцовъ и Неизвѣстный.

Перцовъ.

Господинъ Брусковъ дома?

Настасья Панкратьевна.

Нѣтъ, батюшка, нѣту.

Перцовъ.

Какъ же онъ мнѣ сказалъ, что будетъ ждать для переговоровъ! Это чортъ знаетъ, что такое! *(Шепчетъ что-то наухо Неизвѣстному)*. А скоро ли онъ будетъ?

Настасья Панкратьевна.

Не знаю, батюшка.

Перцовъ (*Неизвѣстному*).

Садись, подождемъ. *(Садятся и шопотомъ разговариваютъ)*.

Неизвѣстный.

Вы ихъ супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна.

Да, батюшка.

Неизвѣстный.

Дѣтокъ имѣете?

Настасья Панкратьевна.

Два сына, батюшка. (*Молчаніе*).

Неизвѣстный.

Не хорошо, сударыня, не хорошо-съ.

Настасья Панкратьевна.

Что-жъ дѣлать-то, батюшка, грѣхъ попуталъ. Ужъ

видно бѣсъ какъ-нибудь ихъ благородіе подъ руку-то подсунулъ.

Неизвѣстный.

Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дѣло до суда дойдетъ, такъ вашему мужу очень плохо будетъ.

Настасья Панкратьевна.

Мы этого знать не можемъ.

Перцовъ.

Что ты съ ними толкуешь! Они не понимаютъ, какіе громы могутъ обрушиться надъ ихъ головами.

Неизвѣстный.

Вы посовѣтуйте вашему супругу, чтобы онъ кончилъ съ господиномъ Перцовымъ.

Перцовъ.

Да, въ противномъ случаѣ я поступлю съ нимъ жестоко.

Неизвѣстный.

Пусть онъ удовлетворитъ господина Перцова суммою, которую онъ требуетъ...

Настасья Панкратьевна.

Гдѣ-жъ намъ взять такихъ денегъ! Легко сказать, триста тысячъ!

Неизвѣстный.

Вы не извольте пугаться этой суммы! Это такъ, примѣрно сказано, съ-горяча. Господинъ Перцовъ, вѣроятно, будутъ такъ снисходительны, что сдѣлаютъ уступочку.

Перцовъ.

Да, если ужь очень расплачутся, такъ уступлю что нибудь.

Неизвѣстный *(пошептавшись съ Перцовымъ).*

Я думаю, что господинъ Перцовъ на половину согласится, если только сейчасъ деньги.

Перцовъ.

Только въ такомъ случаѣ. Такъ вы и скажите своему мужу и повѣлителю.

Настасья Панкратьевна.

Хорошо, батюшка.

Перцовъ.

Ну, пойдемъ! Что-жъ намъ его дожидаться!

Неизвѣстный.

Такъ вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если онъ не удовлетворитъ сегодня же господина Перцова, то завтра дѣло пойдетъ въ судъ. Часа черезъ два я зайду навѣдаться. Затѣмъ, прощенія просимъ.

Перцовъ.

Онъ еще не ученъ.

Неизвѣстный.

Да-съ. Благородное обращеніе плохо понимаетъ.

Перцовъ.

Ну, такъ я выучу. Василискъ Перцовъ выучитъ обращенію. *(Входитъ Досужевъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Досужевъ.

Досужевъ.

Господинъ Перцовъ! Васъ ли я вижу?

Перцовъ.

Здраствуйте, господинъ Досужевъ! Представьте, какой со мной страшный случай!

Досужевъ.

Да, я слышалъ.

Перцовъ.

Вся жизнь моя преисполнена разными приключеніями.

Досужевъ.

Господа, мнѣ нужно съ господиномъ Перцовымъ по секрету поговорить.

Настасья Панкратьевна.

Мы, батюшка, уйдемъ. Пойдемъ, Андрюша! *(Уходитъ; Андрей Титычъ за ней).*

Досужевъ.

Сего неизвѣстнаго тоже отправьте домой! Что ему здѣсь дѣлать?

Перцовъ.

Какъ же безъ вознагражденія? Ему довольно будетъ самаго незначительнаго.

Досужевъ.

Ужь это ваше дѣло! *(Перцовъ шепчетъ что-то Неизвѣстному, тотъ уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Досужевъ и Перцовъ.

Досужевъ.

Вы опять за свой промыселъ?

Перцовъ.

Какъ вы могли подумать! Вы меня обижаете, госпо-

динъ Досужевъ! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вотъ и сегодня я поѣхалъ въ Марьину рощу наслаждаться благами природы и попалъ въ хаосъ необразованности.

Досужевъ.

Ловкій вы человѣкъ!

Перцовъ.

Я несчастный человѣкъ, господинъ Досужевъ. Удары судьбы...

Досужевъ.

Во сколько же вы цѣните вашу обиду?

Перцовъ.

Какими же деньгами можно оцѣнить оскорбленіе, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Я съ вами согласенъ. Значитъ, вы денегъ не хотите. Да оно и подло, деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцовъ.

Ну, нѣтъ; ежели бы приличную сумму...

Досужевъ.

Такъ вы бы взяли?

Перцовъ.

И я надѣюсь, господинъ Досужевъ, что вы, какъ благородный человѣкъ, мнѣ мѣшать не станете.

Досужевъ.

Какъ можно! Я хочу хлопотать за васъ. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусковъ долженъ вамъ отдать, и онъ меня послушаетъ.

Перцовъ (*пожимая Досужеву руку*).

Merci, господинъ Досужевъ! Вы не жалѣйте этого

безсмысленнаго невѣжду; требуйте съ него больше, мы съ вами подѣлимся.

Досужевъ.

Я ужъ и такъ много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцовъ.

Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужевъ.

Сто цѣлковыхъ.

Перцовъ.

Злая насмѣшка, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Неужели-жъ вамъ въ самомъ дѣлѣ полтораста тысячъ дать!

Перцовъ.

Отъ полутораста тысячъ до ста рублей еще разстояніе велико.

Досужевъ.

Берите сто рублей; я вамъ совѣтую. Хорошія деньги.

Перцовъ.

Вы знаете, что я человѣкъ непреклонный.

Досужевъ.

Не хотите ста, такъ и ничего не получите.

Перцовъ.

Мало, господинъ Досужевъ!

Досужевъ.

Берите, право, берите. Вы меня понимаете?

Перцовъ (*беретъ Досужева за руку*).

Господинъ Досужевъ, только для васъ соглашаюсь, только для васъ.

Досужевъ.

Вотъ и прекрасно. *(Кричитъ въ дверь)*. Андрюша, пришли перо съ чернильницей, да листъ бумаги!

Перцовъ.

Къ чему это, господинъ Досужевъ?

Досужевъ.

Вы дадите подписку, что на Брускова претензіи не имѣете и за обиду считаете себя удовлетвореннымъ. *(Луша приноситъ бумагу и чернила)*. Давай сюда! *(Садится къ столу)*. Не дурна дѣвочка-то.

Перцовъ.

Пріятный сюжетецъ.

Досужевъ (*принимая бумагу и чернила*).

Кто изъ хозяевъ съ тобой ласковѣе-то? Чай, Андрюша? али самъ старикъ?

Перцовъ.

Ты, душенька, говори, не конфузься!

Луша.

Да будетъ вамъ, безстыдники! (*Уходитъ*).

Досужевъ.

Такъ вотъ-съ. *(Пишетъ)*. Вотъ подпишите. А деньги получите завтра утромъ отъ меня. Вѣрите мнѣ или нѣтъ? А то возьмите росписку.

Перцовъ (*подписываетъ*).

Помилуйте, господинъ Досужевъ, между благородными людьми довольно одного слова.

Досужевъ.

Значитъ, до свиданія!

Перцовъ.

Честь имѣю пребыть-съ. *(Уходитъ. Андрей Титычъ входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Досужевъ и Андрей Титычъ.

Андрей Титычъ.

Какъ дѣла, Василій Митричъ?

Досужевъ.

Вотъ и мировая готова; а сторговаться съ твоимъ отцомъ Перцовъ мнѣ поручилъ.

Андрей Титычъ.

Много ли жъ вы съ тятеньки возьмете?

Досужевъ.

Страсть! Ограблю.

Андрей Титычъ.

Вы хоть меня-то пожалѣйте! Если вы съ тятеньки много денегъ возьмете, онъ разсердится такъ, что бѣда; и ужь тогда не видать мнѣ Александры Петровны, какъ ушей своихъ.

Досужевъ.

Какое же мнѣ дѣло до тебя и до твоей Александры Петровны!

Андрей Титычъ.

Что-жъ мнѣ теперь дѣлать?

Досужевъ.

Да что хочешь, то и дѣлай! Я человѣкъ бѣдный, долженъ о себѣ заботиться, а не о васъ.

Андрей Титычъ.

У меня, Василій Митричъ, только и надежды было, что на васъ. А теперь, значитъ, все одно хоть умирай!

Досужевъ.

Разговаривай еще!

Андрей Титычъ.

А еще пріятелемъ называетесь! Развѣ такъ пріятели дѣлаютъ!

Досужевъ.

Мало ты еще на свѣтѣ жилъ, коли на пріятелей надѣешься! Такъ-то, мой милый! Деньги всегда дороже пріятелей.

Андрей Титычъ.

А вы думаете, такъ вамъ тятенька и дастъ денегъ! Какъ же! Дожидайтесь.

Досужевъ.

А не дастъ, такъ въ смирительномъ посидитъ.

Андрей Титычъ.

Господи, Что же это такое! Это ужь еще хуже! Какой страмъ-то! Какая мараль на все семейство!

Досужевъ.

Ну, да что мнѣ съ тобой разговаривать! Поди, зови отца изъ тарантаса!

Андрей Титычъ.

Не хотите вы меня теперь пожалѣть, ну, такъ послѣ пожалѣете, да ужь поздно будетъ *(уходитъ)*.

Досужевъ.

Посмотримъ, что это за звѣрь Титъ Титычъ! Ужь я не радъ, что взялся за дѣло-то! Вѣдь, чортъ его знаетъ,

поколотитъ, пожалуй. Еще въ чужомъ домѣ съ нимъ, говорятъ, можно разговаривать; а ужь къ нему-то придти, все-равно, что къ медвѣдю въ берлогу. Главное, не робѣть! *(Входитъ Титъ Титычъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Досужевъ и Титъ Титычъ.

Титъ Титычъ *(садится на кресло и нѣсколько времени мрачно смотритъ)*.

Здравствуй!

Досужевъ.

И ты здравствуй!

Титъ Титычъ.

Ты Андрюшинъ знакомый?

Досужевъ.

Да.

Титъ Титычъ.

Ты какой такой? Благородный, аль такъ?

Досужевъ.

Да тебѣ развѣ не все равно?

Титъ Титычъ.

Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебѣ чинъ, такой съ тобой и разговоръ будетъ.

Досужевъ.

Я губернскій регистраторъ.

Титъ Титычъ.

Это что-жъ такое?

Досужевъ.

Пятнадцатаго класса. Насъ во всей Россіи только двое.

Титъ Титычъ.

Ну садись, гость будешь!

Досужевъ.

Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Титъ Титычъ.

Сказано, садись, такъ и садись. Что ты, какъ бѣсъ, будешь передо мной вертѣться! Терпѣть не могу.

Досужевъ.

Ну, будь по твоему, сяду. *(Хочетъ подвинуть стулъ).*

Титъ Титычъ.

Ты что тамъ еще? Не смѣй трогать стульевъ! Они на мѣстѣ поставлены. Садись вотъ здѣсь, подлѣ меня!

Досужевъ *(садясь).*

Ты не очень командуй!

Титъ Титычъ.

Да коли ты не порядокъ дѣлаешь, какъ же тебѣ не сказать!

Досужевъ.

Ну, будетъ о пустякахъ-то! Пора и о дѣлѣ. Мнѣ вѣдь некогда.

Титъ Титычъ.

Ну вотъ, теперь давай о дѣлѣ! Только ты меня не разсерди, смотри; а то я и разговаривать не стану, и прогоню. Я ужъ одного прогналъ.

Досужевъ.

Ну, хорошо, хорошо!

Титъ Титычъ.

Много ль ты съ меня взять хочешь?

Досужевъ.

За что?

Титъ Титычъ.

За что? Извѣстно, за что. За это дѣло?

Досужевъ.

Помирить что ли?

Титъ Титычъ.

Нѣтъ, не помирить, а оправить совсѣмъ, чтобы я чистъ былъ.

Досужевъ.

Да какъ же тебя оправить, когда ты виноватъ?

Титъ Титычъ.

Виноватъ! Это я и самъ знаю, что виноватъ. Зачѣмъ же ты и стряпчій, коли ты не можешь оправить человѣка? А ты такую кляузу напиши, чтобъ я былъ не виноватъ ни въ чемъ.

Досужевъ.

Этого нельзя. Надобно помириться.

Титъ Титычъ.

Ни подъ какимъ видомъ. Ты не смѣй и заикаться! Я и слышать не хочу.

Досужевъ.

Буянить твое дѣло; а мириться такъ вотъ не хочешь!

Титъ Титычъ.

Да ты съ кѣмъ говоришь! Учить что ли ты меня пришелъ у меня-то въ домѣ! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мнѣ заказать смѣешь! Вотъ я ужо Андрюшкѣ задамъ, чтобы онъ этакихъ стракулистовъ ко мнѣ не водилъ.

Досужевъ.

Да ты потише! Отъ меня вѣдь въ тарантасъ не спрячешься.

Титъ Титычъ *(встаетъ и Досужевъ тоже)*.

Да ты къ чему тутъ присталъ! Ты человѣкъ посторонній! Зачѣмъ ты ко мнѣ въ домъ зашелъ? Тебѣ что тутъ нужно? Ишь ты, влѣзъ въ гостиную, разсѣлся, тоже важничаетъ! Какъ ты смѣлъ придти меня безпокоить? Я вотъ сейчасъ велю тебя со двора согнать. Чтобъ ты и носу сюда показывать не смѣлъ. Я тебя и знать не хочу.

Досужевъ.

Радъ бы не хотѣть, да нельзя. Ты грамотѣ знаешь? Такъ вотъ смотри! *(Показываетъ бумагу)*. Перцовъ далъ подписку, что дѣло съ тобой прекращаетъ и подписку эту отдалъ мнѣ. Теперь я, что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу, отдамъ ее тебѣ, и дѣло кончено; а не захочу, подадимъ на тебя завтра прошеніе и упрячемъ тебя въ смирительный.

Титъ Титычъ *(садится)*.

Значитъ, я съ тобой теперь долженъ дѣло дѣлать?

Досужевъ.

Со мной.

Титъ Титычъ.

Ну, садись! Сейчасъ выпьемъ чего нибудь.

Досужевъ *(садясь)*.

Нѣтъ, ужь прежде давай дѣло кончимъ!

Титъ Титычъ.

Ну, давай! Значитъ, я тебѣ за эту росписку долженъ деньги заплатить?

Досужевъ.

Похоже на то.

Титъ Титычъ.

А ты имѣй сколько-нибудь совѣсти, не грабь меня. Грабить-то не хорошо. Пора ужь вамъ эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты дѣлай дѣло почестнѣе!

Досужевъ.

Слышу, слышу.

Титъ Титычъ.

Ну, много ли-жъ ты съ меня потребуешь?

Досужевъ.

Вотъ, во первыхъ, сто цѣлковыхъ Перцову за обиду. Это ты пошли съ сыномъ завтра утромъ.

Титъ Титычъ.

Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и въ другой разъ, коли случится.

Досужевъ.

Такъ ты опять поколотишь?

Титъ Титычъ.

Эти деньги я всегда въ состояніи заплатить, когда хочешь.

Досужевъ.

Нѣтъ, ужь въ другой-то разъ тебѣ много дороже станетъ. Для меня только онъ съ тебя сто цѣлковыхъ, а то просилъ полтораста тысячъ. Ну, теперь за хлопоты.

Титъ Титычъ.

Много ли-жъ тебѣ?

Досужевъ.

Мнѣ много надобно.

Титъ Титычъ.

Будь почестнѣе! будь почестнѣе, я тебѣ говорю. Не хорошо вѣдь. Много запросишь, вѣдь не дамъ. Только ты меня растревожишь! А я старый человѣкъ. Ну, прошу я тебя! Кончимъ по-дружески, много не ломи!

Досужевъ.

Ты обѣщалъ женить сына на Кругловой?

Титъ Титычъ.

Тебѣ что за дѣло?

Досужевъ.

Кабы не было мнѣ дѣла, я бъ и разговаривать не сталъ.

Титъ Титычъ.

Обѣщалъ, да раздумалъ.

Досужевъ.

Ну, такъ ты передумай опять, да и жени его поскорѣе!

Титъ Титычъ.

Какъ же ты можешь мнѣ въ такомъ дѣлѣ указывать? Да гдѣ же это видано! Нѣтъ, ты, должно быть, сегодня отъ меня добромъ не хочешь уйти? Дождешься, что я тебя изуродую.

Досужевъ.

Ну, видно, говорить съ тобой нечего; а надо сейчасъ къ полиціймейстеру ѣхать. (*Беретъ шляпу*).

Титъ Титычъ.

Постой, ты! Какъ тебя?

Досужевъ.

Ну, что еще?

Титъ Титычъ.

Да ты почемъ знаешь, можетъ, я и самъ хочу женить его на Кругловой, и передумывать мнѣ нечего. Можетъ быть, я тебя обманулъ!

Досужевъ.

Это ужь твое дѣло.

Титъ Титычъ.

То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А еслибъ не я самъ, и никто бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ. Слышишь ты, что я тебѣ говорю?

Досужевъ.

Слышу, слышу.

Титъ Титычъ.

Я хочу, чтобъ Андрюшка женился на Кругловой, такъ тому и бытъ! Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ. Что хочу, то у себя дома и дѣлаю.

Досужевъ.

Ну, вотъ, когда ты женишь сына, тогда я тебѣ росписку и отдамъ, такъ дѣло твое и кончится.

Титъ Титычъ.

Эй! Кто тамъ? *(Входитъ Настасья Панкратьевна)*. Подайте шампанскаго, да идите всѣ сюда!

Настасья Панкратьевна.

Ну, слава Богу! Должно быть, дѣло на ладъ идетъ. *(Уходитъ)*.

Титъ Титычъ.

А деньгами много-ль тебѣ?

Досужевъ.

Ничего.

Титъ Титычъ.

Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебѣ говорю: я, можетъ быть, дамъ. Не въ состояніи я что ли заплатить тебѣ?

Досужевъ.

Я знаю, что въ состояніи; да не надо мнѣ.

Титъ Титычъ.

Фальшививишь ты чтонибудь?

Досужевъ.

Кабы я для тебя хлопоталъ, такъ я бы съ тебя взялъ денегъ много. Ну, много не много, а взялъ бы, сколько слѣдуетъ. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Титъ Титычъ.

Понимаю. Ты приходи ко мнѣ чаще, я тебя полюбилъ. *(Входятъ Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Луша съ шампанскимъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Титъ Титычъ, Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Луша.

Титъ Титычъ.

Слушай ты, Андрюшка! Будетъ тебѣ по Москвѣ собакъ-то гонять! Что ты шляешься, какъ совраcъ безъ узды! Пора тебѣ, дураку, за умъ браться! Кабы не родители, кто бы о тебѣ, дуракѣ, подумалъ! Собирайся сейчасъ къ невѣстѣ съ матерью! Къ Кругловымъ ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титычъ.

Да я теперь счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Кого же мнѣ только за это благодарить-съ? Я такъ думаю, что васъ, Василій Митричъ.

Титъ Титычъ.

Разумѣется, его: потому онъ все дѣло кончилъ благополучно.

Настасья Панкратьевна.

Говорила я, что въ тяжелый день ничего дѣлать не нужно! Вотъ какая бѣда-то было вышла, кабы добрый человѣкъ не помогъ!

Титъ Титычъ.

За это мы всѣ его будемъ благодарить такъ, что онъ, можетъ, и не ожидаетъ.

Досужевъ.

Ничего мнѣ отъ васъ не надо. (*Беретъ стаканъ вина*). Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядѣть на васъ да радоваться! (*Выпиваетъ стаканъ*).

BIBLIOTHECA REGIA MONACENSIS

Свои собаки грызутся 3

Старый друг лучше новых двух 147

Расчитались

Грех

Тяжелые дни

F. X. BEER
kgl: Hofbuchbinder
in
MÜNCHEN
Lederergaſse N° 25.

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Ostrovskij, Aleksandr Nikolaevič,

Sotschinenija

Bd.: 3

Petersburg (1867)

P.o.rel. 3333-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036367-8